
НОВАЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

д и а к о н

Александр Занемонец

.....

ВИЗАНТИЙСКИЙ
БУКВАРЬ

.....

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ
ВИЗАНТИИ

НОВАЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Д И А К О Н
Александр Занемонец

.....

ВИЗАНТИЙСКИЙ БУКВАРЬ

.....

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ
ВИЗАНТИИ

А. В. Занемонец
Византийский букварь. Введение в
историю Византии

Глава первая

Рождение империи

Введение

В представлении большинства наших современников Византия является странным, мало понятным государством, которое возникло так же неожиданно, как и исчезло. Единственное, что о нем известно многим, так это то, что его подданные исповедовали православное христианство, ведь именно благодаря им более тысячи лет назад была крещена Киевская Русь. Один мой американский знакомый, узнав, что я занимаюсь Византией, поинтересовался, не могу ли я за десять минут рассказать ему в общих чертах о том, что же это такое. Вряд ли я смог вполне удовлетворить его интерес хотя бы потому, что Византийская империя просуществовала более десяти веков. Эта небольшая книга – попытка дать чуть более развернутый ответ на тот вопрос.

Для академического мира Византия тоже долгое время представлялась маргинальным явлением: в XVIII в. английский историк Гиббон воспринимал Византию как продолжение истории «упадка и падения» Римской империи. Мнение Гиббона – яркое выражение «академического снобизма», но также и того, что Византия не вмещалась в границы представлений о культурном пространстве той эпохи. Но ведь хорошо то разрушающееся государство, у которого уходит на это целое тысячелетие, по ходу которого оно продолжает являться одной из ключевых держав средневекового мира. Любое современное государство могло бы ему позавидовать.

В смысле государственного устройства Византия была преемницей Римской империи, вернее сказать – ее восточной, по преимуществу грекоязычной половины. Эта римская государственность была скреплена христианской верой. Этот синтез римской государственности, греческой культурной традиции и христианства дал миру Византию. Началом Византии обычно считают либо 330 г. – основание Константинополя, – либо 395 – официальное разделение Римской империи на Западную, со столицей в Риме, и Восточную, со столицей в Константинополе. При этом сами византийцы даже не знали, что они византийцы, ведь они по-прежнему называли себя римлянами (по-гречески – ромеями). Название Византия – это научное, академическое название, которое стали использовать уже после падения самого государства. Византийская империя просуществовала с IV по XV в., нередко переживая кризисы и сокращаясь в размерах. При этом ее религиозное и культурное влияние выходило далеко

за пределы границ империи и, безусловно, пережило 1453 г. – год захвата Константинополя турками-османами. Это обстоятельство дало возможность британскому византинисту русского происхождения Дмитрию Оболенскому говорить о наличии *византийского содружества*, охватывавшего целый ряд стран Восточной Европы и имевшего скорее цивилизационно-религиозный, нежели государственный характер. Киевская, а затем и Московская Русь была непосредственной участницей этого содружества.

Ниже речь пойдет о расположении и населении Византийской империи, о формировании и начальных этапах ее развития, о ее культурном и государственном преемстве.

1. Географические условия

Говорить о границах как Римской, так и Византийской империи достаточно сложно, так как почти всегда было существенное различие между реальным положением дел и, так сказать, *идеей* границ государства. В сознании римлян и византийцев рубежи их государства должны были совпадать с пределами *обитаемого мира* – *ойкумены*. Это имело вполне конкретное значение и соответствовало максимальному расширению римского государства – эпохе императора Траяна (98–117) после его кампании против даков. Это означало, что в теории под властью византийских императоров, мысливших в качестве преемников римских, находились гигантские пространства. На Западе границы империи проходили по северу Англии, по реке Рейну в Германии, захватывали нынешнюю Францию, Испанию, конечно же Италию, весь обитаемый север Африки вплоть до пустыни. На Востоке граница шла по реке Дунаю, захватывая весь Балканский полуостров, далее она включала в себя юг Крыма, ряд прибрежных территорий Кавказа, часть Армении, Малую Азию, Сирию, Палестину и Египет.

Все это воспринималось как законные составляющие части империи. В византийскую эпоху лишь при императоре Юстиниане (VI в.) границы империи хоть как-то напоминали описанную картину. Но это был единичный случай удавшейся на короткое время византийской реконкисты. В остальные же эпохи границы Византийской империи соответствовали в лучшем случае восточной половине Римского государства. Итак, Византия – это Восточно-Римская империя. Это означает, что в нее входили Балканы, Малая Азия, часть Армении, Сирия, Палестина, Египет, а Черное море временами превращалось во внутривизантийское озеро.

Такая гигантская протяженность территории создавала невероятное разнообразие ландшафта. Относительно всех частей страны с уверенностью можно сказать лишь о том, что повсюду очень важным фактором было присутствие моря, которое имело как экономическое, так и транспортное и культурное значение. Именно море, как и в древние времена, являлось основным путем, соединявшим зачастую даже близкие друг к другу регионы, не говоря уже об отдаленных. Центром Византийской империи являлся Константинополь, или Новый Рим, как он был назван изначально. Его расположение очень подходило для того, чтобы являться столицей такого разноликого государства: город располагался на

берегах Босфора – пролива, который соединял Черное море со Средиземным, а Европейский континент – с Азией. Константинополь в самом деле был мостом, соединившим различные миры.

Теперь подробнее о регионах империи. Сразу возникает проблема, с какой из частей начать, так как в различные эпохи они имели разное значение. Казалось бы, Византия была страной греческого языка и культуры, так что первым делом стоит говорить о Балканах – центре расселения греков. Но при этом Балканы почти всегда были в Византийскую эпоху провинцией, а некогда великие греческие города – такие как Афины, Коринф, Спарта – превратились в незначительные провинциальные центры, если не исчезли вовсе. Опорной территорией скорее являлась Малая Азия, потеря которой в свое время будет означать начало конца всего государства. Но возможно, что эта ее роль была в первую очередь обусловлена стратегическим значением. (Интересна параллель с нашим временем: некогда могучая Османская империя, положившая конец Византии и расположившаяся на ее землях, сегодня сократилась до размеров относительно небольшой Турции, опять-таки расположенной в Малой Азии.) Если городское население византийской Малой Азии было греческим, то «на земле» жили по преимуществу автохтонные варварские народы.

Что касается действительно крупных городских центров, то, помимо самой столицы, в первые века жизни Византии ими являлись старые центры римско-эллинистического мира – Антиохия, Берит (Бейрут), расположенные в Сирии, и Александрия в Египте. Когда в VII в. эти районы страны будут захвачены арабами-мусульманами, империя переживет тяжелейший кризис, из которого выйдет уже в значительной степени иным государством... Сейчас остановимся подробнее на описании географии каждого из указанных регионов, идя по часовой стрелке – от Балкан к Египту, а в конце скажем и о столице империи – Константинополе.

Такой регион, как Балканы, можно считать колыбелью греческого народа и его культуры – хотя бы поэтому его значение для Византийской империи было очень велико. Географически Балканы являются пересеченной местностью, так как большую часть суши занимают горы, отделяющие равнинные пространства друг от друга. Это очень затрудняло прямые контакты между регионами, даже если они находились близко друг к другу. В древности такая отделенность одной области от другой способствовала возникновению разных диалектов внутри единого греческого языка, разных особенностей быта, образа жизни, культуры. Позже различные диалекты станут нормативными для разных жанров древнегреческой литературы.

К началу византийской эпохи контакты между областями Балкан проходили, конечно же, легче, нежели в древности, однако обособленность регионов и преимущества именно морского сообщения по-прежнему оставались. Свидетельством этого является то, что основные города Балканского полуострова были в первую очередь морскими портами, а не центрами региональной интеграции. Это отдаляло их друг от друга, однако вместе с этим превращало в часть великого целого – мировой империи. Если в Античности и в эллинистическую эпоху основными городами на Балканах были Афины, Спарта, Коринф, отчасти Пелла, то в византийскую эру старые города теряют свое бывшее значение. В основной центр превращается новый город – Фессалоника, который после потери Византией Ближнего Востока становится вторым городом империи после Константинополя. Помимо этого, еще с римских времен возрастает роль не собственно Греции, а северных Балкан. Здесь важное опорное значение имели Диррахий (позже превратившийся в славянский Дубровник), Сердика, Адрианополь и города балканского Причерноморья – Анхиал, Одесс, Томы.

Население ранневизантийских Балкан было достаточно пестрым. Юг полуострова населяли греки, тогда как север был заселен различными варварскими народами, в той или иной степени подвергшимися эллинизации (македонцы, фракийцы) или латинизации (иллирийцы, даки). В V–VI вв. Балканский полуостров испытал нашествие гуннских племен и главным образом славян. Славяне дошли до самого юга полуострова, однако там они постепенно были ассимилированы греческим населением, тогда как на севере ими были созданы целые славянские государства, некоторые из которых так или иначе существуют до сегодняшнего дня.

В культурном смысле Балканы были разделены не только на юг с греческим населением и север с варварским, но и на области с преобладанием греческой или же римской культуры. Северо-запад полуострова (Иллирик, Дакия) находился под сильным латинским влиянием, что позже привело к борьбе Римского и Константинопольского епископов за церковную юрисдикцию над данной территорией. Административно Балканы так же были разделены. Большая часть полуострова составляла префектуру Иллирик, тогда как Фракия (на северо-востоке полуострова), европейские пригороды Константинополя и часть греческих островов относились вместе с остальными областями империи к префектуре Восток.

Малая Азия была в значительной степени основанием Византийской империи. И сегодня этот регион – Турция – является тем ядром, которое

осталось от некогда огромной Османской империи, возникшей на развалинах Византии. В отличие от Греции, Малая Азия является компактной материковой территорией, примерно в два раза превышающей площадь Балканского полуострова. Основные географические различия внутри области – между побережьем и материком и между равнинными частями страны и преобладающим горным ландшафтом.

Население Малой Азии еще с античных времен распределялось следующим образом: греческое население в городах всех трех побережий (особенно на берегах Ионийского моря) и «варварские» племена – внутри полуострова. В основе большинства главных городских центров были древние греческие колонии – Эфес, Милет, Смирна, Пергам, Амастрида, Синопа, Трапезунд и т. д. Из негреческих племен в Малой Азии жили лидийцы, фригийцы, галаты, исавры. Значительный процент населения составляли армяне, жившие как собственно на армянских территориях на востоке Малой Азии, так и разбросанные по разным городам региона. Как это ни удивительно, но греческое и армянское население составляло большинство в Малой Азии чуть ли не до начала XX столетия. Не говоря уже о том, что этнически и современные турки в значительной степени эллинизированы.

К Малой Азии были близки самые северные и суровые области империи – южный Крым и Кавказ, где византийское влияние также основывалось на греческих городах, некогда являвшихся выведенными из метрополий колониями. Некоторые исследователи считают, что мечтой византийцев было превращение Черного моря в «византийское озеро», но в полной мере эта мечта так и не сбылась. Нередко в Причерноморье непосредственное влияние Византии и православия не простиралось дальше хоры греческих городов, а остальное основывалось на договоренностях с соседними народами и государственными образованиями. Северное и восточное Причерноморье в то время являлось своего рода «византийской Сибирью» – именно туда ссылали самых опасных нарушителей государственного порядка. Крым, Кавказ и Болгария были для византийцев «страной, где никогда не бывает лета», как писал об этом один византийский епископ.

Что касается Сирии (отчасти Палестины) и Египта, то в свое время это были наиболее значимые государства эллинистического мира – государства Селевкидов и Птолемеев. В римское время здесь сохранялся грекоязычный характер культуры, притом что появилась также небольшая прослойка носителей латинского языка. Похоже, что эти регионы, наравне с Малой Азией, в первые века н. э. также были областями наиболее широкого

распространения христианства. Греческая культура находила себе прибежище исключительно в городах, в то время как сельская местность с ее семитским населением оставалась далекой от греческой образованности.

Все это имело далеко идущие последствия: города Ближнего Востока были одними из основных очагов византийской культуры – Антиохия и Александрия, Тир, Берит, Кесария, Скифополь, Газа. В экономическом отношении Египет долгое время являлся житницей империи. Но при всем том в провинции Сирии-Палестины и Египта сохранялось недовольство чуждым для них эллинистическим (византийским) миром. В Египте, например, это выражалось в противостоянии коренных египтян-коптов грекам сначала как противостояние христиан язычникам, а позже, когда многие из греков также обратились к новой религии, это стало противостоянием христиан-монофизитов христианам-православным... В итоге в первой половине VII в. эти страны были для империи потеряны: местных жителей, которые поддерживали персов, а затем и арабов, против говорящего по-гречески константинопольского императора оказалось слишком много.

Если говорить об империи в целом, то на начальном этапе территория Византийской империи превышала 750 000 км², а ее население исчислялось несколькими десятками миллионов жителей. И это были самые разные народы и племена, жившие на очень разных в географическом и экономическом смысле территориях. Но они были объединены единой государственной властью и, пусть иногда поверхностно, греческой культурой и христианской верой.

В центре этого мира располагалась столица империи – Константинополь. Находясь в прямом смысле слова на стыке европейского и азиатского континентов, Константинополь был самый большой, самый богатый, роскошный и просвещенный город позднеантичного и средневекового мира. Однако о том, каким образом возникла и что именно представляла собой столица Византийской империи, мы скажем ниже.

2. Разделение Римской империи

После смерти императора Феодосия I в январе 395 г. Римская империя была официально разделена на две части: на Западную и Восточную Римскую империю. Императором Восточной части становится Аркадий Флавиан. С этого момента формально начинается история Византийской империи. Впрочем, для самих византийцев – как и для многих исследователей – история собственно Византии началась с равноапостольного императора Константина Великого (306–337), основавшего новую столицу и положившего начало превращению христианства в господствующую религию.

Идея или даже скорее необходимость разделения огромной Римской империи возникла задолго до императора Константина и основания Константинополя. Достигнув вершины своего могущества и территориального расширения, Римское государство начало разрушаться под бременем собственного величия и размеров. Яснее всего это стало в III в. н. э., когда все государство было сотрясено продолжительным политическим, экономическим и военным кризисом.

Причин для беспокойства было немало. Одной из больших проблем была сложность *управления* огромным государством. Изначально империя являлась государством, созданным одним городом для своих граждан. Экспансия Рима основывалась на силе его легионов. Со временем стало ясно, что государство не может существовать, основываясь лишь на военной силе и «пассионарности» относительно небольшого числа полноправных граждан. Государство искало расширения собственной социальной базы, а все новые и новые регионы (начиная с Италии) превращались из завоеванных территорий в полноценную часть государства. При огромной протяженности страны и постоянном усложнении бюрократической системы управление ею из одного центра – из Рима – начало становиться все более и более сложным. Теперь ведь речь уже не шла об одном лишь управлении армией. Регионы империи – особенно север и восток – оказались слишком «далекими» от столицы, чтобы можно было хотя бы контролировать действия местных властей. В конце III в. это приведет к реформе римской системы управления при императоре Диоклетиане и создании той системы, которая будет напоминать разделение империи на Запад и Византию.

Административная проблема была непосредственно связана с проблемами экономического порядка. Античная цивилизация была с самого начала городской цивилизацией. В ее основе лежал полис – город со свободными гражданами. Начиная с конца II в. города Римской империи начинают клониться к упадку. Сокращалось ремесленное производство, торговля, падало количество городского населения. Уменьшалась сама численность городов. Многие жители небольших городов переезжали в мегаполисы. Экономика империи отчетливо приобретала аграрный характер. После кризиса III в. империя уже была скорее не государством полисов, а сообществом крупных землевладельцев. Понятно, что работы в латифундиях основывались в значительной мере на рабском труде, в то время как сами источники поступления рабской силы были уже невелики из-за прекращения победоносных военных кампаний. Особо важно то, что этот экономический кризис постиг в первую очередь западную часть империи, тогда как грекоязычный восток в большей степени продолжал оставаться городским обществом свободных людей. Восток также был объят кризисом, однако его разрушительная сила была несравнима с тем, что постигло западные провинции и Италию. Если на западе огромная латифундия могла оказаться экономически самодостаточной, а ближайший к ней город мог превратиться в село, то на востоке именно города сохраняли значение ремесленного центра, а для многих из них главным по-прежнему была торговля на морских или сухопутных магистралях.

Что касается военного положения империи, то здесь империя со II в. переходит от расширения границ к их защите. На востоке главным многовековым конкурентом Рима являлось Персидское государство, с которым был достигнут определенный баланс сил, нарушенный лишь с появлением ислама и арабскими завоеваниями в VII в. Запад опять же оказался в более тяжелом положении из-за *великого переселения народов*, в конце концов разрушившего Западную Римскую империю. Постоянные набеги все новых и новых варварских народов приводили к прорывам пограничной обороны и поселению их на территории империи. На борьбу против них у истощенной империи уже не хватало сил.

С именем императора Диоклетиана (284–305 гг.) связано некоторое восстановление Римской империи в конце тяжелого III в. Среди прочего Диоклетиан установил систему так называемой *тетрархии*, или четверовластия. Она состояла в том, что римский император должен был иметь соправителя с таким же титулом, который находился бы на востоке государства. Каждый из императоров имел по одному соправителю, со временем заменявшему своего начальника. Это было фактическим

разделением империи на две или даже на четыре части, но с попыткой сохранить общую государственную элиту. Что касается самого Диоклетиана, то он, следуя изобретенной им концепции, в самом деле «ушел на пенсию», оставив власть соправителю. В конце жизни этот могущественный государь занимался тем, что сажал капусту в своем поместье вблизи нынешнего Сплита (в современной Хорватии)... Если что и осталось от идеи тетрархии, так это осознание того, что управлять единой империей больше невозможно и что она должна быть разделена на две части – на восток и запад. Более конкретные очертания этому придал один из преемников Диоклетиана – император Константин.

Константин, позже названный Великим и равноапостольным, положил начало обособленному существованию Восточно-Римской империи тем, что перенес столицу на восток. 11 мая 330 г. город был освящен и назван Новым Римом, хотя его сразу начали называть Городом Константина – Константинополем. День 11 мая на много веков станет «государственным праздником» Византийской империи. Место для нового города было выбрано очень удачно – он был основан на холмистом полуострове между Босфором и Золотым Рогом, на стыке Европы и Азии и на пересечении торговых путей из Черного моря в Средиземное. В течение многих веков на этом месте существовала небольшая мегарская колония Византий (по имени которой итальянские гуманисты позже дадут «научное» название самой империи), однако новая столица не мыслилась как продолжение этого небольшого города. Она должна была стать именно Новым Римом, но христианским и основанным на Востоке, где у империи было будущее.

Город строился по определенному плану. При Константине построили стены города, проложили улицы, возвели множество общественных построек: сенат, императорский дворец, храмы, ипподром, форум, акведуки, портики. Вместе с императорским двором в Новый Рим переехало значительное количество сенаторских семей, то есть высшей аристократии империи. Если говорить о том, кто переезжал в Константинополь, а кто оставался в Ветхом Риме, то в первую очередь разделение проходило по религиозному принципу: Рим остался языческим городом, а Константинополь создавался как христианская столица. Конечно, многие из константинопольских аристократов в реальности были новой служилой элитой. Большое количество богатых и аристократических семей создавало тяготение к новому городу со стороны простых людей и придало ему обаяние настоящей столицы. Еще при Константине в городе были выстроены десятки домов знати и вилл. Достаточно быстро первоначальные границы города оказались тесными для динамически

развивающейся столицы, и в V в. императоры занялись серьезным расширением города. Так называемые стены Феодосия (по имени императора Феодосия II, 408–450), начатые в 413 г., навсегда остались формальной границей Константинополя. Хотя в реальности город, конечно же, вышел далеко за их пределы.

После смерти императора Константина империя еще несколько десятилетий будет формально оставаться единым государством. Умирая, Константин завещал власть трем своим сыновьям и двум племянникам, однако в 353 г. римский мир вновь был объединен сыном Константина Констанцием. Последним императором единой Римской империи был Феодосий I (379–395), еще при жизни которого два его сына были провозглашены императорами – старший, Аркадий, для Востока и младший, Гонорий, для Запада. Интересно, что резиденцией Гонория считался Медиолан (Милан), а не Рим: из этого можно представить ту степень запустения, в которой тогда находился Вечный Город. С тех пор империя больше не объединялась под властью одного императора. При этом для современников государство оставалось по сути единым. В обеих частях государства действовали те же законы, тогда как новые постановления выходили за подписью обоих императоров. Сохранялась старая римская система двух консулов – теперь один из них назначался на Западе, а другой – на Востоке. По именам этих консулов обозначался год во всей империи. И так было до 476 г., когда пал Рим и империя вновь «объединилась» под властью одного императора – того, что находился в Константинополе.

3. История выживания. V век

В истории Византии, а также Западной Римской империи определенным этапом является V в. Если до 395 г. империя была единой, то после смерти императора Феодосия начинается этап отдельного существования двух государств. Для западной империи V в. оказался последним. В 410 г. впервые за всю свою историю Вечный Город был взят вестготами под предводительством Алариха, однако настоящим концом оказался 476 г., когда Рим вновь был взят Одоакром, а знаки императорского достоинства отосланы в Константинополь. Для Восточно-Римской империи V в. мог бы оказаться столь же печальным, как и для Западной. Несколько раз Константинополю грозил захват от тех же самых варваров, которые захватили и разрушили Рим. Но Византийская империя выжила. Для нее V в. стал периодом выживания, но не гибели. В начале VI в. ситуация изменилась, и начался, быть может, самый успешный период истории Византии – эпоха императора Юстиниана.

В V в. наиболее серьезной проблемой Византийской империи были взаимоотношения с варварскими народами. Взаимоотношения с соседями всегда непростые, и византийцы это хорошо знали во все периоды своей истории. Но в V столетии «варварская проблема» была особенно острой в связи с продолжавшимся процессом *переселения народов*. Европа постоянно наводнялась новыми и новыми ордами кочевников, переселявшихся в поисках пастбищ и пропитания и зачастую теснимых с тыла новыми наступающими народами. По этой причине победа римского оружия над одним из племенных союзов совершенно не означала окончательного устранения опасности. Это отличало опасность со стороны варваров от борьбы и войн с более устойчивыми противниками (как, например, Персия), которые были предсказуемы и достаточно хорошо изучены. Помимо собственно военных действий, римляне и византийцы прибегали если не просто к подкупу тех или иных варварских вождей, то приводили в действие все свое дипломатическое искусство, чтобы натравить одни племена на другие или поставить некоторые из них на службу империи. Таким образом происходила варваризация армии и легальное заселение приграничных территорий империи варварскими племенами. Через армию варвары проникали и в элиту византийского общества. Нередко дружба с варварскими племенами и их предводителями «покупалась» достаточно легко, хотя и за большую плату. Но, не будучи

основанной на объективной общности интересов, она могла расстроиться так же легко, как и появлялась.

Другой важнейшей стороной жизни Византии V в. являлся тот факт, что это было общество официально восторжествовавшего христианства. После обращения империи в христианство для церкви кончилась эпоха гонений и мученичества (в той исторической ситуации), и христиане смогли себе позволить заняться формулированием вероучительной системы, а также созданием и борьбой с ересями. В V в. прошло два Вселенских собора – Эфесский в 431 г. и Халкидонский в 451 г., – на которых были осуждены две очень серьезные и широко распространившиеся ереси – несторианство и монофизитство. Это было связано не только с богословскими дискуссиями, но и с целыми общественными движениями, имевшими для империи серьезные последствия. Впрочем, обо всем, что связано с Церковью, мы будем говорить ниже.

Первые годы раздельного существования двух частей Римской империи были наполнены бурными событиями, связанными с готским нашествием. После смерти императора Феодосия в 395 г. вестготы, не получив обычных богатых даров из Константинополя, избрали себе нового вождя по имени Аларих. Одновременно с этим в качестве ответа на «антиварварскую» политику новых властей Константинополя подняли восстание союзные готские гарнизоны во Фригии во главе с Трибигильдом. Осенью 395 г. Константинополь выдержал осаду со стороны армии готов, и здесь произошло то, что в будущем часто будет сопутствовать византийским военным успехам – дипломатические интриги. Префект византийской столицы Руфин (сам из варваров) уговорил осаждавших отойти от стен Константинополя и... направиться в Рим. На том этапе такая хитрость не говорила о противоречиях между Римом и Константинополем, просто это было единственным, что могло убедить варваров. Таким образом, в первом разрушении Вечного Города, произошедшем через 15 лет после этого, сыграло некоторую роль и «византийское коварство».

Но снятием осады с Константинополя дело не кончилось. В 396 г. готы успели разорить Афины и Коринф. Ради смягчения врагов император Аркадий вновь попытался инкорпорировать часть готской элиты в византийскую: в 398 г. Алариху был пожалован высокий военный титул (*magister militum per Illyricum*), таким образом часть готской армии формально превратилась в византийскую. При этом уже значительную часть настоящей византийской армии составляли готы, а ее фактическим главой был человек готского происхождения по имени Гайна. Это было следствие давней римской политики защищаться от одних варваров с

помощью других. Но нередко это приводило к трудностям. Так, Гайна поднимает в 399 г. восстание в Малой Азии против центральной власти. Возможно, Византия не переродилась в готское варварское королевство благодаря народному возмущению граждан Константинополя против варварской военной верхушки, произошедшему в июне 400 г. Существенно и то, что здесь играл роль религиозный момент – готы были арианами, а византийцы – православными. Поэтому возмущение также имело характер защиты истинной веры от грозящей опасности. В итоге готская опасность было устранена, но при этом она в значительной степени оказалась «перенаправлена» на Западную Римскую империю.

В 402 г. соправителем императора Аркадия был объявлен его восьмимесячный сын Феодосия. В 408 г., после смерти Аркадия, Феодосий формально становится правителем империи. Вся первая половина столетия – до 450 г. – будет связана с его царствованием. Впрочем, пока Феодосий пребывал в детском возрасте, реальная власть находилась в руках его родственников или временщиков. А это никогда не способствует устойчивости государства. Перед смертью император Аркадий постарался обеспечить спокойствие хотя бы на одном из фронтов: он попросил персидского царя Йездегерда I (399–420) быть опекуном малолетнего Феодосия. Как ни странно, но такой способ умиротворения давнего противника удался: в правление Феодосия между Персией и Византией не было открытых военных конфликтов, а спорные вопросы удавалось решать с помощью взаимных компромиссов.

Что касается внешней политики, то здесь главной проблемой оставался все продолжающийся процесс переселения народов. В эпоху Феодосия II Византия столкнулась с опасностью со стороны гуннов, во главе которых в 434 г. стал Атила, основавший в центральной и западной Европе настоящую гуннскую империю. К этому времени варварские племенные объединения постепенно начали процесс превращения в государства. В том же 434 г. византийское правительство поспешило заключить с гуннами мирный договор, долженствовавший обезопасить пределы империи от их вторжений. Впрочем, язык варваров и византийской дипломатии не был одним и тем же языком, и в 442 г. армия Атилы вторглась на Балканский полуостров. В течение пятилетней войны было разорено множество городов в Иллирии и Фракии, и во избежание худшего Феодосий прибег к испытанному средству: договор, заключенный с гуннами в 447 г., на этот раз был подкреплен огромными материальными дарами со стороны империи. Византия попросту откупила от гуннов, но сделано это было очень серьезным напряжением сил всей страны. Помимо подарков,

империя постаралась придать гуннской активности иной вектор – варварские армии отправились на запад. Но теперь вторжение гуннов на территорию Западно-Римской империи противоречило не только интересам самого римского государства, но и тем варварам, которые уже успели поселиться на его территории. В 451 г. на Каталаунских полях в центральной Галлии произошла «битва народов» – одно из наиболее масштабных сражений поздней Античности и последний серьезный успех римского оружия и дипломатии: римская армия и ее союзники разбили войско Атиллы. Через два года он умер, а его государство окончательно распалось.

Во внутренней жизни империи эпохи императора Феодосия уже чувствовались происходившие изменения: Византия превращалась из поздней Римской империи в новое государство. В начале века были построены новые стены Константинополя, а город заметно разросся. В 425 г. в столице была основана высшая школа – университет, который должен был стать своего рода христианской параллелью афинской академии. Университет поддерживался государством, в нем была 31 кафедра с разделением на греческое и латинское обучение. Напомним, что примерно до середины VI в. латинский язык оставался в Византии государственным языком. Помимо школы в Константинополе, важное значение имели академия в Афинах, богословские школы в Александрии и Антиохии, а также юридическая школа в Берите (Бейруте).

Эпохе императора Феодосия также принадлежит первая византийская кодификация римского права – кодекс Феодосия. Это было собрание всех тех римских законов, которые в то время действовали и сохраняли свою силу. В 438 г. кодекс был провозглашен как в Константинополе, так и в Риме, поскольку законодательство империи все еще было общим. Кодекс Феодосия был отражением как высокого интереса той эпохи к праву, так и необходимостью прилагать старое законодательство к меняющейся реальности. В этом процессе работа юристов Феодосия не стала окончательной, однако она была необходимым этапом для того синтеза, который будет достигнут через сто лет – в эпоху императора Юстиниана.

В первой половине века начались христологические споры в богословии, приведшие к Третьему Вселенскому собору в 431 г. и к Четвертому – в 451 г. К этому времени относится возникновение несторианства и монофизитства. О церковной жизни речь пойдет ниже, а пока лишь стоит заметить, что эти споры до некоторой степени отражали отличия и противоречия между разными регионами империи – Египтом, Сирией и Константинополем.

После смерти Феодосия престол наследовал Маркиан – муж его старшей сестры. Интересно, что почти все императоры второй половины V в. – Маркиан (450–457), Лев (457–474), Зинон (474–491) – были людьми простого происхождения и выдвинулись по военной линии. Это пример того, что принято называть «вертикальной мобильностью» византийского общества: благородство происхождения не имело решающего значения, и каждый человек мог достичь любого положения, вплоть до занятия императорского или патриаршего престолов. Династический принцип сложится на несколько веков позже по ходу феодализации византийского общества.

Император Лев (457–474) был офицером фракийского происхождения и являлся ставленником Аспара – византийского полководца алана, который прославился победами над гуннами. Но он вместе со своим окружением исповедовал арианство, что лишало его поддержки константинопольской верхушки и народа в качестве претендента на престол. Именно со Львом связано появление в Византии практики венчания на царство, осуществляемого патриархом. Впервые это было совершено над Львом, тогда как раньше главным было провозглашение нового императора армией и признание этого народом столицы. В Византии императорская власть начинает постепенно приобретать освященные новой религией сакральные черты. Император становится *помазанником Божиим*, а не просто плодом общественного договора. Это станет одним из оснований идеи своего рода *симфонии* – согласного существования церкви и государства, когда они взаимно признают друг за другом некое «божественное происхождение» и при этом – разделение функций. В окончательном варианте эта концепция сформируется примерно через столетие – в судьбоносном VI в.

Будучи выдвинут варварской военной элитой, Лев искал способы освобождения от нее. В качестве противовеса он начинает призывать в армию исаврийцев – представителей одного из малоазийских племен. Они были менее связаны с опасными для империи германскими племенами, и с правления Льва начинается достаточно долгий этап значительной роли исаврийцев в византийской армии. Более того, начальника экскувитов (императорской гвардии) Тарасокодиссу он назначил своим преемником, дав ему имя Зинон. Это вызвало интриги со стороны Аспара, в результате которых в 471 г. Лев безжалостно расправился со своими бывшими друзьями из германской военной элиты.

В правление Льва византийцы пытались вести совместную с Западной Римской империей борьбу против варваров. В 467 г. на западный престол был возведен угодный византийцам Анфимий, и Византийская империя

готовила грандиозный поход против вандалов. Экспедиция потерпела неудачу, что, вероятно, приблизило конец Рима. Западная Римская империя прекратила свое существование в 476 г., когда Одоакр взял Вечный Город, а знаки императорской власти отослал в Константинополь императору Зинону (474–491). На западе римская власть прекратила свое существование, а на месте империи одно за другим возникали варварские королевства, сменявшие друг друга. Новые народы победили Рим, но при этом они не дерзали претендовать на преемство от империи. Такова была ее харизма в глазах всех европейских народов того времени. Поэтому Одоакр и не присвоил себе императорские инсигнии, а отослал их в Новый Рим тому, кто, по его представлению, являлся истинным преемником римских императоров. Сам Одоакр удовольствовался титулом патриция. Византия не смогла помешать падению Рима. В VI в. Юстиниан предпринял попытку восстановления власти империи над Римом, Италией и вообще западной частью государства, однако все это не было долговечным. Западная Европа расставалась с римской эпохой и вступала в Средневековье с новой картой и новыми игроками.

Для Византии многие из конфликтов второй половины VI в. были связаны с религиозными вопросами. Так, например, конкурент Зинона Василиск сумел захватить столицу, но был низложен по причине отмены им судьбоносных решений Халкидонского собора (451 г.). Впрочем, сам Зион также пытался «нейтрализовать» решения этого Вселенского собора, которые не были приняты многими христианами византийских провинций – Египта, Сирии, Армении, – сделавшими выбор в пользу монофизитского богословия. С именем Зинона связана попытка примирить конфликтующие стороны на основании некоего усредненного исповедания. Это было отражено в его «Энотиконе», изданном совместно с патриархом Акакием в 482 г. С этого документа берет начало менофелитская ересь. В 484 г. папа Феликс III осудил еретический документ и отлучил патриарха Акакия от церкви. Начался первый раскол между Римской и Константинопольской кафедрами, который был завершён восстановлением православия в империи в 518 г.

Конец правления Зинона был омрачен как суровыми религиозными преследованиями православных, верных решениям Халкидонского собора, так и восстаниями в восточных областях империи. В Константинополе Зион также восставил многих против себя, что было связано с его мнительностью, конфискациями имущества богатых и процессами по доносам. После его смерти от эпилепсии в 491 г. престол наследовал силенциарий Анастасий, ставший мужем вдовы Зинона. В его правление

также продолжались серьезные конфликты с религиозной подоплекой. Анастасий симпатизировал монофизитам, тогда как защита православия была на знамени его конкурента Виталиана, троекратно поднимавшего восстание. Война с ним длилась с перерывами несколько лет, а в 513 г. его войско даже стояло под стенами Константинополя.

За годы своего правления Анастасий стремился к снижению роли военных элит в управлении государством. В первую очередь это выражалось в его борьбе с исаврами и исаврийским восстанием. Основной его опорой была городская верхушка Константинополя, по этой причине главные устремления и достижения его правления находились в налоговой и финансовой сфере. Кратко это можно охарактеризовать так: Анастасий был одним из немногих византийских императоров – похоже, их было всего два, – которые оставили после себя полную казну. В остальное время казна почти постоянно была пуста, хотя это было следствием не слабости византийской экономики, а постоянно больших расходов огромного государства, финансовая мощь которого не поспевала за его потребностями. При Анастасии большая часть налогов (включая налог на армию) была переведена в денежное измерение, были введены морские таможи, ответственность за сбор налогов была перенесена с городских курий (что тяжело отражалось на сельском населении) на откупщиков. При Анастасии не велось обширного строительства, и были кардинально сокращены расходы на роскошь, двор и зрелища. Все это позволило наполнить казну, хотя изъятие большого количества золота из обращения начало затруднять торговлю, а денежный характер налогов приводил к большой задолженности населения.

В результате своей политики Анастасий сумел отличиться особой непопулярностью у подданных. Но при этом можно утверждать, что его правление было тем основанием, на котором его преемники произведут в VI в. значительную перестройку всего государства, а долгое правление императора Юстиниана станет, быть может, самой яркой эпохой византийской истории.

Глава вторая
Византийское государство в эпоху
Юстиниана (518–610 гг.)

Введение

Для Византийской империи VI век стал одним из наиболее ярких периодов ее истории. Расцвет ее величия был связан в первую очередь с именем императора Юстиниана. В его время было кодифицировано римское законодательство и составлен Свод гражданского права (*Corpus Juris Civilis*), построен храм Софии Константинопольской, а границы государства на какое-то время стали напоминать границы былой Римской империи. Официальным языком государства и родным языком Юстиниана была все еще латынь, страна возрождалась в качестве христианской Римской империи, но все же именно в этот период стало ясно, что это уже не Рим, а именно Византия.

1. Император Юстин (518–527 гг.)

В 518 г. умер император Анастасий. Ему наследовал Юстин I, чье правление не было особенно выдающимся. Но, возможно, он просто оказался в тени своего великого племянника – Юстиниана. Биография Юстина является одним из лучших примеров византийской «вертикальной мобильности»: будущий император происходил из иллирийских крестьян. С его балканским происхождением связана легенда о *славянских* корнях Юстина и Юстиниана, хотя в действительности они скорее были представителями латинизированных албанских племен. Образованием император похвалиться не мог, и даже поставить собственную подпись было, по свидетельству современников, выше его учености. Юстин был профессиональным военным, и императорского трона он достиг благодаря военной карьере. Таким образом, византийская концепция «вертикальной мобильности» оказывалась реализацией для своего времени слов Александра Македонского о том, что власть в государстве должна доставаться сильнейшему.

Пожалуй, самое яркое события времени правления Юстина находилось в религиозной сфере – тогда церковные дела выходили по своей значимости далеко за стены храмов и оказывали серьезное влияние на всю общественную жизнь. О византийском христианстве подробнее будет сказано ниже, но в общих чертах – в то время был прекращен раскол, впервые разделивший восточную и западную часть христианской Церкви – Римский и Константинопольский патриархаты. В Великий Четверг 28 марта 519 г. представители Константинопольского престола и легаты римского папы Гормизды осудили «Энотикон», то есть акт единения с монофизитами, принятый в 482 г. императором Зиномом и патриархом Акакием. Это означало возвращение к решениям IV Вселенского Халкидонского собора и восстановление общения с Римской церковью. Кончилась так называемая «акакианская схизма», впервые в церковной истории разделявшая два центра христианского мира с 482 по 519 г. В общественном плане это означало единство с Римом и западом империи и конфликт с восточными провинциями. Некоторые исследователи видели в этом политическую недалекость Юстина, а потом и Юстиниана, так как антимонофизитская политика весьма способствовала утере Византией своих владений на Ближнем Востоке, в то время как Запад все равно оказался для империи неперспективен. Но при этом Византия осталась

верна христианской ортодоксии и не ушла из Европы. Итак, в годы правления Юстина произошел отказ от монофизитской политики его предшественников и возвращение к халкидонским решениям.

Интересно письмо, написанное молодым Юстинианом папе Гормизде вскоре после примирения Константинополя и Рима. Письмо касалось приведения к согласию монофизитов: «Вы сможете, – писал в 520 г. будущий император, – привести к миру народ Господа нашего не преследованиями и кровопролитиями, но терпением, чтобы, желая завоевать души, мы не потеряли бы тела многих людей, как и души. Подобаает исправлять длительные ошибки с мягкостью и снисхождением. Тот доктор справедливо восхваляется, кто страстно стремится вылечить старые болезни таким образом, чтобы от них не произошли бы новые раны». Надо сказать, что православные императоры (включая самого Юстиниана), к сожалению, далеко не всегда следовали такой политике. Не это ли было одной из причин столь легкого отложения от империи ее восточных провинций в начале VII в. и до сих пор не прекращающегося разделения с такими церквами, как коптская, армянская или эфиопская?

Одновременно с борьбой против ересей в самой империи Юстин все же стремился поддерживать всех христиан за ее пределами. С именем Юстина связана помощь, которую Византия оказала монофизитскому царю эфиопского Аксума против Йемена, власти которого придерживались иудаизма. Для Византии это было как укреплением собственного влияния за границей, так и борьбой за поддержку христианства на юго-западе Аравии. Похоже, что в христианской Эфиопии эта поддержка оставила глубокий след: в произведении XIV в. «Кебра Нагаст» – «Слава Царей» – сообщается о встрече в Иерусалиме императора Юстина и эфиопского царя Калеба, во время которой они разделили между собой землю. В реальности такой встречи, конечно, не было, однако наличие подобного придания говорит о значимости византийской поддержки для эфиопских христиан.

В начале 527 г. соправителем императора Юстина стал Юстиниан. Обычай выбирать себе преемника был распространен еще в Римской империи. Поскольку династического принципа еще не существовало, избрание соправителя являлось некоторой гарантией преемства власти и избавляло преемника от неизбежной в ином случае борьбы за власть. Влияние Юстиниана было значительным и до того, как он официально стал соправителем. В первую очередь это было связано с тем, что он был куда более образован, чем его дядя, так что Юстин объективно нуждался в поддержке своего младшего родственника.

В августе 527 г. престарелый император Юстин умер, и началось яркое и длительное правление Юстиниана, продолжавшееся почти сорок лет.

2. Юстиниан. Внутренняя политика

Как внутренняя, так и внешняя политика Юстиниана была направлена на всестороннее укрепление византийского государства. Его идеалом было восстановление прежнего величия Римской империи, однако на новой христианской основе. Неотъемлемой частью программы восстановления прежнего величия было воссоединение владений на западе, но об этом будет сказано ниже. А пока остановимся на основных направлениях внутренней политики империи.

Одним из важных рычагов консолидации государства в то время являлась религиозная политика. Если ее значение велико в современных государствах, то в Средние века оно было еще выше по причине более массовой религиозности и наличия *государственной* религии. В 529 г. был издан императорский указ, ущемлявший в гражданских правах нехристиан и еретиков. Для них в первую очередь закрывалась дорога к высоким государственным должностям. Под действие указа не попадали только монофизиты, которые были на тот момент наиболее значительной и многочисленной ересью, однако они пользовались поддержкой императрицы Феодоры. Вероятно, что в первую очередь этот закон имел в виду язычников, все еще остававшихся как в деревнях, так и среди образованной элиты. В 529 г. была закрыта языческая Платоновская академия в Афинах, которая хотя и не имела былого блеска, но все же оставалась оплотом языческой мысли и нехристианизированного классического образования. Интересно, что в том же году на Западе св. Бенедикт Нурсийский вырубил рощу Аполлона на Монте-Кассино, являвшуюся последним языческим святилищем в Италии. Там для этого не понадобилось могучей государственной поддержки, так что, похоже, грекоримское язычество объективно доживало в ту эпоху свои последние дни.

В 529 г. началось самаритянское восстание в Палестине, длившееся до 532 г. и подавленное с большой жестокостью. Восстание было ответом на религиозное давление со стороны властей (религией самарян является разновидность иудаизма), а поскольку они проживали компактно, но при этом не имели возможности оказывать серьезное сопротивление армии, то подавлено оно было с большими жертвами.

В 528 г. было положено начало грандиозному делу, подлинно увековечившему имя Юстиниана, – была начата работа по кодификации

римского права. «Император, – считал он, – должен быть не только украшен оружием, но и вооружен законами, чтобы быть в состоянии управлять как в военное, так и в мирное время; он должен быть как твердым защитником права, так и триумфатором над побежденными врагами». В Римской империи законодательство состояло из законов – *leges*, – издававшихся императорами, и республиканского права, разработанного юристами классического периода. Оно называлось «древним правом» – *jus vetus*, или *jus antiquum*. Законы не подлежали отмене (так это будет и в *каноническом праве*, то есть церковном законодательстве), однако новые законы вполне могли лишать силы предшествующие. Это создавало большие сложности в применении законов. Еще до Юстиниана было создано три кодекса, то есть сборника, римского права – *Codex Gregorianus*, *Codex Hermogenianus* и *Codex Theodosianus*. В феврале 528 г. в Константинополе была образована комиссия из десяти юристов во главе с Трибонианом и Феофилом, которые должны были пересмотреть указанные кодексы, а также законы, вышедшие после их составления, и создать из этого единый сборник. В апреле 529 г. уже был издан кодекс Юстиниана – *Codex Justinianus*, – ставший обязательным сводом законов для всей империи.

В 530 г. тем же Трибонианом была создана комиссия по обработке «древнего права». За короткое время юристы Юстиниана прочли и пересмотрели около двух тысяч книг и более трех миллионов строк. В результате этой работы в 533 г. был опубликован свод, получивший название *дигест (Digesta)*, или *пандект (Pandectae)*. Помимо законодательного значения этого сборника, в нем сохранилось огромное количество высказываний и текстов великих римских юристов, которые иначе могли бы не сохраниться. В дигестах мнения многих из них приобретали силу закона. В том же 533 г. были изданы *институции (Institutiones)* в четырех книгах, которые являлись учебным пособием по кодексу и дигестам. Формально они были пособием по гражданскому праву и предназначались для студентов, но по сути являлись кратким руководством по всему римскому праву, имевшему силу в эпоху Юстиниана.

После всей этой грандиозной работы появилась потребность в пересмотре кодекса Юстиниана, выполненного всетаки на скорую руку. В 534 г. вышло второе издание кодекса, учитывавшее законотворческую деятельность предшествовавших лет. Однако и после этого император продолжал издавать множество законов, называвшихся *novellae leges* – *новыми законами*, или кратко *новеллами*. Интересно, что если вся

предыдущая каталогизация римского права была сделана Юстинианом на латинском языке, то новеллы издавались по-гречески, то есть на языке большинства населения, который постепенно вытеснял официальный язык государства даже на уровне законодательства, государственного управления и армии.

Все четыре части юстинианова законодательства – кодекс, дигесты, институции и новеллы – представляли собой единое целое – свод римского права, действовавшего в эпоху ранней византийской империи. В XII в. в Западной Европе началось возрождение интереса к римскому праву, иначе – *рецепция римского права*. И это происходило именно на основе работы Юстиниана, которая у европейских юристов получила название Свод гражданского права – *Corpus Juris Civilis*. Итак, помимо великой роли в собственно византийском законодательстве, юристы Юстиниана сохранили для мира римское право: большая часть всего, что о нем известно, принадлежит именно им.

В январе 532 г. в Константинополе произошло событие, которое потрясло все городское общество и чуть было не решило Юстиниана и его жену Феодору царской власти: 14 января в городе началось восстание, получившее название восстание «Ника» (по-гречески – «побеждай»). В Византии роль столицы – Константинополя – была значительно больше, чем в большинстве современных государств. Как Римская империя являлась государством, созданным одним городом и его гражданами, так и Византия была в значительной степени империей одного города – Нового Рима. «Народ Рима» формально являлся правителем империи, а Сенат – главным правительственным учреждением. Избрание императора включало в себя обязательное утверждение народом. К VI в. от былой демократии уже мало что оставалось, однако мнение константинопольского народа было все же очень весомой силой.

Городское население было разделено на социальные партии со своими интересами, лидерами, бюджетом. Партии имели те или иные религиозные предпочтения, а также представляли интересы определенных классов. Формальным проявлением этих различных интересов городских жителей являлись, как это ни странно, группировки на ипподроме – «партии цирка». Ипподром был не просто местом конских ристалищ, но и главным местом встречи масс населения. На состязания приходил император, так что здесь была возможность выдвигать перед ним свои требования или высказывать неодобрение. Партии цирка – или «димы» – обозначались по цветам одежд, в которые облачались возницы. Так на константинопольском ипподроме были зеленые, голубые, белые и красные. В VI в. наиболее влиятельными

были голубые (венеты) и зеленые (прасины). Венеты представляли сторонников халкидонского православия и заодно их поддерживали состоятельные слои горожан, прасины же были монофизитами и пользовались симпатиями бедных слоев общества. Интересно, что в начале VI в. в Риме Теодориха Великого *социальный* расклад цирковых партий был таким же.

Еще в конце правления Анастасия, который, будучи монофизитом, поддерживал зеленых, в столице произошел мятеж, по ходу которого голубые провозгласили своего императора. Униженный император вышел к восставшим на ипподром, чем сумел умирить их гнев. При Юстиниане проблемы уже зашли гораздо глубже. С одной стороны, Юстиниан, как православный, поддерживал венетов, в то время как Феодора – прасинов. Таким образом, обе партии находили поддержку при дворе. Однако основной конфликт был не между различными группами городского населения, а между городским самоуправлением и императорской властью. Как венеты, так и прасины выступили во время восстания единым фронтом.

Основным требованием восставших было низложение Юстиниана и отставка нескольких негодных народу высших чиновников, в первую очередь жестокого префекта претория Иоанна Каппадокийского и Трибониана. Знаменем восставших были племянники покойного императора Анастасия Ипатий и Помпей. Восставшие разгромили столичные тюрьмы, и несколько дней подряд в столице бушевали пожары и совершались разрушения. В эти дни сгорела базилика Св. Софии, на месте которой Юстиниан позже возвел свой величественный храм. После неудавшихся переговоров с Юстинианом на ипподроме императором был провозглашен Ипатий. Сам Юстиниан укрылся во дворце и уже думал о бегстве из столицы. Как сообщает Прокопий Кесарийский – официальный историк той эпохи – единственным решительным человеком оказалась императрица. Именно она смогла убедить императора не спасаться бегством, но оказать жесткое сопротивление восстанию. Прокопий вложил в ее уста такие слова: «Человеку, появившемуся на свет, необходимо умереть, но быть беглецом для того, кто был императором, невыносимо... Если ты, государь, хочешь спастись, это несколько не трудно. У нас много средств: вот море, вот корабли. Однако подумай, как бы после бегства ты не предпочел смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что царское достоинство есть прекрасный погребальный наряд».

Император принял решение о подавлении восстания, длившегося уже шесть дней. Дело было поручено Велизарю – в будущем прославленному

полководцу Юстиниана в его войнах на Западе. Велизарий и его солдаты сумели загнать восставшую толпу на ипподром, где, как сообщают историки, ими было перебито не менее 30 тыс. восставших. После столь кровавого подавления восстания и победы Юстиниана конфликт между *димами* – городскими партиями – и императором был окончательно решен в пользу последнего. Социальное и политическое значение партий ушло в прошлое, и они остались, по сути дела, простыми объединениями болельщиков на конских бегах. Восстание Ника было важным этапом в борьбе Юстиниана за контроль над всеми рычагами государственного механизма.

Как нередко бывает, наступление нового этапа в жизни города или страны отмечается интенсивным монументальным строительством, которое наглядно свидетельствует о начале нового периода. Юстиниану это тоже было весьма свойственно. Сразу после подавления восстания Ника император приступил к восстановлению столицы, значительно пострадавшей от пожаров в ходе восстания. Самым знаменитым сооружением Юстиниана является храм Святой Софии – Премудрости Божией, вплоть до турецкого завоевания являвшийся главным храмом восточнохристианского мира и называвшийся византийцами Великой Церковью. Старая базилика, построенная еще Константином, погибла во время восстания, так что император строил кафедральный собор фактически на пустом месте, поэтому он смог стать выражением основных тенденций византийской архитектуры той эпохи.

Храм представлял собой купольную базилику. Такой тип сооружений являлся развитием традиционной для Рима базиликальной архитектуры. С ней Св. Софию роднили атриум и нартекс, объединяющие боковые нефы, аркады и колоннады. Но при этом центральная часть здания представляла собой почти что квадрат размером 77×71,7 метров, который был увенчан полусферическим куполом диаметром 31,5 метров. Именно из купольной базилики, характерной для Византии VI–IX вв., позже появился крестово-купольный храм, так хорошо известный древнерусской архитектуре. Св. София была соединением базиликальной и центрической архитектуры, и в ней впервые была архитекторами решена задача создания столь огромного купольного перекрытия. С внешней стороны кирпичные стены храма выглядели весьма скромно, однако его внутреннее убранство не имело себе равных. Именно в Св. Софии оказались в X в. на литургии послы русского князя Владимира, после чего они говорили, что не знали, были они на земле или на небе.

Помимо Св. Софии при Юстиниане были воздвигнуты в столице еще храмы Святых Апостолов, Богородицы во Влахернах, Св. Анны, Св. Ирины в Сикках и множество других. Но строительство было не только церковным, и не только в столице. Одно из сочинений Прокопия Кесарийского носит название «О постройках», оно посвящено описанию всей бурной строительной деятельности Юстиниана. Значительное количество сооружений должно было служить военным нуждам империи. В первую очередь это крепости и морские гавани. Географический разброс строительства был огромным: к тому времени относятся основные сооружения монастыря Св. Екатерины на Синае, а также византийские стены в Крыму, которые были призваны защищать оседлое население южного Крыма от кочевников степи. Сегодня именно постройки Юстиниана обозначают границы максимального расширения Византийской империи.

Широкое строительство по всему государству – светское, церковное, гражданское, военное, – не говоря уже о военных кампаниях, о которых речь пойдет ниже, требовали невероятных финансовых затрат. Нехватка денег была постоянным спутником византийских императоров, и, как уже говорилось, лишь два императора оставили после себя полную казну. Юстиниану повезло в том, что одним из этих императоров был Анастасий, предшествовавший краткому правлению Юстина, его дяди. Одной из важных черт внутренней политики Юстиниана была постоянная борьба с крупной частной собственностью. Во многих частях государства (в Египте, Каппадокии) власть земельных магнатов была куда ощутимее, нежели власть государства. Основано это было в первую очередь на владении землей. «Государственная земельная собственность, – читаем в одной из новелл Юстиниана, – почти полностью перешла в частные руки, ибо она была украдена и разграблена, включая все табуны лошадей, и ни один человек не выступил против, ибо уста всех были остановлены золотом». Юстиниан всеми способами старался вернуть как государственную землю, так и то, что уже давно принадлежало крупным местным землевладельцам. Надо сказать, что в своей борьбе с крупным землевладением Юстиниан не вполне преуспел: оно осталось отличительной чертой византийской экономики на все века. Возможно, что государство стремилось извлекать доход не столько от земли как таковой, сколько от возможности контроля над ней и передачи ее новым лицам.

Одной из очень важных статей дохода империи являлась торговля с восточными государствами: со странами Китая, Средней Азии, Индии. Но, пожалуй, главной проблемой восточной торговли было то обстоятельство,

что она почти полностью находилась под контролем персидских купцов. Восточные товары, как шедшие через Согдиану (ныне Бухара), так через остров Тапробан (ныне Цейлон) и Персидский залив, попадали на византийскую территорию через государство Сасанидов. Персии это приносило колоссальные доходы, а для византийской экономики означало постоянный отток собственной золотой монеты в соседнее государство: на территории Персии золотых византийских кладов найдено больше, чем на территории империи. К тому же торговые потоки часто нарушались военными конфликтами между двумя сверхдержавами того времени. Не из экономических ли соображений Юстиниан предпочитал унижительный мир с Персией, а не длящуюся без значительного перевеса войну?

Ниже мы перейдем к обсуждению, быть может, самой заметной составляющей части царствования Юстиниана – его внешней политики.

3. Юстиниан. Внешняя политика

Внешняя политика империи в десятилетия правления Юстиниана отличалась невероятной активностью. Что касается войн, то они за это время велись минимум на три фронта: с германскими племенами на западе, с Персией на восточной границе и со славянами на Балканах. Что касается Персии, то с ней при смене правителей был заключен в 532 г. мир, который казался весьма унижительным для Византии: она должна была ежегодно выплачивать крупную дань. Византия откупилась от своего давнего соседа и противника, с которым происходили постоянные пограничные конфликты, не приводившие ни к каким крупным изменениям на карте. Похоже, что Юстиниан предпочел оставить это бесперспективное на тот момент направление, но зато развязать себе руки на Западе.

Именно на Западе находился основной интерес внешней политики Юстиниана. Основанием всей его деятельности было стремление восстановить былое могущество Римской империи, но с христианским содержанием. По этой причине на отвоевание территорий бывшей Западной империи были направлены силы всего государства. Основных направлений было два – северная Африка и Италия. Император решил начать с Африки.

Предприятие было довольно рискованным, так как требовалось переправить через Средиземное море на кораблях большую армию, притом что сами вандалы, тогда владевшие римской Африкой, обладали серьезным флотом. Но возможно, расчет был сделан на то, что вандалы были отрезаны от других германских племен и в силу этого им вряд ли могла быть оказана необходимая поддержка. В 533 г. полководец Велизарий высадился со своей армией на территории бывшей римской Африки, и началась *война с вандалами*. Именно Велизарию Юстиниан был обязан недавним подавлением восстания Ника. Большинство побед на западе также были связаны с его именем. Главным литературным источником по войнам того времени являются сочинения Прокопия Кесарийского, который был секретарем и другом Велизария и сопровождал его во время военных кампаний. Начало войны было очень успешным, однако она растянулась на 15 лет, закончившись только в 548 г. В самом начале византийцам понадобилось меньше года, чтобы покорить государство вандалов и взять в плен их короля Гелимера. Такому быстрому успеху способствовали конфликты вандалов с местным населением, как римским, так и

берберским. Да и сами они были уже не тем противником, который разрушал Западную Римскую империю в V столетии. В издании кодекса 534 г. Юстиниан мог объявить, что «Бог, по Своему милосердию, передал нам не только Африку и все ее провинции, но и возвратил императорские инсигнии, которые после взятия Рима [вандалами] были ими унесены».

Официально вандальская война была победоносно завершена, а Велизарий отозван с войском в столицу. Сразу после этого выяснилось, что у византийской власти в Африке не было значительной социальной базы. Византийский гарнизон был разгромлен, а Соломон – его командир и племянник Велизария – погиб. Стычки и даже солдатские мятежи продолжались до 548 г., когда византийская власть надежно укрепилась после дипломатических и военных побед полководца Иоанна Троглиты.

Когда война с вандалами показалась завершенной, летом 536 г. началась итальянская кампания Юстиниана, или война с остготами. Одна армия во главе с Мундом отвоевала у остготов Далмацию, а армия Велизария, привыкшая к морским перемещениям, без труда высадилась на Сицилии, после взятия которой переместилась на юг собственно Италии. Велизарий смог захватить Неаполь, а в декабре 536 г. – Рим. В 540 г. ему открыла свои ворота столица остготов – Равенна, которая отныне превратилась в центр византийского влияния в Италии. Плененный король остготов был отвезен в Константинополь.

Несмотря на взятие Равенны, 540 г. оказался тяжелым для империи. В этом году на Византию напали гунны, а Персия со своей стороны нарушила мирный договор и захватила значительную часть провинции Сирия вместе с городом Антиохия. Империя должна была вести войну по всем фронтам. С 541 по 545 г. готы, обретя нового лидера в лице Тотилы – последнего защитника остготской независимости, – отвоевали у византийцев значительную часть Италии. Положение армии осложнялось тем, что в эти годы Велизарий не был в Италии: в 540 г. он был отозван в Константинополь (возможно, Юстиниан испугался того, что побежденные готы предложили Велизария корону), а потом и на персидский фронт. В 545 г. с Персией был заключен мир, а Велизарий получил возможность вернуться в Италию. С 546 по 550 г. Рим несколько раз переходил из рук византийцев в руки Тотилы и наоборот. К 550 г. под властью империи остались только Равенна, Анкона, Кротон и Отранто.

Успехи в итальянской компании начала 50-х гг. VI в. были связаны с именем византийского полководца Нарсеса. В 552 г. он разгромил Тотилу и остатки его армии, а в 554 г. одержал победу над франками и алеманами. В 554 г. империи была возвращена вся Италия, а также юго-восток Испании.

Считается, что к 554 г. войны Юстиниана на Западе закончились. В том же году была издана Юстинианом так называемая *прагматическая санкция*, возвращавшая крупным римским землевладельцам в Италии их земли, некогда отобранные остготами. Если в «материковой» Византии Юстиниан боролся с крупными частными собственниками, то в только что отвоеванной Италии византийская власть видела в них опору своего влияния. Документ также должен был способствовать экономическому восстановлению Италии, чье хозяйство пришло в запустение за 20 лет остготской кампании.

Что касается Рима, то он давно утерял статус большого города, и его значение было скорее символическим. Однако многократные штурмы и захваты во время остготской войны еще больше поспособствовали его запустению. Теперь он окончательно превращался в город монастырей и резиденцию римского епископа, а центром византийской Италии надолго стала Равенна. Впрочем, в этом не было ничего нового. Город на северо-востоке полуострова, расположенный среди болот и защищенный ими от лишних варварских набегов, был реальной столицей поздней Западной Римской империи. В Равенне была столица остготского государства, и там же обосновались византийцы. За время византийского господства Равенна обрела новую жизнь и, помимо политических и военных функций, она стала подлинным центром византийской культуры в Италии. Когда в середине VIII в. византийцам пришлось эвакуироваться из Равенны, влияние византийской культуры еще несколько веков сказывалось на ее северном соседе – Венеции.

В конце 50-х гг. империи пришлось в очередной раз столкнуться с серьезными опасностями на Балканах. В 558 г. впервые у византийской границы на Дунае появились авары. По всей видимости, силы аварского каганата были достаточно ограничены, так как вместо немедленных военных действий они предпочли отправить посольство в Константинополь. Посольство аварского кагана Баяна испросило у Юстиниана разрешения поселиться внутри византийских границ на условии защиты империи от нашествия других варваров – таких же кочевых орд, как и сами авары, которые продолжали свое движение по Евразии, двигаясь на запад из своеобразного «этнического вулкана», эпицентр которого находился, вероятно, на территории северного Китая.

Не успела империя договориться с аварами, как через год, в 559 г., у ее границ оказались болгары и славяне. Болгарский хан Заберган захватил всю Фракию и оказался у стен Константинополя. Защиту столицы возглавил Велизарий, и штурм прекрасно укрепленного города был кочевникам не

под силу. После безуспешного штурма болгары и славяне попали в устроенную им византийской армией западню, однако Юстиниан решил их великодушно пощадить, вероятно, во избежание непредвиденного поворота военной удачи. На этот раз опасность миновала. С самыми серьезными проблемами славянского нашествия и расселения их на Балканах империя столкнулась в VII в., кризисном для нее во всех отношениях. Но уже здесь проявилась вся уязвимость византийского могущества: Юстиниан мог вести победоносные войны в северной Африке и Испании, а в это время сердце империи – Константинополь – мог подвергнуться смертельной опасности. Это было связано как с его уязвимым географическим положением, так и с неослабевавшим демографическим взрывом и миграциями у кочевых народов. Империя не была стабильной, но это заставляло ее правителей, политическую элиту и народ находиться в постоянной концентрации сил, что позволило государству прожить более тысячелетия.

В 562 г. империя заключила мир с Персией на 50 лет, что было завершением продолжительных конфликтов, начавшихся в 540 г., когда персидский царь Хосров Ануширван воспользовался проблемами Юстиниана на западе и нарушил «вечный мир» 532 г. В 540 г. Персия захватила Сирию и разорила Антиохию, однако благодаря вмешательству того же Велизария империи удалось вернуть утраченную провинцию. Конфликт так или иначе тянулся до начала 60-х гг., когда обе стороны уже потеряли возможность его достойно поддерживать. Благодаря историку Менандру мы знаем подробности переговоров и мирного договора 562 г. Византия вновь брала на себя обязательство платить Персии серьезную ежегодную дань. При этом Юстиниан добился у Хосрова религиозной терпимости для персидских христиан, хотя и с запретом на дальнейшую христианскую миссию в его стране. Что было очень важно для византийцев, так это согласие персов очистить Лазику – область на юго-востоке черноморского побережья. Таким образом, Персия лишалась участия в политических и торговых делах Византии на Черном море.

На этом эпоха правления императора Юстиниана стала приближаться к своему концу. В марте 565 г. скончался Велизарий, с именем которого были связаны очень многие военные успехи той эпохи. А к концу того же 565 г. в возрасте более 80 лет умер Юстиниан, чья надежная помощница и вдохновительница императрица Феодора скончалась еще в 548 г.

4. Итоги величия

Одним из основных результатов царствования Юстиниана является то, что нередко именно с той эпохой связывается максимальный расцвет византийской культуры и государства. После Константина Великого, легализовавшего христианство, Юстиниан является, быть может, самым известным восточноримским – византийским – императором.

Эпоха Юстиниана стала тем временем, когда новая христианская культура начала занимать место старой языческой, еще дававшей о себе знать. В 553 г. в Константинополе прошел уже Пятый Вселенский собор, притом что только в 529 г. была закрыта языческая Академия в Афинах. Храм Св. Софии в Константинополе и мозаики Равенны являются свидетелями того, какой высоты достигало в то время христианское искусство. В греческой литературе появляются новые жанры, ранее неизвестные ее многовековой истории. Так, например, именно в первой половине VI в. в Сирии, а затем в Константинополе жил Роман Сладкопевец, обогативший византийскую литургическую поэзию жанром кондака. О значении Кодекса Юстиниана в истории права уже было сказано выше.

Что касается завоеваний Юстиниана и его идеи восстановления границ империи, то здесь все неоднозначно. С одной стороны, завоевания Юстиниана были успешны, и целый ряд западных областей был на какое-то время возвращен из рук варваров. Но при этом различие между западом и востоком некогда единой империи было уже настолько велико, что основной силой поддержания византийского господства была армия, и как только она ослабевала, то власть империи сменялась властью варварских королевств. Дольше всего в руках империи оставалась южная Италия, где все-таки большинство населения говорило на греческом языке. Во всех остальных областях социальная база византийской власти была невелика, так как «центр тяжести» Византийской империи находился на востоке. В свете этого был ли прав Юстиниан, затрачивая колоссальные человеческие, материальные и временные ресурсы на воссоединения Запада? Многие историки отвечают на этот вопрос отрицательно. Возможно, говорят они, Юстиниан был прав, исходя из традиционной идеологии Римской империи, но не из насущных проблем государства. При этом отношения с восточными провинциями в эпоху Юстиниана, наоборот, обострились по причине его политики, направленной на подавление монофизитов, учение

которых было распространено как раз в Египте, Сирии и Армении. После смерти Юстиниана западные области постепенно начали отпадать от империи, в то время как государственная казна была опустошена многолетними войнами, а также грандиозным строительством по всему государству.

Преемники Юстиниана получили в наследство великое государство, однако все конфликты, противоречия и проблемы были в нем еще более обострены. Наследники великого императора не всегда могли найти для них адекватное решение.

5. Преемники Юстиниана (565–610 гг.)

После смерти Юстиниана его эпоха продолжалась еще, можно считать, около 50 лет. Когда в 610 г. престол оказался в руках Ираклия, то наступило совсем иное время в истории Византийской империи, начался *не календарный, настоящий* седьмой век. Преемниками Юстиниана были Юстин II (565–578), Тиверий II (578–582), Маврикий (582–602) и Фока (602–610). Пожалуй, основными событиями этих 50 лет в жизни империи были продолжавшиеся войны с Персией, борьба со славянами и аварами на Балканах и лангобардское нашествие на Италию. В плане управления империей большое значение имело образование двух *экзархатов* на западе – в Равенне и Карфагене. В религии власть продолжала придерживаться православной доктрины. Уже из этого краткого перечня видно, что основные задачи того времени были унаследованы от царствования Юстиниана.

Достаточно продолжительное время правления Юстина II казалось временем потерь по всем внешним направлениям, на которых Юстиниан смог чего-то достичь. В 568 г. началось вторжение лангобардов в Италию. Лангобарды были одним из германских племен, исповедовавших арианство. Они вторглись в северную Италию, возможно опасаясь своих союзников аваров. Позже по их имени была названа североитальянская провинция – Ломбардия. Византийская власть прочно держалась только в Равенне, так что ее лангобарды обошли стороной. Не смогли они также взять Рим и устремились на юг полуострова. За короткое время две трети полуострова оказалось в руках германцев.

Некоторое решение администрирования и защиты западных анклавов империи было найдено при императоре Маврикии. В 592 г. были созданы два экзархата – в Италии, с центром в Равенне, и в северной Африке, с центром в Карфагене. Главной идеей этих новых образований было совмещение в руках одного правителя – экзарха – гражданской и военной власти. Гражданские чиновники продолжали существовать, но они подчинялись военной администрации. Позже, в VII в., гражданская власть исчезла вовсе. Подобная система возникла в силу постоянной военной угрозы и удаленности от центра государства, когда в случае опасности требовалась быстрая реакция и единство власти. В руках экзарха была сконцентрирована вся власть – военная, гражданская, а также финансовый и судебный контроль. Начиная с VII в. похожая система стала складываться

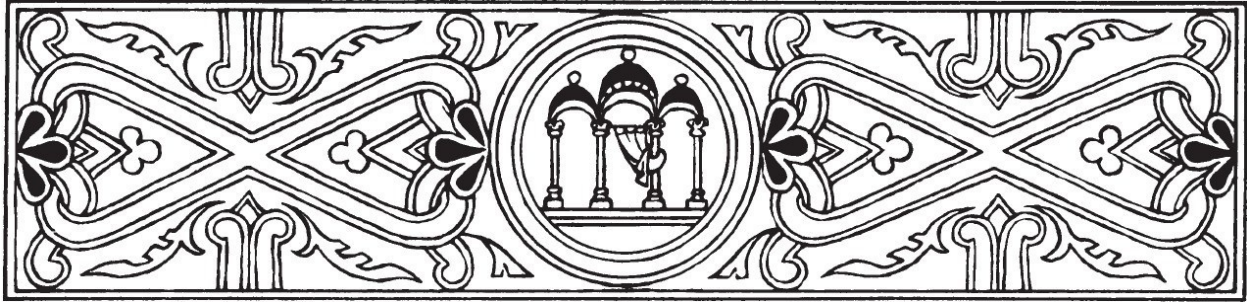
на всей территории Византии (так называемые *фемы*). Экзархи были по своему положению фактически независимыми правителями, и в их владениях им подобало воздавать царские почести. Связывало их с империей лишь постоянное ожидание ситуации, когда могла потребоваться военная помощь из «материковой» части государства.

В отношениях с Персией Юстин II попытался переиграть своего дядю и отказал в уплате ежегодной дани. Этому способствовали надежды на координацию действий против Персии с тюркским каганатом. Но прочного союза не получилось, и только император Маврикий смог добиться перевеса в сторону Византии. Воспользовавшись борьбой за власть в Персии, Маврикий оказал одному из них поддержку – будущему шаху Хосрову II Парвезу (590–628) – в обмен на выгодный для Византии договор. Так, в 591 г. Византия официально прекратила платить Персии ежегодную дань, ей была уступлена восточная Месопотамия с городом Дара, а главное – Персия отказывалась от большей части персидской Армении. Понятно, что такой успех был обусловлен внутренними проблемами персидского государства, а не объективным перевесом сил в пользу Византии, но все же это был ощутимый результат после почти векового преимущества Персии в приграничных конфликтах. Следующий виток конфликта, начавшийся при Фоке, был завершён уже при императоре Ираклии в начале VII в.

Во второй половине VI в. продолжились набеги славян и аваров на Балканы. В 599 г. они вновь оказались у стен Константинополя. Армия не всегда могла справляться с кочевниками, но даже когда успех оказывался на стороне византийцев, инфильтрация варваров в балканские владения империи продолжалась. Одни группы селились с разрешения властей, другие оставались в силу военной удачи, небольшие группы могли проникнуть незамеченными. В результате всего этого в VI–VII вв. произошли значительные изменения в демографии Балкан, так что до сегодняшнего дня многие гидронимы и топонимы даже южной части полуострова имеют славянское происхождение.

Эпоха преемников Юстиниана завершилась событиями 610 г., когда к народному недовольству императором Фокой присоединились экзарх Африки и власти византийского Египта. Когда флот восставших под командованием Ираклия – сына карфагенского экзарха – подошел к Константинополю, то Фока бежал, а народ перешел на сторону Ираклия, провозглашенного императором. Начался новый период византийской истории, с новыми проблемами и новыми решениями.

Глава третья
Новая религия: от направления в
иудействе к имперской церкви (I–IV вв. н.
э.)

Введение

Христианство возникло в I в. н. э. в Иудее (Израиле) и стало одной из трех существующих сегодня мировых религий, на основании которой сформировалась вся современная европейская цивилизация. Новая религия быстро вышла за рамки еврейского народа, в котором возникла, и стала доступной для людей самых разных культур и национальностей, приобретая ту внутреннюю пластичность, которая позволила ей воплощаться в чертах, близких и доступных самым разным людям, народам и культурам.

Одним из существенных успехов молодой религии стала «победа» над Римской империей: огромное государство, веками отрицавшее право христианства на существование, в начале IV столетия вместе с императором Константином Великим признало в нем свою религию. С этого времени начинается история христианской Европы как общества в целом.

При всех этих достижениях и успехах, которые временами сменялись тяжелейшими внешними и внутренними конфликтами, христианство всегда оставалось религией, связанной с одним Человеком – Иисусом Христом, в котором вера его последователей видит не просто выдающегося человека, но Самого Бога, пришедшего на землю, жившего здесь, распятого и воскресшего «нас ради человек и нашего ради спасения» (из Символа Веры). На обстоятельствах возникновения новой религии мы и остановимся.

1. Возникновение христианства

В древнем мире иудейство было единственной *монотеистической* религией, чьи последователи поклонялись одному Богу. Все народы, окружавшие древний Израиль, исповедовали различные варианты *политеизма* (многобожия). В русском языке слово «язычество» происходит от славянского «языки», что значит – «народы»: каждый народ имел своих богов, не претендуя на их обязательность для других. В этом была причина своеобразной терпимости языческих религий. Так, завоеывая все новые и новые страны, римляне вовсе не насаждали свою религию, но, напротив, присоединяли богов покоренных народов к своему пантеону. Для монотеизма важнейшим моментом является убежденность в единстве и единственности своего Бога и, соответственно, убежденность в Его истинности. Отсюда происходит и определенная агрессивность монотеистических религий: ведь они обладают истиной, которую необходимо так или иначе донести до других.

В иудействе, то есть в монотеизме Ветхого Завета, важной чертой было соединение веры и народа: верить в Единого Бога означало принадлежность к еврейскому народу. Это замыкало единобожие в рамках одного народа, но это же служило надежной охраной от размывания религии языческими культами. При этом в библейской вере жила надежда на то, что рано или поздно все народы обратятся к истинному Богу: «Вот ты призовешь народ, которого ты не знал. И народы, которые тебя не знали, поспешат к тебе ради Господа, Бога твоего» (Ис. 55:5). Христианство, быстро превратившееся в монотеистическую религию, не связанную с одним народом и его культурой, оказалось ответом на эти ожидания мировой религии.

Время, когда жил Иисус, принято называть *эпохой Второго Храма*. Имеется в виду Иерусалимский храм – центр иудейской религиозной жизни, – заново отстроенный после возвращения евреев из вавилонского плена в VI в. до н. э. Еще это время называют *интертестаментарным периодом*, то есть тем временем, когда Ветхий Завет уже был составлен, а Новый еще не появился (от латинского *testamentum* – завет). Политически Израиль, как и почти все Средиземноморье, оказался под властью Рима. Остатки независимости еще существовали, но путь от союзника Рима до одной из провинций мировой империи был предрешен. Попытки противостоять этому привели к так называемому Великому восстанию

против Рима, которое завершилось разрешением Иерусалима и Храма в 70 г., а затем – к восстанию 30-х гг. II в., после которого большинство евреев оказалось в рассеянии, тогда как в своей стране они превратились в меньшинство.

Так, христианство возникло в стране и народе, который один в то время исповедовал веру в единого Бога, однако эта страна была уже фактически захвачена Римской империей, находясь при этом чуть ли не на задворках цивилизованного мира.

Ко времени проповеди Иисуса – к I в. н. э. – в иудействе можно было выделить несколько основных направлений. Два из них – фарисейское и саддукейское – являлись частью религиозного *истеблишмента*, а ряд других – например, ессеи – были своего рода сектами, находившимися в оппозиции официальному иудейству. Так единая, как кажется со стороны, религия была в реальности разделена на несколько направлений, которые были согласны в главном, однако могли серьезно друг от друга отличаться.

Фарисеи (*отделенные*) и саддукеи (*праведные*) были двумя партиями официального общепризнанного иудейства. Их представители заседали в Синедрионе – верховном религиозном суде того времени. В чем же было отличие между ними? Если говорить о вероучительном, а не социополитическом различии, то оно восходит, по мнению ряда исследователей, ко времени Вавилонского плена VI в. до н. э. То было время тесного контакта иудеев с представителями зороастрийской религии, которую исповедовали персы. Персы были не вполне язычниками, но придерживались *дуалистической* религии, в которой фактически на равных происходило противоборство двух начал – Добра и Зла. При этом одним из постулатов зороастризма была вера в приход избавителя, что роднило эту религию с иудейством и его верой в Мессию – Помазанника Божия, который должен своим явлением изменить ход истории. Не отзвуком ли этой древней близости персов и иудеев стала новозаветная история о волхвах, которые пришли поклониться младенцу Иисусу? По христианскому преданию волхвы были именно персидскими мудрецами.

По возвращении из плена иудейство оказалось обогащено куда более четко выраженным учением о загробной жизни и ангелологией (учение об ангелах), что сегодня кажется неотъемлемой частью любой монотеистической религии. Так вот, фарисеи были теми, кто принял эти новшества, ставшие со временем достоянием большинства, в то время как саддукеи оказались своего рода религиозными консерваторами, отвергшими то новое, что пришло в религию от язычников. Таковы были богословские различия между двумя направлениями иудейства. Помимо

этого, саддукеи являлись образованным состоятельным меньшинством, а фарисеи были скорее религиозными учителями народа, разделявшими образ жизни большинства.

Помимо саддукеев и фарисеев, заседавших в Синедрионе и имевших прямое отношение к Иерусалимскому храму, насчитывалось еще немало более мелких направлений, часто находившихся в оппозиции к храмовому культу. Самыми известными из них являются ессеи, или секта Мертвого моря, последователи которой жили своими общинами в районе поселения Кумран у берегов Мертвого моря. Это была радикальная эсхатологическая секта, отвергавшая Иерусалимский храм с его жертвоприношениями и священством, жившая по своему особому календарю (вероятно, более древнему, чем общепринятый в то время) и с нетерпением ждавшая конца мира, когда Господь разделит между праведными (собственно последователями секты) и грешными (всеми остальными). Этой секте, возможно, и принадлежат так называемые рукописи Мертвого моря – богатейшая религиозная библиотека того времени, найденная в 1947 г. в Кумране. Ессеи, как и многие другие иудеи того времени, с нетерпением ожидали прихода Мессии, который освободит народ и изменит правила религиозной жизни. В связи с этим нередко бывало, что представители той или иной религиозной группы начинали считать мессией своего учителя, ожидая исполнения на нем ветхозаветных пророчеств. Таков был религиозный контекст, в котором началась проповедь Иисуса.

Как известно, новое летоисчисление ведется *от Рождества Христова*, однако подлинным годом рождения Иисуса является, вероятно, 4 г. до н. э. Родился он, как сообщают евангелия, в иудейском городе Вифлееме недалеко от Иерусалима. До тридцати лет Иисус жил в городе Назарете в Галилее в доме его матери Марии и Иосифа, которому она была обручена. По преданию профессией Иисуса было столярное ремесло, хотя греческое слово *tekton* обозначает *строителя*, а в Израиле того времени, как и в современном, строили почти исключительно из камня. Так что очень возможно, что Иисус был каменщиком, а не плотником. В тридцатилетнем возрасте Иисус оставил свое ремесло и начал проповедь. По своему статусу он стал *странствующим учителем*. Религиозные учителя – *раввины* – в то время могли быть приписаны к определенным общинам, а могли странствовать по разным городам вместе с небольшой группой своих последователей. Именно таким учителем и был Иисус.

Многие исследователи XX в. отмечали, что в проповеди Иисуса почти что не было моментов, которые по отдельности нельзя найти в иудейской традиции того времени. Так, например, единственная молитва, данная

Иисусом, – «Отче наш» – вся соткана из аллюзий на различные тексты того времени. Однако в таком сочетании этот текст принадлежит именно Иисусу. При этом в его учении почти с самого начала стали появляться определенные намеки, которые должны были выделить его из числа остальных странствующих раввинов. Так, например, общепринятым числом сопровождающих учеников было десять, тогда как за Иисусом следовало двенадцать учеников – число, напоминающее о двенадцати израильских патриархах, положивших начало двенадцати коленам Израиля. Похоже, что ученики Иисуса достаточно быстро стали относиться к нему, как к Мессии. Однако, как было сказано выше, в этом не было ничего экстраординарного, так как в то время во многих учителях пытались увидеть Того, о Ком говорили древние пророки.

Пожалуй, был лишь один момент, который действительно выделял Иисуса из числа остальных. Известно, что Бога Иисус называл *Отцом*. Так вот, когда он говорил, что «Я и Отец – одно» или «видевший Меня видел Отца», то в этом было ясное указание на то, что и о себе Иисус говорил как о Боге, а не просто о человеке. В этом и была, наверное, главная весть Нового Завета: убежденность в том, что произошло *Боговоплощение*, что Сам Бог воплотился в человеке и жил на земле.

Для восточных монотеистических религий – для иудаизма и потом для ислама – Бог от своего творения отделен так же принципиально, как мастер от своего изделия. Поэтому претензия Иисуса на Богочеловечество была воспринята религиозным истеблишментом того времени как богохульство. Вероятно, это и открыло путь к Голгофе... Через несколько дней после распятия Иисуса его ученики стали говорить о его воскресении из мертвых: он умер, будучи человеком, но воскрес, будучи Богом. С точки зрения «объективной науки» невозможно убедиться в том, имело место воскресение Христово или же нет. Однако фактом остается то, что для христианства с его первых дней и до сегодняшнего времени главным содержанием проповеди и главной движущей силой остается вера в Боговоплощение и в Воскресение Христово. Это и сформировало два главных праздника христианского календаря – Рождество и Пасху.

Первое время ученики Иисуса оставались в рамках иудейства, а христианская община не выходила за пределы еврейского народа. Буквально слово «христиане» является греческим переводом с ивритского и арамейского «мессиянисты», то есть группа людей, которые верят в Мессию, по-гречески – Христа. Однако богословские различия и распространение учения в новых этнокультурных средах должны были привести к разделению. Более того, в 70 г. н. э. римляне разрушили

Иерусалимский храм, и иудейство лишилось центра своей культовой жизни – храма, единственного места на земле, где можно было совершать жертвоприношения Единому Богу. Таким образом, после 70 г. происходит перестройка иудейства сообразно новым условиям жизни и уходу большей части евреев в диаспору. Начинает формироваться иудаизм без храма, так называемый раввинистический или талмудический иудаизм. Это позволяет многим религиоведам говорить о том, что в I в. н. э. на основании древнего библейского иудейства происходит формирование двух новых религий – христианства и иудаизма. Общее наследие и общее время возникновения во многом станет причиной напряженных отношений между двумя религиями на протяжении их истории.

2. Внутренняя структура Церкви

После Вознесения Иисуса в Иерусалиме осталась община его учеников. Наверное, та древняя Церковь была весьма непохожа на современную, или похожа так, по словам одного богослова, как взрослый человек похож на свою фотографию в детстве. Одна из книг Нового Завета – Деяния Апостолов, своего рода первая история первой церкви, – так говорит о жизни первых христиан в Иерусалиме: «Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно прибывали в храм и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян. 2:44–47).

Во главе христианской общины было двенадцать учеников Христа – апостолов – являвшихся живыми свидетелями его жизни и проповеди. Это был прообраз церковной иерархии – епископата и священства. По большей части служением апостолов было миссионерство – проповедь *Благой Вести* (это и значит в переводе с греческого «*евангелие*») и создание новых общин. Наибольшим авторитетом среди апостолов пользовались Петр и Павел, которых дальнейшая традиция назвала *первоверховными апостолами*. При этом сам Павел уже не был свидетелем земной жизни Христа, но обратился позже, по началу будучи ревностным гонителем нового учения. Поскольку апостолы много путешествовали, то каждая из общин имела своего руководителя: иногда им мог быть кто-либо из апостолов, иногда уже их ученики. Так, первым епископом Иерусалимской церкви был Иаков, приходившийся Иисусу двоюродным братом. А Петр, по ходу своих миссионерских путешествий, был епископом сначала в Антиохи (Сирия), а затем в Риме.

Поскольку первое поколение христиан практически полностью состояло из евреев, то их образ жизни и религиозная практика мало отличались от того, что предписывает Моисеев закон. Что было важно, так это то, что центр религиозной жизни перешел с соблюдения заповеданных правил на веру в то, что Мессия уже пришел в мир. Таким образом, иудейские обычаи стали для первых христиан превращаться из обязательных заповедей в традицию. При сохранении иудейских традиций (например, *субботы* как священного дня) была одна собственно христианская особенность, которая легла в основу всего христианского богослужения: совершение Евхаристии

(по-гречески – *благодарение*), что является центральной частью христианской Литургии (по-гречески – *общего дела*). Это было воспоминание тайной Вечери, которую Христос совершил с учениками перед своим страданием: «И, взяв хлеб и благодарив, [Иисус] преломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается» (Лк. 22:19–20). Евхаристия, как собственно христианское богослужение, совершалось в ночь после субботы, священного дня для всех иудеев, и со временем этот день стал называться в греческом и романских языках «Днем Господним», а в славянских – Воскресеньем.

Первое время у христиан не было своего священного текста, который часто бывает у истоков новой религиозной общины. *Писанием* назывался Ветхий Завет. То, что позже будет названо евангелиями и станет главными книгами христианского Нового Завета, пока что было текстами на иврите или арамейском, в которых передавались слова Иисуса и рассказывалось о его земной жизни и проповеди. Эти тексты первые христиане знали наизусть и использовали на своем богослужении или при научении вере новых людей. Первыми записанными текстами стали, как считают специалисты по Новому Завету, не евангелия, а некоторые из посланий апостолов различным христианским общинам и отдельным людям (вероятно, послания Павла). После посланий были записаны евангелия (их четыре), уже упоминавшиеся Деяния Апостолов и Апокалипсис – видения апостола и евангелиста Иоанна, выдержанные в жанре еврейской эсхатологической литературы. В течение долгого времени было не до конца понятно, какие именно книги входят в *канон* (общепринятый текст) Нового Завета, и только к V в. известный нам сегодня порядок книг Нового Завета был принят во всех частях тогдашнего христианского мира. Ветхий Завет также остался частью христианского Священного Писания, хотя его понимание перешло с буквального, как в древнем иудействе или в иудаизме, на толковательный.

Поскольку христианство достаточно быстро распространилось за пределы Израиля и еврейского народа как такового, то вскоре возник вопрос, как принимать в церковь христиан из язычников. Еще до возникновения христианства было немало случаев перехода из язычества в иудейство, так как это была единственная на то время монотеистическая религия. Но тогда новообращенный (*прозелит*) принимал на себя все, что было свойственно иудейству, то есть, помимо веры, приобщался и ко всему еврейскому народу. Вопрос, который встал перед апостолами: нужно ли и в

христианскую церковь (пока еще жившую внутри иудейской традиции) принимать тем же образом, или же это надо делать по-другому?

Разные люди предлагали разные ответы, поэтому около 50 г. н. э. апостолы собрались в Иерусалиме для обсуждения. Это стало первым *собором* христианской церкви и получило название *Апостольского собора*. Верх одержала точка зрения ап. Павла, по мнению которого не нужно было связывать христиан из язычников иудейскими предписаниями, но силу для них должны иметь лишь моральные заповеди Моисеева закона. Из обряда инициации было оставлено лишь погружение в источник проточной воды. Это и стало Таинством Крещения, через которое происходит присоединение к христианской церкви. Так, после Апостольского собора был максимально упрощен путь язычникам в церковь, но одновременно это стало одним из важных моментов разделения с иудейством, для которого обратившиеся таким образом люди уже не являлись *своими*.

Очень важным событием для первой церкви стал 70 г. – разрушение Иерусалима и храма римлянами. Это события стало своего рода знаком завершения религиозной истории Ветхого Завета: после 70 г. больше не было возможности приносить жертвы Единому Богу, дом которого оказался разрушен. Это, с одной стороны, привело к неизбежной перестройке иудаизма, а с другой – послужило легитимизацией христианства как новой религии, ведь старый монотеистический культ поневоле оказался исчерпан.

3. Мученичество

Если для иудаизма новая религия казалась отколовшейся сектой, то в глазах языческого мира статус христианства был еще ниже. Как говорилось выше, язычникам была свойственна определенная веротерпимость, основанная на допущении каждому народу иметь своих богов. Боги победившего народа казались более сильными, но не отменяли богов проигравших. По традиции иудеи платили ежегодный налог на Иерусалимский храм в размере одного сикля серебра. Так вот, после разрушения храма римляне повелели евреям платить этот сикль в храм Юпитера Капитолийского. Для монотеистов это было кощунством, а для римлян естественным следствием их победы... Первое время римляне воспринимали христиан как одно из иудейских движений, но достаточно быстро различия стали очевидны, и это не в лучшую сторону сказалось на статусе христиан. Для римлян важное значение имел *принцип древности* той или иной религии, а также то, что ее исповедовал конкретный народ («язык»). Но древности – *antiquitas* – у христианства не было. Не было и определенной группы, которая его исповедовала: христиане были рассеяны среди разных народов, социальных групп и языков. Вследствие этого новая религия оказалась в Римской империи запрещенной – *religio illicita*. Правовое положение церкви изменится только в 313 г. – после издания Миланского эдикта императора Константина.

Именно статус запрещенной религии был поводом гонений на христианство в первые три века его истории. Для римских властей проблема была не в учении христиан, но в принадлежности к «запрещенному сообществу». При этом массовых гонений по всей империи было относительно немного, хотя они были наиболее кровавыми и больше всего запомнились. Большинство случаев – это притеснения со стороны местных чиновников. Основным событием, по ходу которого могла вскрыться принадлежность кого-либо к христианской церкви, были жертвоприношения перед статуей императора, что являлось частью развившегося в эпоху империи культа *геня императора*. Культ касался не столько императора как отдельного человека, сколько харизмы императорской власти как таковой. Вследствие этого лояльность культу воспринималась как лояльность государству. Свершать жертвоприношение перед статуей императора приходилось в первую очередь при вступлении человека в определенную должность, военную или гражданскую. Это было

своеобразной присягой того времени, и для язычников все казалось вполне логичным.

Но для тех, кто верил в одного Бога, совершить почитание других богов считалось изменой, пусть даже это было символическое возжигание светильника перед статуей, ведь еще в древности Господь повелел через Моисея: «Да не будет у тебя иных богов пред лицом Моим» (Быт. 20:3). Что касается иудеев, то они в Римской империи единственные были избавлены от императорского культа, к тому же их религия не была запрещенной. На христиан это не распространялось, и в течение трех веков множество из них предпочли смерть, но не поклонение богам.

Точное число христианских мучеников первых веков неизвестно. Скорее всего, это были тысячи человек. Юридическая причина раннехристианского мученичества заключалась в запрещении Римской империей новой религии и в попытке уничтожить ее. Но по ходу гонений сложилось своеобразное христианское богословие мученичества, сутью которого было осознание того, что мученическая смерть – это следование по пути, проложенному Христом. Как это ни удивительно, но тексты, написанные христианами в ожидании смерти, были исполнены радости, а не отчаяния. Лучше всего это выражено, пожалуй, у одного из епископов II в. – Игнатия Антиохийского. Он ехал из Антиохии в Рим, где должны были привести в исполнение смертный приговор, и по дороге писал различным церквям, через которые проходил его путь. Так, в Послании к римлянам он говорил: «Христианство – не в молчаливом убеждении, но в величии дела, особенно когда ненавидит его мир. Я пишу церквям и всем сказываю, что добровольно умираю за Бога, если только вы не воспрепятствуете мне. Умоляю вас: не оказывайте мне неблагоприятной любви. Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я пшеница Божия: пусть измельют меня зубы зверей, чтоб я сделался чистым хлебом Христовым. Лучше приласкайте этих зверей, чтобы они сделались гробом моим и ничего не оставили от моего тела, дабы по смерти не быть мне комулибо в тягость. Тогда я буду по истине учеником Христа, когда даже тела моего мир не будет видеть. Молитесь о мне Христу, чтобы я посредством этих орудий сделался жертвою Богу. Не как Петр и Павел заповедую вам. Они апостолы, а я осужденный, они свободные, а я доселе еще раб. Но если пострадаю, то буду отпущенником Иисуса и воскресну в Нем свободным. Теперь же в узах своих я учу не желать ничего мирского или суетного».

Такая убежденность первых христиан в «полезности» мученической смерти была, судя по всему, не просто следствием неизменности

обстоятельств, но выводом из самого содержания христианской веры: смерть Иисуса стала условием спасения мира и путем к воскресению. Таким образом и христиане, следующие за Иисусом, могут идти по этому пути. Отсутствие страха смерти становится понятным лишь в контексте учения о воскресении. При этом строго возбранялся добровольный поиск мученичества, когда к нему не принуждали обстоятельства.

Игнатий Антиохийский, иначе называемый Игнатий Богоносец, принадлежал ко второму поколению христиан, то есть к тем людям, которые еще застали апостолов и иногда сами являлись их учениками. Известные люди того поколения получили наименование «мужи апостольские». К их числу принадлежит уже упоминавшийся Игнатий Богоносец, Климент Римский, Поликарп Смирнский и др. На примере этих людей, а все они оставили после себя некоторые тексты, видно постепенное укоренение новой религии на почве греко-римской культуры.

К этому времени относится раннехристианский памятник, называемый «Учение двенадцати апостолов (Дидахэ)», датируемый второй половиной I в. Текст написан неизвестным автором и среди прочего содержит очень интересное описание евхаристии того времени: «Что же касается Евхаристии, совершайте ее так. Сперва о чаше: Благодарим Тебя, Отче наш, за святой виноград Давида, отрока Твоего, который Ты открыл нам через Иисуса, Отрока Твоего. Тебе слава во веки! О хлебе же ломимом: Благодарим Тебя, Отче наш, за жизнь и ведение, которые Ты открыл нам через Иисуса, Отрока Твоего. Тебе слава во веки. Как сей преломляемый хлеб был рассеян по холмам и собранный вместе стал единым, так и Церковь Твоя от концов земли да соберется в царствие Твое, ибо Твоя есть слава и сила через Иисуса Христа во веки. И от Евхаристии вашей никто да не вкушает и не пьет, кроме крещенных во имя Господне... По исполнении же вкушения так благодарите: Благодарим Тебя, Отче Святыи, за Имя Твое Святое, которое Ты вселил в сердцах наших, и за ведение, и веру, и бессмертие, которые Ты открыл нам через Иисуса, Отрока Твоего. Тебе слава во веки! Ты, Владыко Вседержитель, сотворил все ради Имени Твоего, пищу же и питье дал людям в наслаждение, чтобы они благодарили Тебя, а нам даровал духовную пищу и питье, и жизнь вечную через Отрока Твоего. Паче всего благодарим Тебя потому, что Ты Всемогущ. Тебе слава во веки! Помяни, Господи, Церковь Твою, да избавишь ее от всякого зла и усоверишишь ее в любви Твоей, и от четырех ветров собери ее, освященную в царство Твое, которое Ты уготовал ей, потому что Твоя есть сила и слава во веки. Да приидет благодать и да прейдет мир сей. Осанна Богу

Давидову! Если кто свят, да приступает, если кто нет, пусть покается. Маран-афа. Аминь».

У Игнатия Антиохийского описывается церковная структура того времени. В Послании к магнезийцам он пишет: «Посему, как Господь без Отца, по Своему единению с Ним, ничего не делал ни Сам Собою, ни через апостолов, так и вы ничего не делайте без епископа и пресвитеров. Не думайте, чтобы вышло что-либо похвальное у вас, если будете делать это сами по себе; но в общем собрании да будет у вас одна молитва, одно прошение, один ум, одна надежда в любви и в радости непорочной. Един Иисус Христос, и лучше Его нет ничего. Поэтому все вы составляйте из себя как бы один храм Божий, как бы один жертвенник, как бы одного Иисуса Христа, Который изшел от Единого Отца и в Едином пребывает, и к Нему Единому отошел». До сих пор для историков представляется не вполне ясным процесс происхождения так называемого «монархического епископата», характерного для средневековой церкви. Однако очевидно, что уже в послеапостольские времена существовала определенная церковная иерархия, в которую входили епископы, пресвитеры (священники) и дьяконы. Вероятно, они наследовали апостолам или ставились ими в основываемых общинах. Названия степеней этой иерархии в раннехристианских текстах иногда употреблялись взаимозаменяемо, однако само по себе ее наличие не вызывает сомнений.

В II–III вв. появляется новый жанр христианской литературы – *апология* (в переводе с греческого – *защита*). Их писали *апологеты* – представители греко-римской языческой интеллигенции, которые обратились в христианство и принесли на служение новой религии все свое образование и знания. Их главной целью было свидетельство перед римским миром о том, что христиане отнюдь не являются нелояльной государству и опасной частью общества, а их вера не подрывает устои и благоденствие империи. Сами будучи из языческой среды, апологеты могли обращаться к своей аудитории на понятном ей языке. Наиболее известными из них были Иустин Философ (или Мученик), Аристид, Афинагор, Феофил Антиохийский, Минуций Феликс и др. – все обратившиеся язычники. Так, об Афинагоре говорили, что «этот муж проповедовал христианство, сохраняя мантию философа». Можно считать, что именно это поколение людей было первым осязаемым плодом новой религии на европейской (не семитской) почве. Для мироощущения христиан того времени характерно «Послание к Диогнету», написанное на греческом языке неизвестным автором около 200 г. «Ведь христиане, – пишет он, – ни местом жительства, ни языком, ни обычаями не отличаются от прочих людей, поскольку не

обитают в отдельных городах, не пользуются никаким отличным от других наречием и не ведут особого образа жизни... Но христиане, населяя города эллинские и варварские, кому как довелось, и следуя обычаям соотечественников в одежде, пище и остальном быту, показывают при этом удивительное и, по общему мнению, необъяснимое устройство своей внутренней жизни: живут на родине, но как иноземцы; участвуют во всем, как граждане, и все терпят, как пришельцы; всякая чужбина им – родина, и всякая родина – чужбина; они женятся, как и все, и детей рожают, но, родив, не бросают... Бранят их, а они благословляют; издеваются над ними, а они почтительны; творят они добро и, как злодеи, казимы; но радуются они казни, как новой жизни... Короче говоря, что в теле душа, то в мире христиане».

Ко времени легализации новой религии – к началу IV столетия – христианство уже достаточно распространилось во всех слоях общества. Но не стоит все же преувеличивать число его последователей. Судя ко всему, ко времени императора Константина в восточной части империи (будущей Византии) лишь 15 % населения были христианами, а в западной, которая отличалась куда более аграрным характером, и того меньше.

4. Обращение империи

Легализация христианства в Римской империи, а затем и начало превращения его в господствующую религию связано с именем императора Константина. В византийской традиции он будет назван Константином Великим, в первую очередь за два дела: основание Константинополя и легализацию христианства. Однако, прежде чем говорить о Константине, необходимо сказать о его недавнем предшественнике – императоре Диоклетиане, при котором имели место последние к римской истории массовые гонения на христиан.

Император Диоклетиан (284–304) знаменит тем, что ему удалось вывести империю из кризиса, в котором она пребывала фактически весь III в. Значительная часть его деятельности была связана с административным переустройством государства: неэффективность старой системы с одним центром управления гигантским государством уже была очевидна, но при этом разделение страны также не входило в планы императора. В результате Диоклетиан изобрел систему, названную *тетрархией* («четверовластие»). В каком-то смысле в ней был сокрыт план дальнейшего разделения единой империи на две – Западную и Восточную. Согласно тетрархии было два императора (августа) – главный в Риме и второй – в восточных провинциях (на Балканах). У каждого из них был соправитель (кесарь), который через определенный срок заступал место императора, а тот уходил от дел. Таким образом должно было сохраняться единство государства и правящей элиты, но при этом вводились два (по сути дела, четыре) центра управления и обязательная «ротация кадров». В чистом виде эта система не пережила самого Диоклетиана, однако заложенный в ней принцип разделения страны на Запад и Восток имел большую будущность. Впрочем, Диоклетиан действительно ушел от дел в положенный по его системе срок, а место занял его соправитель – Галерий. Император закончил свою жизнь в поместье в Иллирии (современная Хорватия, близ Дубровника), где последние годы занимался выращиванием капусты.

Поскольку Диоклетиану был свойственен масштабный и системный подход к государственной деятельности, то гонение, разразившееся в последние два года его правления, имело общегосударственный характер. Историки спорят, почему именно в конце своего правления Диоклетиан стал гнать новую религию, тогда как почти двадцать лет он не смущался

присутствием христиан, которые существовали почти без всякого страха, так как с начала III столетия столь массовых гонений в Римской империи не происходило. Возможно, сказалось влияние его соправителя Галерия, но вероятно, что это могло быть запланировано заранее как мера по восстановлению законности (христианство – *религия запрещенная*) и религиозного единства подданных. Акция была начата с разрушения храма в Никомидии – резиденции императора. На следующий день был издан эдикт, подписанный обоими августами и кесарем Галерием, о повсеместном разрушении храмов, изъятии христианских книг и лишении упорствующих в своей вере гражданских прав. Позже был издан указ о заключении в тюрьмы всех членов клира и применении пыток. Еще ни одно римское гонение не отличалось такой последовательностью и жестокостью. «*Nomen christianorum deleto – да погибнет имя христиан*» – это стало девизом гонений Диоклетиана.

В 305 г. Диоклетиан и второй август Максимиан ушли от дел, однако политика преследований христиан была продолжена до 311 г., и в первую очередь в этом усердствовал Галерий, бывший соправитель Диоклетиана. Удивительно, что с именем этого же человека связан и первый этап легализации христианства. Судя по всему, Галерий не был убежденным язычником, но считал себя прагматиком. В течение многих лет он старался искоренить «имя христиан», но к 311 г. понял, что время единства римской языческой религии прошло. К этому времени Галерий был уже очень болен, и возможно, что он воспринимал свой недуг как месть со стороны «христианского Бога». В 311 г. был издан так называемый *эдикт Галерия*, который позволял отпавшим во время гонений христианам вновь вернуться к своей религии и исповедовать ее открыто при условии гражданской лояльности. По сути дела, это было придание христианству статуса разрешенной религии. Сам император отнюдь не стал его адептом, но он понял, что времена изменились, а кровавые гонения ни к чему не привели.

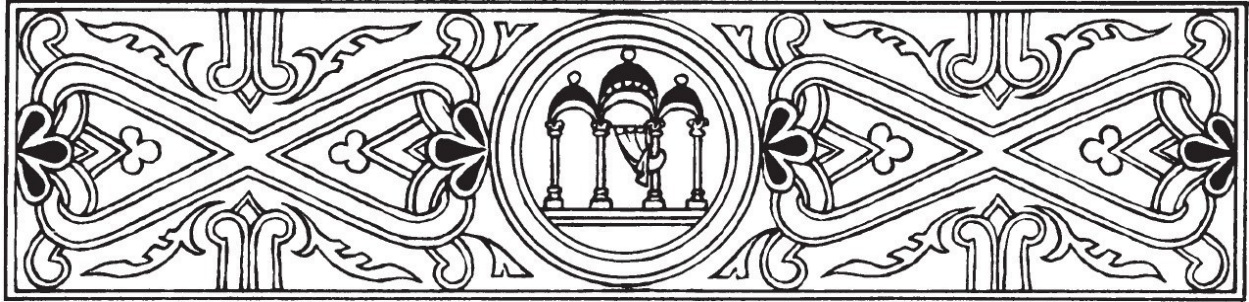
Но все же подлинным поворотным моментом стал *Миланский эдикт*, изданный Константином в 313 г. Поскольку имя Константина стояло и под эдиктом Галерия, то некоторые ученые приписывают именно ему прекращение гонений. В 312 г. Константин боролся за власть с Максенцием. Вопреки всем ожиданиям он смог взять Рим с меньшими силами, нежели те, что были в укрепленном городе у его конкурента. По преданию, Константин перед решающим сражением увидел на небе знак креста с надписью «Сим побейдай». Константин велел войнам начертать его на щитах и одержал победу. Как бы ни относиться к этому рассказу, в войске Константина в самом деле должно было быть много христиан, в

отношении которых он проявлял полную веротерпимость. Миланский эдикт 313 г., окончательно позволивший христианам «выйти из подполья», был своего рода благодарностью императора христианам за помощь в одержанной победе. «Итак, мы постановили, руководствуясь здравым и правильным рассуждением, – гласит эдикт 313 г., – принять такое решение, чтобы вообще никого не лишать свободы следовать и держаться соблюдаемой у христиан веры, и чтобы каждому дана была свобода следовать той религии, какую сам считает наилучшею для себя, дабы верховное Божество, почитаемое нами по свободному убеждению, могло проявлять во всем обычную милость и благоволение к нам». При этом христианским общинам возвращалось все имущество, отнятое у них во время недавних гонений. Миланский эдикт во многом действительно повторяет эдикт Галерия, но что в 311 г. милостиво разрешалось, то в 313 г. стало считаться неотъемлемым правом.

В 330 г. император Константин положил основание новой столице империи – Новому Риму, Константинополю. Это было началом разделения империи на Восток и Запад, который предполагался еще реформами Диоклетиана. С созданием новой столицы резиденция императора и вообще центр империи переместился на куда менее разрушенный кризисом Восток. Но важно и то, что Новый Рим строился как христианская столица, хотя языческие культы допускались. Константинополь стал знаком христианской Римской империи – будущей Византии. При всем этом до конца жизни Константин оставался язычником и, более того, верховным понтификом, то есть главным жрецом римской религии. Это не помешало ему созвать первый Вселенский собор христианской церкви, на котором впервые были собраны представители всех христианских общин империи. Собор происходил в Никее в 325 г., и на нем был выработан общий символ веры и осуждено арианство. Впрочем, о Вселенских соборах мы будем говорить ниже, так как они все же являются характерной чертой имперского христианства, объединенного в едином государстве. В конце жизни, почти на смертном одре, император Константин принял крещение от одного из епископов. Этот епископ – великий церковный историк Евсевий Кесарийский – придерживался полуарианского исповедания (то есть был, можно сказать, еретиком), однако, несмотря на это, православная церковь причислила Константина к лику святых в чине равноапостольных. Причиной этого была, должно быть, не столько святость его жизни, сколько та услуга, которую он оказал христианской церкви: при императоре Константине Великом церковь перестала быть гонимой, получила легальный статус, да и сама Римская империя оказалась побеждена новой

религией – «идоли бо, Спасе наш, не терпяще Твоя крепости, падоша».

Глава четвертая
Византийская империя: великий кризис
VII в

Введение

Хотя Византийская империя пережила Римскую на тысячу лет, она постоянно находилась в борьбе за выживание. Не это ли стало залогом такой жизнеспособности византийцев? В их истории почти нет периодов величественного спокойствия. Напротив, происходило постоянное кипение: войны, перевороты, неудачи, успехи, ереси. Не потому ли византийское искусство отличается таким возвышенным спокойствием, а византийский христианский идеал – стремлением к молчанию и пустыне, что этого было слишком мало в земной истории византийцев? Для империи VII в. (это была эпоха императора Ираклия и его преемников, 610–717 гг.) стал одним из таких бурных периодов, в результате которого государство утратило множество своих территорий, однако сохранилось и переродилось внутренне, превратившись из мировой империи, по сути дела, в национальное государство.

1. Персидское завоевание и реконкиста (610–630 гг.)

Сразу после прихода к власти в 610 г. императора Ираклия – сына Карфагенского экзарха Ираклия – начался последний и, быть может, самый устрашающий этап древнего противостояния двух сверхдержав Античного мира – Рима и Парфии, место которых теперь заняли их преемники – Византия и Сасанидская Персия. Как не раз бывало и раньше – одно из государств (в данном случае Персия) попыталось нарушить сложившийся баланс сил, достигло решительного успеха, но затем потерпело сокрушительное поражение. В результате было восстановлено довоенное *status quo*. Эта история могла бы повториться еще не один раз, если бы обе сверхдержавы заметили невиданную до того опасность: арабский мир, исповедующий новую религию – ислам. Столкновение с этим миром через несколько лет положило конец персидскому государству и стало причиной серьезных изменений в Византийской империи.

Войны Ираклия с Персией нашли отражение в Коране, создававшемся вскоре после этих событий. «Побеждены Румы в ближайшей земле, – читаем мы в XXX суре, – но они после победы над ними победят через несколько лет». Это описание вполне точно отражает реальные события этой последней византийско-персидской войны. В течение веков спорными территориями между двумя сверхдержавами были прибрежные страны Ближнего Востока – Сирия, Палестина, отчасти Египет, а также северные районы Месопотамии и некоторые области Закавказья. Все эти страны не составляли исторического ядра обеих империй, однако при соседстве сверхдержав они не могли рассчитывать на подлинную самостоятельность. Перемещение границы между империями или сферами влияния внутри этих областей и становилось результатом многовековых войн. При этом ни одно из двух великих государств не было в состоянии провести границу раз и навсегда. По крайней мере, до времени Ираклия, когда уже было слишком поздно... Причиной такого паритета было как объективное сходство «мощностей» двух империй, так и переменчивость настроений достаточно пестрого населения «плодородного полумесяца», как страны этого беспокойного региона называли в древности.

В начале правления Ираклия инициатива начала войны была за персидским шахом Хосровом II Парвезом (590–628). Учитывая настроения в Византийской империи перед восшествием на престол Ираклия, равно

как и насильственный характер его воцарения, надежды шаха на легкую победу казались вполне обоснованными. Персия хотела в новой, удобной для себя ситуации исправить тот перевес, который Византия получила в начале правления Хосрова. Тогда император Маврикий поддержал его по ходу внутривосточной борьбы за власть, но за это Византия по договору 591 г. перестала платить Персии ежегодную дань, и к тому же Персия отказывалась от восточной Месопотамии с городом Дара и от большей части персидской Армении. Но с тех пор ситуация изменилась: Хосров давно уже укрепился на престоле, а в Византии только что завершилось весьма тяжелое правление императора Фоки. Война началась в первый же год правления Ираклия – в 610 г.

Уже в 610 г. персы захватили Апамею и Эдессу в византийской Сирии. В следующем 611 г. пала Антиохия – главный город византийского востока. Попытка императорской армии нанести поражение персам у стен завоеванной Антиохии в 613 г. не дала результата. Напротив, после этого уже ничто не могло помешать продвижению персов по Ближнему Востоку. К югу от Антиохии Хосров взял Дамаск, на севере – Тарс в малоазийской области Киликия (родной город апостола Павла) и затем изгнал византийцев из Армении. Однако самым болезненным для византийцев, как и для христианского мира вообще, оказался захват персами Палестины и Иерусалима: после трехнедельной осады Иерусалим пал в 614 г.

После взятия и разрушения римлянами Иерусалима в 70 г. н. э. Святой Город больше не переживал подобных катастроф. Он постепенно отстраивался и заселялся, а со времени легализации христианства при императоре Константине в начале IV в. стал обстраиваться замечательными базиликами и монастырями, превращаясь в центр паломничества всех христиан. Иудейская пустыня (или, как ее иначе называли, *пустыня Святого Града*) стала одним из главных монашеских центров, и в период с IV по VII в. в ней было около 90 больших монастырей, а число монахов достигало нескольких тысяч. Иерусалим не был важным административным или экономическим центром, однако это компенсировалось религиозным значением города: главной святыней для христианского мира являлся Храм Воскресения (он же Храм Гроба Господня), выстроенный в Иерусалиме императором Константином в IV в., а также хранившийся в нем в то время Крест Господень.

В 614 г. вся христианская Палестина и Иерусалим с его святынями подверглись ужасающему персидскому разгрому. Еще на пути к Иерусалиму персами были разрушены почти все монастыри Иудейской пустыни, а многие монахи стали мучениками. И сегодня почти в каждом

монастыре этого региона сохраняются мощи монахов, погибших в 614 г. при персидском нашествии. После этого монашеству Святой Земли уже не суждено было возродиться в прежнем количестве и значении. Помимо монастырей персы разрушали города и ирригационные системы, вырубали деревья, что наносило урон всей системе земледелия и положило начало превращению страны в пустыню после многих веков тщательного возделывания. Вскоре это будет только усилено арабским завоеванием.

Иерусалим также подвергся разгрому. Были разрушены христианские храмы, в том числе и Храм Воскресения. Число жертв достигло нескольких десятков тысяч, и в первую очередь это было именно христианское население города. Крест Господень и множество святынь были увезены персами в их столицу Ктесифон, что должно было подчеркивать победу зороастрийской Персии над христианским миром. Это дает возможность предполагать, что для Хосрова вся эта война имела определенный *религиозный* смысл, что, в свою очередь, придало религиозную окраску предприятиям Ираклия, которые во многом стали прообразом будущих крестовых походов.

Важным в этой войне было и то, что многие группы населения византийского Ближнего Востока приняли сторону персов. В первую очередь это были монофизиты, испытывавшие серьезные притеснения со времен Юстиниана, и евреи, основной религиозный и культурный центр которых находился в то время не в Палестине или Европе, а в Месопотамии, то есть как раз в пределах Персидской империи.

По словам русского византиниста Н. П. Кондакова, «это было бедствие, неслыханное после взятия Иерусалима при Тите и на этот раз непоправимое: для этого города уже не было потом эры, подобной временам Константина, и великолепные сооружения в его стенах, подобно так называемой Омаровой мечети, уже не составят эпохи в истории; отныне город и его здания приходят в упадок, со ступеньки на ступеньку, и самые крестовые походы, изобилующие всякого рода результатами и, пожалуй, всякой добычей для самой Европы, отзовутся только смутой, путаницей и разложением в жизни самого Иерусалима. Персидское нашествие разом снесло наносную, искусственную грекоримскую культуру Палестины, разорило земледелие, обезлюдило города, уничтожило или на время, или навсегда монастыри и лавры, прекратило торговлю. Этим нашествием освободились от прежних уз и страха грабительские племена арабов, и они приготовились к сплочению в будущем и повсеместному наступлению. Отныне период культурного развития страны кончен»¹.

Из Палестины персидская армия двинулась в Египет. В 619 г. пала

Александрия, и весь Египет со своим по преимуществу монофизитским населением оказался в руках персов. Завоевание Египта имело для империи тяжелые экономические последствия, так как эта процветающая провинция в течение многих веков являлась житницей империи, снабжая зерном сам Константинополь. По замечанию Георгия Острогорского: «Можно было подумать, что возрождается древняя империя Ахеменидов, хотя еще совсем недавно казалось, что Юстиниан почти что восстановил древний *imperium romanum*»².

Однако персы не ограничились одним Ближним Востоком. Еще до завоевания Египта, в 615 г., они двинулись в Малую Азию, не встречая серьезного сопротивления еще ранее разгромленной византийской армии. Их войско дошло до самого Босфора и встало около византийской столицы, захватив Халкидон.

Помимо персов, другими серьезными врагами византийцев (а соответственно, союзником персов) были славяне и авары, угрожавшие византийцам с севера. Во главе с аварским ханом они дошли до самого Константинополя, разоряя на своем пути балканские области империи. Во время встречи с ханом в городе Гераклея в июне 617 г. сам император Ираклий чуть не пал жертвой их коварства. Однако от варваров удалось откупиться богатыми дарами, и блокада Константинополя была прорвана с одной из сторон. Оставались персы, но, лишившись союзников в лице аваров и славян, они решили отойти от столицы. Примерно в эти же годы (начало 20-х гг.) на западе вестготы захватили у империи оставшиеся у нее владения в Испании, не сумев добраться лишь до Балеарских островов, на которых под охраной флота сохранилась римская власть.

Оказавшись в столь тяжелой ситуации, Византия в очередной раз смогла выжить и даже вскоре полностью разгромить своего давнего врага – Персидское государство, которое уже было готово праздновать окончательную победу над Новым христианским Римом. Это удалось отчасти из-за разлада между персами и аварами, что помогло спасти столицу, но в первую очередь из-за внутренней перестройки империи, произведенной императором Ираклием на краю гибели государства. А ведь при этом в начале своего нелегкого правления Ираклий всерьез думал о том, чтобы уехать из Константинополя и перенести столицу в родной для него Карфаген, пытаясь превратить северную Африку в основу и центр Римского государства. В то время он удержался от этого благодаря харизматической личности константинопольского патриарха Сергия. История подтвердила правильность этого решения, дав Константинополю и Византийской империи еще восьмивековую историю.

Освобождая Константинополь от осады аваров и славян, с одной стороны, и персов – с другой, византийцы применили свой испытанный способ, у которого и дальше было большое будущее в их истории, – разьединение врагов и подкуп одного из них. На деньги покупались обычно варвары, как произошло в этот раз с аварами. По большому счету это было серьезным успехом византийской дипломатии, столь часто приходившей на помощь византийскому оружию. С персами в данном случае это бы не прошло, особенно учитывая религиозную заинтересованность Хосрова в борьбе с христианской Византией. Но перед тем, как начать «реконкисту» Ближнего Востока, византийцы добились еще одного успеха своей дипломатии и религиозной харизмы: в Константинополе в 619 г. принял крещение болгарский хан Куврат, который позже станет основателем государства Великая Болгария. Болгарские племена, кочевавшие в то время в степях к северу от Черного и Каспийского морей, после дипломатического поражения аваров у стен Константинополя сочли возможным избавиться от зависимости от них. Неудивительно, что в этом они нашли поддержку императора Ираклия. После успешного освобождения от аваров Куврат прибыл во главе болгарского посольства в Константинополь, принял крещение и получил чин патрикия, что вводило его в круг цивилизованных государей, так или иначе находящихся в сфере византийского влияния. Для славянских племен поражение аваров также привело к серьезным последствиям и миграциям, но об этом ниже.

Все 20-е годы для Византии пройдут под знаком успешного отвоевания восточных провинций. В 621 г. Ираклий принял решение о походе против персов и решил сам стать во главе экспедиции. Это было очень символическим жестом, который должен был подчеркнуть значимость этой войны. Из недавних предшественников Ираклия только император Фока лично возглавлял поход против аваров, а до него – Феодосий I. Интересно, что многие советники Ираклия пытались удержать его от непосредственного участия в опасном походе. Император оставил регентами при своем малолетнем сыне уже упоминавшегося константинопольского патриарха Сергия и патрикия Бона, а сам с лета 622 г. занялся подготовкой армии.

Об административных реформах Ираклия речь пойдет ниже, но пока нельзя не сказать, что их сутью была перестройка управления империи на военный лад. Это было памятно императору по западным областям империи, где вся военная и гражданская власть была сосредоточена в руках Карфагенского и Равеннского экзархов. Теперь вся система управления перестраивалась на основе совмещения гражданской и военной власти в

одних руках. Гражданская администрация оставалась, но на подчиненном положении. Вместо старых провинций новые области были мельче и назывались *фемами*. Первыми фемами стали Опсикий, Армениак и Анатолик в Малой Азии. Их названия были даны не по географическому делению провинций, но по тем военным отрядам, которые там стояли. В дальнейшем все новые и новые провинции будут превращаться в фемы. Принцип формирования армии также претерпел изменения. Раньше армия была наемной, но теперь у империи не хватало денег на ее поддержание. Ираклий решил расширить на всю армию старый римский принцип формирования пограничных войск: в местах своей службы солдаты получали значительные земельные наделы и совмещали военную службу с крестьянским трудом. Таким образом государство снимало с себя значительную часть расходов, а армия становилась в большей степени народной, а не состоящей из нанятых варваров, как часто было раньше. Для освободительной и отчасти религиозной войны, которую собирался вести император, это было существенно.

В 622 г. начался первый этап освободительной войны (всего с 622 по 628 г. Ираклий предпринял три похода). Столицу император покинул 5 апреля после торжественного богослужения и провел лето в подготовке армии на территории новых фем. Сам император занимался изучением военного искусства и введением новой тактики. Большую роль теперь должна была играть легкая конница, в чем историки усматривают влияние кочевых народов и их военного искусства. До осени война была позиционной. Ираклий не надеялся победить персов на их позициях в горах Малой Азии. Но он сумел выманить оттуда персидского полководца Шахрбазара и дать ему сражение на территории Армении. Битва закончилась полной победой византийцев, а Малая Азия была очищена от персов.

Опасаясь нападения со стороны аваров, император решил увеличить выплачиваемую им дань, чтобы иметь возможность закончить войну к весне 623 г. Однако Хосров не собирался отдавать захваченные византийские провинции или тем более сдаваться. На предложение мира он ответил оскорбительным письмом, направленным как против Ираклия, так и против христианства. В передаче армянского историка Себеоса ответ шаха начинался так: «Хосров, любимец богов, царь и господин всей земли, сын великого Армазда, нашему рабу безумному и бесчестному Ираклию»³. В этой ситуации Ираклий направил свои войска через Каппадокию в сторону Армении. При дружественном отношении христианского населения императору было легче защищаться от персидских атак и самому переходить в наступление. Многие города, в которых находились

персидские гарнизоны, постигала печальная участь: так, Двин и некоторые другие города были стерты с лица земли. К югу от Армении Ираклию удалось взять Ганзак – столицу первого Сасанидского царя Ардашира. Древнее зороастрийское святилище было разрушено. Вероятно, это воспринималось византийцами как месть за взятие Иерусалима. На этом продвижение вглубь персидской территории пока что закончилось: Ираклию приходилось оставаться на спорных с персами территориях Закавказья, пополняя свою армию за счет лазов, абазгов и грузин. В 625 г. также не произошло существенных изменений.

Пока император находился в далеком походе, Константинополю пришлось пережить один из опаснейших моментов своей истории: персам удалось договориться с аварами, пусть и получавшими от византийцев большую дань, и вместе с ними в 626 г. осадить столицу. На стороне аваров был значительный славянский флот, а персы смогли пройти через всю Малую Азию и укрепиться в Халкидоне. В отсутствие Ираклия принятие решений в столице в первую очередь ложилось на плечи патриарха Сергия, заодно являвшегося регентом при малолетнем наследнике. Исход этой опасной осады был решен с помощью греческого огня, попавшего весь славяно-аварский флот. Для аваров этого военного и психологического поражения было достаточно, чтобы отойти от Города, а без них персы не хотели пытаться счастья, имея у себя в тылу армию Ираклия. Вероятно, именно с этой осадой Константинополя связано создание первого *акафиста* в византийской гимнографии – акафиста Пресвятой Богородице – «*Взбранной воеводе победительная...*».

После снятия осады Константинополя император еще два года не появлялся в столице, но зато поход против Персии, предпринятый Ираклием в это время, оказался для нее смертельным. Пока что военные действия продолжались в Закавказье, и Ираклий обрел здесь новых союзников в лице хазар: вместе с ними он предпринял осаду Тбилиси, но она закончилась неудачей, в то время как армянские земли и некоторые другие территории Закавказья оказались под византийским контролем. В 627 г. Ираклий приготовился к походу вглубь собственно персидских территорий. В таком далеком и опасном предприятии хазары решили участия не принимать, и византийской армии осталось рассчитывать на свои силы. Решительное сражение произошло в начале декабря 627 г. у развалин древней Ниневии на реке Тигре (через реку, напротив Ниневии, расположен современный иракский город Мосул). Персидская армия оказалась полностью разбита, и больше не было сил, способных сопротивляться продвижению византийских войск по Междуречью. В

начале 628 г. Ираклий взял Дастагерд – главную резиденцию Хосрова – и Ктесифон, персидскую столицу, располагавшуюся в 30 километрах от современного Багдада. Весной Хосров, как нередко бывало с побежденными восточными монархами, был свергнут и убит, а на престол взошел его сын Кавад-Широе, который первым делом стал просить мира у Ираклия. По мирному договору византийцы возвратили себе все, что когда-либо принадлежало Римской империи: Армению, римскую Месопотамию, Сирию, Палестину и Египет. Через несколько месяцев после этого хан Кавад-Широе умер. На смертном одре он просил Ираклия быть попечителем его малолетнего сына. Это было признанием не только победы византийцев, но и опасности, которая может исходить от них в дальнейшем: традиционный баланс сил был нарушен.

Ираклий послал в Константинополь подробный манифест (сохранившийся в так называемой Пасхальной хронике) с объявлением об успешном завершении войны. В мае того же 628 г. он с триумфом вернулся в столицу после шестилетнего отсутствия. Патриарх Сергий с наследником Константином, духовенство, сенат и народ встречали Ираклия еще на малоазийском побережье со свечами, пальмовыми ветвями и т. д. Опасность уничтожения Византии обернулась, напротив, победой над ее давним врагом. К весне 630 г. Ираклий отправился в Иерусалим, где 21 марта был торжественно воздвигнут Крест Господень, возвращенный после почти пятнадцатилетнего персидского плена. Это было символическое завершение трагической и победоносной войны, которая многими исследователями воспринимается как первая религиозная война христианского мира, предвозвестившая последующие крестовые походы. «В день вступления в Иерусалим, – писал историк VII в. армянский епископ Себеос, – немало происходило там ликования. Раздавался голос плача и печали, лились слезы умиленного сердца у царя и знати, всех войск и жителей города. И никто не мог *петь песен Господних* от умиления всей толпы. Царь водрузил Крест на своем месте и всю церковную утварь расположил по своим местам и раздал всем церквам и жителям города подарки»⁴.

2. Ислам и арабы. Потеря византийского Ближнего Востока и Северной Африки

Сразу после успешного завершения войны с Персией на восточных границах империи появился новый фактор, совершенно изменивший судьбу как Византии, так и Европы в целом. В 20–30-е гг. VII в. языческие племена арабов-кочевников обрели новую религию – ислам, давший исторический импульс невероятной силы как арабам, так и их преемникам в мусульманском мире.

Арабы, кочевавшие до VII в. в пустынях Аравийского полуострова и иногда выходившие в район Междуречья, были известны грекам и римлянам с древних времен. Персы и византийцы пытались использовать их как своего рода буфер между двумя империями. Так, существовала арабская династия, прикрывавшая персидскую границу от византийцев (Лахмиды с центром в городе Хире на Евфрате), а напротив нее другая, родственная ей, обращенная в христианство и находившаяся на византийской службе (Гассаниды в Сирии). Арабы-христиане, существующие в немалом количестве и сегодня, в большинстве случаев являются потомками тех арабских племен, которые, соприкасаясь с византийским греческим и семитским миром, приняли христианство еще в доисламскую эпоху.

Но в большинстве арабы, особенно жившие на Аравийском полуострове, являлись язычниками. В арабской мусульманской традиции тот период называется «джахилия» – время варварства. Не испытывая непосредственного влияния христианской церкви и государства, они все же соприкасались с монотеистами, жившими рядом на том же Аравийском полуострове или приезжавшими по торговым делам, – как с христианами, так и с иудеями. Не исключено, что это были достаточно «провинциальные» монотеисты, дававшие представление о своей религии, довольно далекое от ортодоксального. Возникновение собственно арабского единобожия связано с личностью Мухаммеда (570–632). Начав свою проповедь в Мекке, центре арабских языческих культов, Мухаммед вскоре был вынужден покинуть ее вместе с небольшим кружком своих последователей и переселиться в Медину. Этот год – 622-й – год *хиджры* (исхода) считается началом мусульманской эры. Мухаммед был знаком с библейской традицией и считал, что его учение есть та самая вера в Единого Бога, которая открылась общему праотцу евреев и арабов

Аврааму, но очищенная от иудейских и христианских напластований. Постепенно религиозные тексты, созданные Мухаммедом и его ближайшими сторонниками, составили *Коран* – священное писание мусульман. Община Мухаммеда оказалась изначально настроена на расширение и завоевание. После завоевания Мекки в 630 г. они уничтожили все следы политеизма, и новая религия начала свое победное шествие по арабскому миру, а затем и серию гигантских военных завоеваний.

Вскоре после смерти основателя ислама арабы достигли пределов Византии. Гиббон так писал об этом в стиле его XVIII столетия: «В то время как император (Ираклий) торжествовал в Константинополе или Иерусалиме, незначительный город на границе Сирии был разграблен сарацинами, которые изрубили войска, выступившие за его освобождение: обычный и пустяшный случай, если бы он не был прелюдией могучей революции. Эти разбойники были апостолы Мухаммеда; их фантастическая храбрость вышла из пустыни; и в последние восемь лет своего царствия Ираклий потерял те самые провинции, которые он освободил от персов»⁵.

Интересно, что византийцы сначала не увидели в исламе отдельной религии, но восприняли ее как одну из радикальных ересей, типа арианства. У византийских историков первое описание жизни Мухаммеда мы находим лишь в начале IX в. в «Хронографии» Феофана⁶, и это в то время, когда среди арабских завоеваний числилась даже Испания.

Завоевание арабами-мусульманами византийского Ближнего Востока и остатков персидской империи произошло уже после смерти Мухаммеда: он дал импульс, а основные завоевания были совершены его преемниками и последователями. Ближний Восток был завоеван при первом преемнике Мухаммеда – халифе Омаре. В 634 г. арабы взяли Газу – процветающий приморский греческий город на границе Египта и Палестины. Византийцы уже начали воспринимать новых противников всерьез, и в этом сражении во главе войска стоял брат императора Ираклия, но он был разбит и бежал в Эдессу. В 636 г. была захвачена почти вся Палестина, совсем недавно разоренная и опустошенная персами и с таким трудом отвоеванная. В конце года началась осада Иерусалима. Город держался больше года, а в конце концов был, по сути дела, сдан святым патриархом Софронием (638 г.), который смог предварительно договориться с мусульманами о сохранении жизни христиан и об отказе от разрушения христианских храмов: память о персидском погроме была еще слишком свежа. Крест

Господень и многие христианские святыни удалось вывезти в Константинополь. Арабское завоевание кардинально изменило этническую и религиозную картину Палестины и в целом Ближнего Востока, но настоящего погрома всего христианского и византийского, который предпринял Хосров, больше не повторилось. Однако эпоха греческой гегемонии в этом регионе ушла в прошлое. Греческие общины, кварталы, монастыри сохранялись (они сохраняются так или иначе до сих пор в Израиле, Египте, Иордании), но живая связь с митрополией (в данном случае с Византией) оказалась прервана, начался постоянный отток греческого населения. С 636 по 642 г. арабы смогли отторгнуть от византийской империи все недавно возвращенные Ираклием провинции: Месопотамию, значительную часть Сирии, Палестину, Египет и Киренаику (в 642 г. была взята Александрия). По ходу войны Ираклий назначил в 638 г. соправителем своего двенадцатилетнего сына Ираклия и умер в начале 642 г. почти что в семидесятилетнем возрасте. Соправителями после его смерти остались юный Ираклий II и старший сын Константин, переживший отца всего на несколько месяцев. После этого империя на время погрузилась в круговорот внутренних проблем.

На этом арабская экспансия не завершилась, и еще ни раз византийцам приходилось видеть арабов под стенами своей столицы. Новый этап начался с освоением арабами морского дела. Это произошло быстро, и в 649 г. «сарацины», как их называли христианские авторы, захватили Кипр. В 50-е гг. они захватили Армению и Родос и впервые подвергли длительной осаде Константинополь. На этот раз осада была снята из-за внутренних неурядиц в халифате. В 659 г. был заключен мир, который продержался всего десять лет. Незадолго до того, в 651 г., был убит последний шах сасанидской Персии – Издегерд III. Интересно, что похоронен он был в Меровском оазисе по христианскому обряду. Теперь для византийцев место их бывшего главного врага прочно занимал куда более динамичный арабский халифат, расположенный в тех же областях, что и Персидская империя.

В начале 70-х гг. арабы захватили у византийцев Кизик и Смирну, а в 674 г. начали новую осаду Константинополя, которая продолжалась семь лет. В 678 г. византийцы впервые применили против арабского флота «греческий огонь» – состав, содержащий нефть и селитру, который выбрасывался на вражеские корабли в закрытых сосудах с помощью специальных устройств и воспламенялся уже там. Этот огонь нельзя было потушить водой, поэтому против вражеских флотов, в особенности варварских, это всегда действовало не только эффективно, но и устрашающе. В 680 г. между

византийцами и арабами был заключен тридцатилетний мир, который продержался, впрочем, чуть более десяти лет.

В 692 г. император Юстиниан II попытался выступить против арабов в союзе со славянами. Начало было удачным, но после ухода славян император был вынужден отступить. В 697 г. был захвачен Карфаген, последний византийский оплот в северной Африке, а флот разгромлен. Римская Африка была утеряна навсегда. Своего рода попыткой ее восстановления станет эпопея французской колонизации XIX–XX вв.

В 717 г. начался новый этап византийской истории, связанный с именем новой – Исаврийской – династии. Ее основателем стал император Лев III Исавр. Начало его правления также оказалось связано с войной с арабами и осадой ими Константинополя. В 717 г. сарацины захватили Пергам – важный город в Малой Азии – и устремились во Фракию. Таким образом, их экспансия перешла уже на европейский континент. Началась осада Константинополя, длившаяся ровно год – с августа 717 г. по август 718 г. Здесь на стороне византийцев оказались болгары хана Тервеля. Арабы понесли большой урон на море и на суше, в том числе от эпидемий, и 15 августа 718 г. им пришлось уйти из Фракии и снять осаду Константинополя. Именно эта арабо-византийская война и осада стали решающими: на этом прекратилась арабская экспансия в восточной части Средиземноморья, и, сделав попытку, она не смогла здесь перекинуться в Европу. Некоторые исследователи считают, что с неудачей 717 г. связано возникновение мусульманской эсхатологической литературы, поскольку предел распространения ислама и арабских завоеваний был положен у стен главного христианского города тогдашнего мира. В Западной Европе подобным рубежом стал октябрь 732 г., когда Карл Мартелл нанес поражение арабам на юге Франции, между Туром и Пуатье.

3. Славяне на Балканах

В VII в. проблема взаимоотношения со славянскими племенами на Балканах была одной из важных и болезненных. Но это было уже определенным этапом развития вопроса, который возник еще раньше и развился в VI в.

Войны с варварами на северных границах империи была постоянным делом еще для Рима. На Западе, начиная с III в., опаснейшими противниками стали германцы. (Именно они в итоге положили конец Западной Римской империи.) Для Византии такой опасностью на много веков стали на Балканах славяне и другие племена, входившие с ними в союз. Славяне не смогли ни уничтожить, ни подчинить себе Восточную Римскую империю, но последствиями тех войн и переселений стало возникновение на севере Балканского полуострова нескольких славянских государств.

«Прародина славян, – писал британский византинист и славист Дмитрий Оболенский, – охватывала значительный район Восточно-Европейской равнины, между Нижней Вислой и Нижним Неманом на севере и Карпатами на юге. На Востоке она протянулась, по крайней мере, до середины Днепра, ее западная граница в целом проходила по Одеру или Эльбе»⁷. Мы не знаем, когда началось переселение славян к югу и к востоку, но в середине V в. уже есть свидетельства византийских историков о поселении славян в районе нынешней Венгрии. В VI в. византийцы называли славян *склавинами* и *антами*. Во времена императора Юстиниана (527–565) основные войны велись на Западе или на границе с Персией, но славянская опасность уже была очень велика. Прокопий Кесарийский писал в «Тайной истории», что в то время набеги славян совершались «почти каждый год» и нередко доходили до пригородов столицы. В связи с этим Юстиниан укреплял на Балканах старую римскую границу и строил новые пояса пограничных укреплений в глубине византийской территории. И все же линии укреплений прорывались, и славяне проникали вглубь страны в поисках добычи, пленных, а также новых земель для ведения хозяйства. В правление Юстиниана самым суровым было вторжение 559 г., когда славяне устремились в империю тремя потоками: первый был остановлен у Фермопил, второй – на Галлиполийском полуострове, третий – у стен Константинополя. В этой войне пришлось принимать участие прославленному полководцу Велизарю. Не желая впоследствии отвлекать

войска с более важных, как казалось, фронтов, империи приходилось постоянно откупаться от варваров деньгами. А это, в свою очередь, увеличивало их аппетит. Как писал Прокопий: «Отведав римского богатства, эти варвары уже были не в силах забыть сюда дорогу... И таким образом все варвары стали полными господами римского богатства, либо получив деньги от императора, либо грабя римские пределы, либо беря выкуп за пленных, либо торгуя перемирием за деньги»⁸.

После смерти Юстиниана самым опасным противником на севере стали уже упоминавшиеся ранее *авары* – монгольские и тюркские племена, мигрировавшие с Северного Кавказа под давлением тюрков Средней Азии. На несколько десятилетий во второй половине VI в. авары стали одной из основных сил в Центральной Европе. Их государство, по преимуществу со славянским населением, простиралось от нынешней Чехии до нижнего Дуная. Историк Иоанн Эфесский так писал об их очередном вторжении в 80-е гг.: «Тот самый год (381), третий после смерти цезаря Юстина, был известен также вторжением проклятого народа, называемого славянами, который прошел всю Грецию, и область Фессалоникийцев, и всю Фракию, и захватил города, и взял множество крепостей, и опустошал, и жег, и захватывал людей в плен, и стал властвовать по всей стране, и поселился в ней, властвуя, и живет в ней без страха, как будто это его собственная земля. И вот четыре года теперь прошло, а цезарь занят войнами с персами, и послал все свои войска на Восток, и славяне живут свободно на земле, и пребывают на ней, и распространились вдаль и вширь, насколько Бог позволяет им, и грабят, и жгут, и берут в плен. И в грабежах дошли даже до внешних стен Города, и увели все императорские табуны лошадей, числом много тысяч, и все остальное, что смогли найти. И даже донныне они все еще располагаются и обитают здесь, и живут в мире на ромейских землях, без беспокойства и страха»⁹.

Этот рассказ свидетельствует не просто о набегах и войнах, но именно о поселении славян на византийских землях. К 80-м гг. они не только поселились на северных Балканах, иногда достигая Константинополя, но осаждали Фессалонику и расселялись по всей Греции, вплоть до Пелопоннеса. В конце VI в. впервые византийцы попытались перейти от оборонительных действий к наступлению (в 600 г. граница империи вновь, как в римские времена, прошла по Дунаю), но отдельные экспедиции не могли остановить постепенное заселение греческих земель славянами. Решительный прорыв дунайской границы и подлинное завоевание славянами Балканского полуострова произошло во время правления

императора Фоки (602–610) и в начале царствования Ираклия (610–641). Балканская граница империи перестала существовать, когда императоры решали внутренние проблемы в Константинополе или вели войны на Востоке. Никто не мог помешать расселению славянских крестьян на землях империи вплоть до самого юга полуострова, а военное искусство славян уже позволяло им брать штурмом крепости. В итоге реальная византийская власть сохранялась только в крупных приморских городах, которые были хорошо укреплены и к которым можно было доставлять подкрепления по морю. Славяне, обладая многочисленными лодками-моноксилами (буквально «одновдревками»), еще не овладели искусством собственно морского боя. На руку византийцам было то, что славяне, проникавшие на юг полуострова, фактически не имела государственного устройства. Основанные ими поселения были мало связаны друг с другом, у них отсутствовало общее управление (византийские историки называли эти анклав *склавиниями*), и это вскоре позволило грекам начать процесс постепенной христианизации, аккультурации и в конечном итоге полной ассимиляции славян на юге полуострова.

В 626 г. славяне вместе с аvaraми участвовали в уже описывавшейся неудачной осаде Константинополя, в то время как персидское войско стояло напротив Города в Халкидоне. Основным оружием, которое империя могла противопоставить варварам, была дипломатия, и византийцы пытались изыскивать себе союзников, которые могли бы угрожать их нынешним противникам, нередко занимая вскоре их освободившееся место... Считается, что именно император Ираклий пригласил поселиться на Балканах сербов и хорватов, способных угрожать с тыла аvaraм и иным славянским племенам. Другим направлением был поиск союзников в южнорусских степях и в районе Северного Кавказа. Здесь главным достижением Ираклия стала дружба с Кувратом, основавшим государство Великая Булгария, которое поддерживало Византию до своего распада в середине века под натиском хазар. После распада Великой Булгарии сын Куврата Аспарух привел часть своих племен на территорию Византии, где они и расселились в 70–80-е гг., дав начало быстро ославянившемуся Болгарскому государству. В 681 г. византийцы были вынуждены признать государство Аспаруха, расположившееся на их территории, и обязались выплачивать ему дань. К началу VIII в. Булгария только укрепилась, и византийцам оставалось лишь пытаться сдерживать болгар севернее балканских гор.

4. Переустройство империи

По мнению многих историков, Византия в VII в. пережила своего рода перерождение. При Юстиниане она во многом была еще поздней Римской империей как в отношении государственного устройства и экономики, так и по официальному языку, геополитической направленности и этнокультурному составу населения. В VII в. она превращается в средневековую Византийскую, можно даже сказать греческую, империю. Победа Ираклия над Персией стала торжеством старых римских задач в восточной политике. Но еще до арабского нашествия Ираклий начал перестраивать управление империей и создавать систему фем с объединением военной и гражданской власти, что станет характерно для средневековой Византии. После победы над Персией император официально воспринял титул «*василевс*» (*царь*), ранее применявшийся неофициально, пока в лице сильного персидского царя имелся конкурент на этот титул. Императора начали короновать, а официальным языком империи окончательно стал греческий.

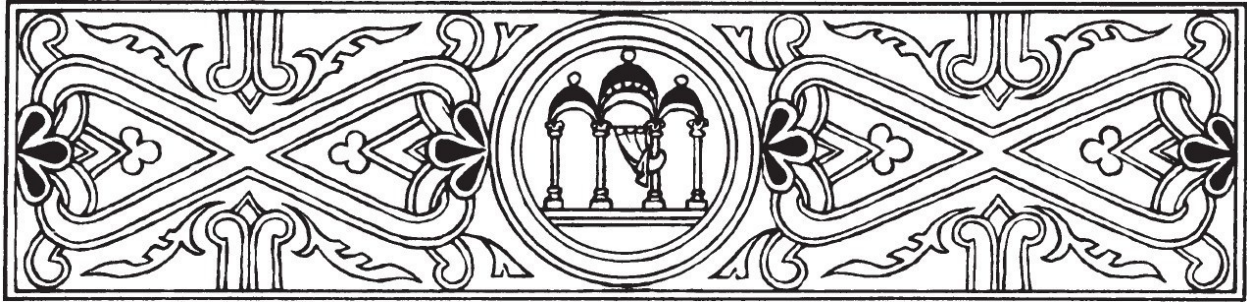
После арабских завоеваний 30–40-х гг. Византия потеряла свои провинции на Ближнем Востоке. Это было потерей некогда важнейших областей и крупнейших городов, таких как Антиохия и Александрия. Одновременно с этим империя во многом лишилась своего многонационального характера, все больше превращаясь собственно в греческое государство с главным центром и основными интересами в Малой Азии и на Балканах. Славянское проникновение на Балканы отрезало от Византии латиноязычный Иллирик, в течение нескольких веков не дававший забыть о латинском наследии и поставлявший императоров и солдат. Теперь балканскими соседями империи стали славяне и создаваемые ими государства, которые, помимо военных и политических проблем, со временем создадут основу «византийского содружества».

Войны и нашествия как на востоке, так и на Балканах нанесли тяжелый урон византийским городам, чья сохранность в свое время позволила Восточной Римской империи не повторить судьбу Западной. В VII в. кризис постиг города, а вместе с ними и все экономическую систему государства. Отныне многое зависело от земельных собственников и крестьян, что стало началом феодализации общества. Если Юстиниану приходилось ради укрепления своей власти подавлять восстания городских партий, то

преемники Ираклия должны были иметь дело уже с земельной аристократией.

Церковная догматика в основных чертах была уже сформулирована. Оставалось пережить кризис иконоборчества и последний из семи Вселенских соборов. Поздняя Античность подошла к концу, и наступали Средние века.

Глава пятая
Византия: иконоборческий период

Введение

В византийской истории период иконоборчества, длившийся более столетия (начало VIII – середина IX вв.), стал по своему значению целой эпохой не только в религиозной, но и в политической и культурной истории. Проблема отношения к священным изображениям, оказавшаяся в центре полемики, вставала на разных этапах перед почти всеми культурами и религиями. По крайней мере монотеистическими. Одновременно с византийцами эту проблему решал мусульманский мир – и решил совсем по-другому, нежели восточное христианство.

Разные части христианского мира тоже по-разному относились к иконам. Если в грекоязычных областях иконопочитание находило для себя плодородную почву, то латинское христианство было в этом сдержаннее, и богословие иконы как таковое там не возникло. Христианство армян, коптов и семитских народов (сирийцы, арабы, ассирийцы) не отрицало икон, но держало их под некоторым подозрением.

Иудаизм оказался как бы между христианством и исламом: запрет на изображения был строгим, но все же не настолько, чтобы помешать развитию изобразительного искусства (не говоря уже о росписях эллинистических синагог поздней Античности).

В Византии эпоха иконоборчества распалась на два периода – первый, наиболее продолжительный (726–787), и второй, менее долгий и являвшийся скорее попыткой реставрации первого (813–843). После этого иконоборчество в Византии уже не повторялось, а в победе иконопочитателей общество обрело основу для религиозного и культурного развития в последующих веках византийской истории.

1. Предыстория

По мнению многих историков не столько полемика между почитателями и гонителями икон была в центре иконоборческого конфликта, сколько борьба между государством и церковью, в первую очередь многочисленным и богатым монашеством, уходившим из-под контроля империи. Важным свидетельством в пользу такого мнения является то обстоятельство, что и первый, и второй этапы иконоборчества были инициированы не епископами или богословами, а императорами. Но все же сама эпоха получила название от религиозного движения, так что сначала мы рассмотрим исторические предпосылки как иконопочитания, так и борьбы с иконами.

Что касается предпосылок иконопочитания, то здесь большое значение имеет раннехристианское искусство. Интересны фрески христианских катакомб в Риме II–IV вв. Изобразительное искусство ранняя церковь могла заимствовать как у языческого греко-римского окружения, так и у эллинизированного иудаизма: известно немало синагог в Палестине, которые были украшены мозаикой и фресками не просто с орнаментом, но с изображениями библейских персонажей и сцен. Эти изображения были даже не символическими, как у ранних христиан, а вполне реалистическими. Учитывая содержание изображений, их можно считать сакральными изображениями, хотя вряд ли им воздавалось поклонение: их функцией было все же украшение мест молитвенного собрания. Основным отличием раннехристианских изображений от более поздних икон является их символический характер. Изображались скорее не Иисус, Богородица или святые, но, можно сказать, некоторые из их функций. Так, изображение Доброго Пастыря с ягненком на плечах, казалось бы максимально приближенное к иконному изображению, в действительности не претендовало на образ Иисуса, но скорее метафорически передавало один из аспектов его служения. При этом были и такие совершенно символические изображения Христа, как рыба, агнец, виноградная лоза и т. п. Смысл рыбы, например, был скорее не в напоминании об умножении Иисусом хлебов и рыб, а в той аббревиатуре, которую видели в греческом слове *ihthus*: если читать его по буквам, то получается *Iesus Hristos Theou Uios Soter* – Иисус Христос Сын Божий Спаситель. Как первые христиане воспринимали смысл этих изображений, мы не знаем, но их символический характер должен был приводить к несколько иному

восприятию, нежели будет позже. Характерно, что в Византии символические изображения типа рыбы, агнца или Доброго Пастыря будут потом запрещены одним из соборов.

К VI в. уже можно говорить о сформировавшейся иконописи. Ее примерами являются мозаики византийской Италии (в первую очередь в Равенне) и иконы монастыря Св. Екатерины на Синае, написанные еще в технике античного фаюмского портрета. Это по-настоящему священные образы, они выполнены по уже сформированным иконописным канонам, и их нельзя назвать просто символическими изображениями. Вероятно, одним из основных прототипов изображения Лица Христа была Туринская плащаница, до Четвертого Крестового похода пребывавшая в пределах Византии. После ее подробного изучения в XX в. стало ясно, откуда на многих канонических иконах взялась определенная форма чуть раздвоенной бороды Иисуса, небольшая прядь волос посреди лба, тень на щеке. Именно плащаница стала прототипом того, что в восточнохристианской традиции принято называть Спасом *Нерукотворным*.

При этом есть некоторые свидетельства о своего рода *иконоборчестве до иконоборчества*. В Византии, если говорить об авторитетных церковных учителях, они сводятся к двум свидетельствам: первое связано с Евсевием Кесарийским, второе – с Епифанием Кипрским. На вопрос Констанция о том, как найти наиболее удачный образ Христа, Евсевий отвечал, что его образ должен быть лишь в сердце человека и что сам он против зримых образов. Епифаний поступил еще решительнее, содрав в одной из церквей чужой ему епархии занавес с изображением. Епифаний отдал его на саван для нищих, а церкви подарил кусок ткани без изображения. По мнению русского церковного историка В. В. Болотова, эти действия «характеризуют переходную эпоху от священных изображений *символических* к иконографии *исторической* и показывают сомнения некоторых в законности или уместности последней»¹⁰. На Западе был случай с епископом марсельским Серенном, который в 598–599 гг. выбросил из своего храма иконы, чтобы народ не оказывал им неподобающего поклонения. Дело дошло до папы Григория Великого, который хвалил его за противодействие чрезмерному поклонению иконам (называя это все же *inconsideratum zelum* – *ревностью не по разуму*), но порицал за уничтожение икон.

Таким образом, и иконопочитатели (в большей степени) и иконоборцы (все же в меньшей степени) могли ссылаться на предшествующую

традицию. Что касается государства, то у него был здесь свой собственный интерес.

2. Начало гонения на иконы и первый этап иконоборчества (726–787 гг.)

Иконоборческий период связан с императорами Исаврийской династии. Ее начало было положено Львом III, который происходил из малоазийских крестьян-исавров – эллинизированных варваров. Лев сделал военную карьеру при Юстиниане II – последнем императоре из потомков Ираклия, и взошел на престол через несколько лет после его свержения. За год до воцарения Льва, на поместном соборе в Константинополе св. патриархом Германом были осуждены рецидивы монофелитства и восстановлено православие. Как и эпоха Ираклия, так и эпоха Исаврийцев началась с тяжелых военных событий, угрожавших Константинополю и самому существованию империи. С новой династией был связан и выход из кризиса как внешнеполитического, так и внутреннего. Императоры исаврийской династии почти все были успешными полководцами, мудрыми законодателями и горячо почитались народом и в первую очередь армией. Так что даже их противники из иконопочитателей были вынуждены считаться с их достижениями в государственных делах. Возможно, что для этих императоров борьба с иконами, а значит, с монашеством и патриаршей властью, была частью их политики централизации и укрепления государства.

В первый же год вступления Льва на престол началась осада Константинополя арабами, которая продолжалась целый год – с августа 717 г. по август 718 г. Это была последняя арабская осада Константинополя, неудача которой знаменовала собой окончание арабской экспансии в восточном Средиземноморье. Через несколько лет после этого, в 732 г., Карл Мартелл остановил продвижение арабов на Западе.

Возможно, что удачная война с иноверцами подтолкнула Льва к активной политике и во внутренних религиозных делах. Так, в 722 г. он издал указ о крещении иудеев по всей империи. Речь шла о насильственном крещении, но мы не знаем, был ли этот указ хоть в какой-то мере исполнен. В данном случае важно намерение императора, достаточно необычное для византийской традиции и радикальное по методам. К 726 г. он решил заняться «упорядочиванием» собственных церковных дел в том смысле, как он это понимал. Поскольку исавры происходили из внутренних областей Малой Азии, где греческое отношение к иконопочитанию было не особенно распространено и восприятие икон было более сдержанным, то

для императора народное почитание икон вполне могло казаться проявлением язычества. В действительности в то время были распространены некоторые аспекты отношения к иконам, которые перестали быть возможными после Седьмого Вселенского собора, сформулировавшего и обосновавшего православное отношение к иконам. Нередко присутствовал элемент магического к ним отношения. Бывали случаи соскабливания с икон краски и добавления ее в евхаристическую чашу или взятия иконы в качестве восприемника при крещении. Поскольку еще не было сформулировано и соборно утверждено богословие иконопочитания, то христиане не всегда имели здоровое представление об иконах, а единомышленники императора могли ссылаться на языческий характер народных обычаев.

Поводом для начала новой религиозной политики стало извержение вулкана около острова Крит. Император и его единомышленники – в первую очередь из малоазийских епископов – сочли это знаком гнева Божия за «неподобающее» отношение к иконам. Впрочем, константинопольский патриарх Герман не поддержал это начинание, отказавшись осудить почитание икон без какого-либо соборного рассмотрения вопроса. Императора это не остановило. Есть мнение, что сначала он приказал повесить иконы в церквях выше, так чтобы они оставались в качестве украшения, но при этом к ним невозможно было бы прикладываться. Этим дело не кончилось, но возможно, что у самих иконоборцев вначале не было четкой концепции того, чего именно они хотели добиться. Вскоре от поднятия икон повыше дело дошло до настоящей борьбы с иконами и их уничтожения. Первым инцидентом было снятие иконы Христа на Халкопратийских воротах в Константинополе в начале августа 726 г., и здесь же пролилась первая кровь, причем с обеих сторон. Чиновник, посланный снять икону, не внял мольбам народа и, взойдя по лестнице, стал сбивать изображение топором. Женщины повалили лестницу и растерзали чиновника. Император, в свою очередь, приказал казнить их. Смерть приговоренных была воспринята народом как первое мученичество за иконы.

Подальше от столицы, в тех областях, где почитание икон было делом привычным, иконоборческая политика натолкнулась на настоящее народное возмущение: в 727 г. в Греции и Италии вспыхнули восстания против новой религиозной политики. Одним из центров сопротивления стал Рим, где папа св. Григорий II (715–731) решительно воспротивился иконоборческому указу императора. Находясь далеко от Константинополя и, по сути дела, вне прямого влияния империи, папе Григорию было проще

оказывать противодействие, нежели Константинопольскому патриарху св. Герману, который просто сложил с себя сан в 730 г., отказавшись подписать иконоборческое исповедание. Император поставил на его место более сговорчивого Анастасия. Это стало участием всех несогласных византийских архиереев, таким образом готовилась почва для иконоборческого собора. Что касается папы, то его оппозиция была непримиримой, и это сыграло свою роль в том, что три восточные патриархата – Александрия, Антиохия и Иерусалим, находившиеся под властью арабов, – не поддержали Константинополь. Сохранилось два послания папы, направленные им императору Льву по поводу его борьбы с иконами (727 и 729 гг.). Григорий II приводил императору понятные ему примеры: «Тут находились торговцы из Рима, Галлии, из вандалов, из Мавритании, из готов – словом, из всех внутренних стран Запада. Прибыв на родину, они рассказали каждый в своей стране о твоих ребяческих поступках. Тогда повсюду стали бросать твои портреты на землю, попирали их ногами и уродовать твое лицо». Возражая на богословские аргумента императора, папа писал в стиле незамысловатой западной полемики того времени: «Если ты не научился от разумных, то научись от глупых. Пойди в школу, и дети тебя научат. Если ты там отзовешься непочтительно о Христе и Божией Матери, то дети закидают тебя учебными досками»¹¹ (впрочем, как раз данная цитата является одним из аргументов в пользу неподлинности послания). Папа утвердил свою позицию соборным решением: в 727 г., на следующий год после начала иконоборчества в Константинополе, Григорий II собрал в Риме собор, подтвердивший правильность иконопочитания.

Если еще Григорию II Лев грозил судьбой папы Мартина, замученного в Крыму в середине VII в., то после его смерти в 731 г. он решил осуществить это на его преемнике Григории III, также подтвердившем иконопочитание на поместном соборе и осудившем иконоборцев. В 732 г. в Италию был послан византийский флот, однако он погиб от бури в Адриатическом море. Помимо попыток военного и политического воздействия, Лев предпринял передел епархий между Римом и Константинополем, что стало одной из причин последующих конфликтов между двумя кафедрами. В течение нескольких веков грекоязычные области Италии и Балкан, находившиеся в пределах империи и реально управлявшиеся из Константинополя, являлись частью Римского патриархата. Фессалоникийский митрополит считался папским экзархом в этих областях. Иконоборческий император решил «привести теорию в соответствие с практикой», а на самом деле – хоть как-то ущемить

Римскую церковь, и постановил считать эти епархии частью Константинопольского патриархата. В последующее время, даже после прекращения иконоборчества, Константинопольская кафедра не смогла отказаться от такого подарка, а Рим, в свою очередь, не смог забыть о таком поступке со стороны императора-еретика.

3. Иоанн Дамаскин (ок. 675–749 гг.)

Основным иерархическим и институциональным центром противостояния иконоборчеству был Рим. При этом интеллектуальное противостояние и богословское оправдание иконопочитания на первом этапе иконоборчества было связано в первую очередь со св. Иоанном Дамаскиным. Он жил вне пределов Византийской империи и, таким образом, вне досягаемости иконоборческих преследований. Он происходил из христианской семьи из Дамаска – тогдашней столицы арабского халифата – и был, как и его отец, весьма приближен ко двору халифа. Так получилось, что при веротерпимости тогдашних мусульманских властей и при значительности христианской общины в их владениях VII Вселенский собор и Торжество Православия были приготовлены не в главной христианской стране того времени, как раз охваченной ересью, а во владениях (и подданным) арабского халифа.

Иоанн, являясь советником халифа, сразу после начала иконоборчества занял активную позицию в обличении ереси императора Льва. В результате византийских интриг в начале 30-х гг. халиф отстранил Иоанна от двора, и тот удалился в лавру Саввы Освященного в Палестине близ Иерусалима. Проходя строгие монастырские послушания, Иоанн был вскоре вызван патриархом в Иерусалим в качестве проповедника и рукоположен во священника. После смерти Иерусалимского патриарха Иоанна V (735 г.) он вновь вернулся в Лавру, где и провел оставшуюся часть жизни. Иоанн известен как церковный поэт-гимнограф (многое из написанного им используется в богослужении и поныне), комментатор Священного Писания, богослов-полемист и систематизатор церковного учения. Среди его богословских сочинений и три Слова об иконах. Первое Слово было написано сразу после 726 г., а второе и третье – в начале 730-х, когда началось уничтожение икон.

Иоанн обосновывал почитание икон исходя из *христологии* – учения о Христе. Если иконоборцы указывали на ветхозаветные запреты изображать Бога, направленные против язычников и их идолов, то Иоанн говорил о том, что с тех пор Бог уже воплотился и теперь нельзя следовать этим древним запретам: «В древности [то есть во времена Ветхого Завета], – писал Дамаскин, – Бог, бестелесный и не имеющий вида, никогда не изображался, теперь же, когда Бог явился во плоти и жил среди людей, мы изображаем видимого Бога... Я видел человеческий образ Бога, и спасена

душа моя. Созерцаю образ Божий, как видел Иаков, и иначе: ибо он очами ума видел невещественный прообраз будущего, а я созерцаю напоминание о Виденном во плоти». *Учение о боговоплощении*, присутствовавшее у христиан с самого начала, стало обоснованием иконописания. Иоанн Дамаскин первым обосновал это теоретически. После Христа восприятие материи и плоти стало иным: «С тех пор, как в нем вселилось Слово Божие, вещество стало достохвальным, а потому вещественные образы необходимы и имеют положительный смысл»¹².

Иоанн также ввел терминологическое различие между двумя словами, обозначающими религиозное поклонение: *latreia* – это поклонение, которое воздается исключительно Богу, а *proskynesis* – поклонение, воздаваемое иконам или людям (например, императору). Это было важное различие для того, чтобы иконопочитание не переходило богословски дозволенные пределы. Позже это различие станет одним из основных в догматическом постановлении VII Вселенского собора. Дамаскину также принадлежит обоснование важного понятия о том, что «поклонение, воздаваемое образу, восходит к Первообразу» и, таким образом, поклонение (*proskynesis*), воздаваемое иконе, относится не к ней самой, не к дереву и краскам, но к тому, кто на ней изображен.

4. Иконоборческий собор в Иерии (754 г.)

В 741 г. Лев умер, а на престол вступил его сын Константин V Копроним (741–775) – один из успешнейших императоров с государственной точки зрения и самый суровый из всех императоров-иконоборцев. С его именем связаны основные кровавые гонения против иконопочитателей. В этом была печальная уникальность иконоборческого времени: если раньше при внутрехристианских столкновениях кого-то могли отправлять в ссылку (как православные, так и еретики), кидать в тюрьму, но мало кто становился мучеником от своих же собратьев, то теперь императоры-иконоборцы произвели целый сонм именно мучеников, убитых императором-христианином и его соратниками по ереси.

Для легитимизации иконоборческой политики Константин решил собрать вселенский собор, который бы утвердил низвержение икон. Без собора любое решение могло быть оспорено как частное мнение. Иконопочитатели могли опираться как на поддержку четырех патриархатов, включая Рим, так и на решения двух поместных соборов, созванных папами Григорием II и Григорием III. Интересно, что «вселенский» иконоборческий собор был созван лишь почти через тридцать лет после начала борьбы с иконами. В соборе приняло участие несколько сот епископов – почти все епископы Византийской империи (в первую очередь Малая Азия и Балканы). Это говорит о том, что за тридцать лет иконоборчества императоры успели произвести полную чистку епископата и заменить неугодных епископов своими единомышленниками – или, по крайней мере, лояльными. При этом православные противники собора имели основания называть его «безглавым» (akefalos) – в его работе не принял участия ни один патриарх. Восточные патриархи и Рим были против, а Константинопольская кафедра осталась после смерти Анастасия вакантной – император не хотел замещать ее до собора. Таким образом, собор был достаточно «массовым», но его представительность и каноничность весьма уязвимы.

Иконоборческий собор был созван в 754 г. в Иерии – загородном императорском дворце близ Константинополя, на азиатском берегу Босфора. Собрать его в Святой Софии помешало то, что принимать иконоборческие решения в храме, украшенном замечательными фресками, мозаиками и иконами, было неудобно (все же императоры-иконоборцы не решались разорять сокровища Софии). 27 августа 754 г. на

константинопольском ипподроме был провозглашен орос собора, а также анафема основным защитникам почитания икон – доиконоборческому патриарху Константинопольскому Герману, Иоанну Дамаскину и Георгию Кипрскому. Ниже приведем некоторые из постановлений этого собора:

«Определение о запрещении икон:

Итак, будучи твердо наставлены из богодухновенного Писания и из отцов, а также утвердив свои ноги на камне божественного служения духом, все мы, облеченные саном священства, во имя Святой Пресущественной и Живоначальной Троицы, пришли к одному убеждению и единодушно определяем, что всякая икона, сделанная из какого угодно вещества, должна быть извергаема из христианских церквей. Она чужда им и заслуживает презрения. Никакой человек да не дерзает заниматься таким нечестивым и неблагоприличным делом. Если же кто-либо с этого времени дерзнет устроить икону, или поклоняться ей, или поставить ее в Церкви, или в собственном доме, или же скрывает ее, такой, если это будет епископ, или пресвитер, или дьякон, то да будет низложен, а если монах или мирянин, то да будет предан анафеме, и да будет он виновен и перед царскими законами. Ибо он противник Божиих распоряжений и враг отеческих догматов.

Постановления собора:

Кто свойства Бога-Слова по воплощении Его старается представить посредством вещественных красок, вместо того чтобы поклоняться от всего сердца умственными очами Тому, Кто ярче света солнечного и Кто сидит на небесах одесную Бога, да будет ему анафема.

Кто неопишное существо Бога-Слова и ипостась Его старается вследствие воплощения Его описывать на иконах человекообразно, посредством вещественных красок, и более уже не мыслит как богослов, что Он и по воплощении тем не менее неопишное, да будет ему анафема.

Кто старается написать на иконе нераздельное и ипостасное соединение естества Бога-Слова и плоти, то есть то единое неслиянное и нераздельное, что образовалось из обоих, и называет это изображение Христом, между тем как имя Христос означает вместе и Бога и человека, да будет ему анафема.

Кто Бога-Слова, сущего в образе Божьем и в Своей ипостаси принявшего образ раба и сделавшегося во всем нам подобным, кроме греха, старается изобразить посредством вещественных красок, то есть как будто бы Он был простой человек, и отделить Его от

неотделимого и неизменяемого Божества и, таким образом, как бы вводит четверичность в святую и живоначальную Троицу, да будет ему анафема.

Кто старается изобразить на память на иконах бездушными и безгласными вещественными красками лики святых, не приносящие никакой пользы, потому что это глупая затея и изобретение дьявольского коварства, вместо того чтобы добродетели их, о которых повествуется в писаниях, изображать в самих себе, как бы некоторые одушевленные образы их, и таким образом возбуждать в себе ревность быть подобными им, как говорили божественные отцы наши, да будет ему анафема».

Так, в 754 г. иконоборцы получили соборную санкцию на свои действия. А помимо этого, в определении говорилось: «Если же кто-либо с этого времени дерзнет устроить икону, или поклоняться ей, или поставить ее в Церкви, или в собственном доме, или же скрывает ее... да будет он виновен и перед царскими законами». У иконопочитателей были уже перечисленные выше основания не считать собор 754 г. в Иерии подлинным Вселенским собором, но, несмотря на это, теперь они считались нарушителями государственного закона. Копроним не преминул этим воспользоваться, и с середины 50-х гг. стремительно стало расти число пострадавших за иконы. В первую очередь гонения коснулись монахов – главных защитников иконопочитания. Большая часть мучеников была именно из них. За двадцать лет гонений (Константин Копроним правил до 775 г.) возникла настоящая монашеская эмиграция из Византии. Монахи уезжали туда, где их не могли настичь преследования иконоборцев, но все же в те страны, которые находились под христианским правлением. Одним из важных мест эмиграции стало северное Причерноморье, но в первую очередь – Италия, где, особенно на юге, было большое греческое население и давняя монашеская традиция, а римские папы являлись противниками ереси. Считается, что в эпоху иконоборчества монашеская эмиграция в Италию (юг, Рим, другие центры) достигла 50 тыс. человек.

В особой озабоченности иконоборцев борьбой с монашеством проявляется политическая составляющая ереси. Монашество мешало императорам как организованная и неподконтрольная им часть общества. А поскольку многие монастыри были богаты и являлись земельными собственниками, то был смысл завладеть их имуществом. То, что из-за популярности монашества многие мужчины не служили в армии (а во

время тяжелых войн, которые вели императоры Исаурийской династии, это было особенно ощутимо), увеличивало интерес властей сделать монашество менее влиятельным. Именно это обстоятельство обеспечит в свое время Исаурийцам симпатии со стороны Российского императора Петра I. Иконоборческие иерархи хорошо понимали эти соображения императоров, так что даже в определение собора 754 г. они внесли некоторые пункты, долженствовавшие оградить церковное имущество от чрезмерной иконоборческой ревности: «Определяем также и то, чтобы ни один человек под предлогом ослабления такого заблуждения относительно икон не налагал рук своих на посвященные Богу святыне сосуды с целью дать им другое – не идольское – назначение. А также и на одежды и на другие покровы, или на что-либо другое, посвященное на священное служение Богу, под предлогом дать всему этому полезное назначение... Равным образом определяем, чтобы никакой человек из начальствующих, или из подчиненных им, или же мирского чина не налагал под тем же предлогом руки своей на божественные храмы и не порабощал их, как это сделано было некоторыми бесчинно поступающими». Оговаривалось, что это возможно лишь с разрешения патриарха и императора.

Император Константин Копроним царствовал до своей смерти в 775 г. Он умер во время военного похода против болгар, и армия искренне оплакивала его как успешного и любимого военачальника и императора. Так он остался в истории как славный император, но при этом как злой и жестокий еретик – «скверный тиран, а не царь, хульник на Вышнего». Ему наследовал его сын – Лев IV Хазар (его мать была дочерью хазарского кагана), который царствовал с 775 до 780 г. Лев не отменил иконоборческих указов, но реальных гонений в его время не происходило. Женой Льва была императрица Ирина, происходившая из Афин, с которой и оказалось связано завершение первого этапа иконоборчества.

5. Седьмой Вселенский собор (787 г.)

Хотя Константин V Копроним взял со своей невестки клятву, что она не будет поклоняться иконам, все же еще при жизни своего мужа Льва Ирина была тайной иконопочитательницей. Когда он умер, а императором стал их несовершеннолетний сын Константин VI, Ирина оказалась регентом, сумев предотвратить попытку переворота со стороны иконоборческой партии. Патриархом при Ирине был поставлен Тарасий, который условием своего избрания поставил восстановление общения с другими церквами посредством Вселенского собора. Восстановление общения означало и восстановление почитания икон. До избрания на патриаршество Тарасий был высокопоставленным светским чиновником, который всегда оставался иконопочитателем, но при этом достаточно деликатным, так что он смог сделать большую карьеру при Льве Хазаре. Тарасий был не единственным патриархом-иконопочитателем в ту эпоху, который поставлялся из светских лиц, а не из представителей непримиримой монашеской партии (в последующем это не помешало причислению как его, так и позже патриарха Никифора к лику святых). Это позволяло правителям, решившимся на восстановление икон, находить с церковью некоторый компромисс, если не в вероучительных определениях, то в сфере политики. С другой стороны, это приводило к конфликту между монахами и патриархами, которые им казались пусть православными, но все же конформистами.

Тарасий был поставлен в патриархи на Рождество 784 г. и сразу вместе с императрицей стал принимать меры для созыва собора, в котором были приглашены участвовать представители всех патриархатов. Отцы собора собрались в Константинополе в 786 г., и собор начал было свою работу. Но здесь дали о себе знать иконоборческие настроения многих епископов и жителей столицы, а также благоговение перед памятью императоров-иконоборцев и их собором 754 г. В результате собор в первый же день работы был распущен Ириной из-за настоящего бунта со стороны солдат и угроз расправиться с его участниками. Работа собора была отложена на целый год. За это время Ирина смогла разоружить и выслать из Города мятежные полки, и в 787 г. собор был созван вновь, но уже не в Константинополе, а в Никее.

Председателем собора фактически был патриарх Тарасий. Императрица Ирина и юный император Константин VI лично не присутствовали.

Особенностью собора было широкое участие монашества в его работе. Основным решением стало, конечно же, восстановление иконопочитания, а также его богословское и каноническое обоснование, чего не было раньше. Вот некоторые цитаты из соборного ороса 787 г.:

«И кратко сказать, мы храним не нововводно все церковные предания, установленные для нас письменно или без писания. Одно из них есть изображение иконной живописью, как согласованное с рассказом о евангельской проповеди, служащее нам удостоверением подлинного, а не призрачного воплощения Бога-Слова; ибо вещи, которые указывают взаимно друг на друга, без сомнения, и уясняют друг друга.

Поэтому мы, шествуя как бы царским путем и следуя богоглаголивому учению святых отцов и преданию католической Церкви и Духу Святому, в ней живущему, со всяким тщанием и осмотрительностью определяем:

Подобно изображению честного и животворящего Креста [крест не отвергали и иконоборцы], полагать во святых Божиих церквях, на священных сосудах и одеждах, на стенах и на досках, в домах и на путях честные и святые иконы, написанные красками и сделанные из мозаики и из другого пригодного к тому вещества, иконы Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, непорочных Владычицы нашей Святыя Богородицы, так же и честных ангелов и всех святых и преподобных мужей.

Ибо, чем чаще чрез изображение на иконах они бывают видимы, тем более взирающие на них побуждаются к воспоминанию о самих первообразах и к любви к ним и к тому, чтобы чествовать их лобызанием и почитательным поклонением, не тем истинным по нашей вере служением, которое приличествует одному только Божескому естеству, но почитанием по тому же образцу, как оно воздается изображению честного и животворящего Креста и святому Евангелию, и прочим святыням, фимиамом и поставлением свечей, как делалось это по благочестивому обычаю и древними.

Ибо честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней.

Вот таково учение святых отцов наших, то есть предание католической Церкви, от конца до конца земли приявшей Евангелие».

Заодно прославлялся Иоанн Дамаскин, умерший задолго до собора. Таким образом его богословие признавалось определяющим в обосновании иконопочитания. В постановлении отцов собора важным моментом было утверждение того, что «честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней», и

разделение понятий поклонения, служения Богу (*latreia*) и поклонения иконе и кресту (*proskynesis*).

6. Второй этап иконоборчества (813–843 гг.)

Так получилось, что императоры-иконоборцы обладали большими военными и политическими способностями, а их преемники-иконопочитатели оказались одарены в этом куда меньше. Это стало, вероятно, одной из причин реставрации иконоборчества на его втором этапе.

Правление Ирины оказалось ознаменовано ее конфликтами с сыном – Константином VI. В результате Константин был свергнут и ослеплен; впрочем, в конце жизни Ирина тоже оказалась в монастыре не вполне по своей воле. В Риме в 800 г. Карл Великий был коронован папой римским в качестве императора Римской империи. Формально это было не просто восстановление Западной части империи, но претензия на всю ее полноту. То, что императорский престол в Константинополе занимала женщина, делало его в глазах западных «варваров» вакантным. Карл предложил матримониальный союз Ирине, но его посольство было просто выслано из византийской столицы.

Ирине наследовал в 802 г. император Никифор, которому пришлось столкнуться с тяжелой болгарской опасностью, а заодно и арабской в лице знаменитого Гаруна Аль-Рашида. В 809 г. болгары хана Крума осаждали Константинополь, а в 811 г. сам Никифор пал в бою вместе со значительной частью своего войска. Крум сделал из его черепа пиршественную чашу. Его преемником стал Михаил I Рангаве (811–813), который тоже не был успешен в борьбе со все еще языческими болгарами. С именем Михаила I связано два случая, в которых преподобный Феодор Студит удержал его от жестокости. Первый был связан с законом о казни павликиан – последователей дуалистического религиозного течения, тогда компактно проживавших в Малой Азии, крайних противников иконопочитания. Феодор Студит смог добиться отмены принятого закона. Во второй раз он удержал императора от выдачи Круму болгарских перебежчиков (на условиях такой взаимной выдачи хан был готов на мир).

Михаил был свергнут по ходу неудачных войн с Болгарией, и на престоле оказался Лев V Армянин (813–820). Он сразу же нанес поражение Круму при Месемврии, и вслед за этим стал постепенно возрождать иконоборческие традиции. В Рождество 814 г. император отдал первое повеление о снятии икон, а в начале 815 г. был низложен патриарх Никифор, решительно не поддерживавший начинание императора. Новый

патриарх был назначен из военных, он был необразованный человек, зато состоял в родстве с Копронимом. После Пасхи был собран иконоборческий собор, который провозгласил решения Седьмого Вселенского собора отмененными и подтвердил решения собора в Иерии 754 г. Феодор Студит, игумен Студийского монастыря в Константинополе, и низложенный патриарх Никифор были отправлены в ссылку, но и там они продолжали действовать как главные защитники иконопочитания в тот период. Постановления второго иконоборческого собора (Лев считал его *поместным*) были мягче, нежели решения собора Копронима. Так, иконы не объявлялись идолами, и их не следовало уничтожать. В церквях их следовало поднять выше, чтобы к ним не могли прикладываться. Собор Копронима не объявлялся вселенским. Похоже, что после Ирины и Седьмого Вселенского собора иконоборчество утратило свой прежний пыл и радикализм и им теперь двигали политические соображения императоров и ориентация на славную в политическом смысле традицию времен начала Исаврийской династии.

В 820 г. Лев V был убит в храме заговорщиками, переодетыми в священнические облачения. Находившийся в ссылке патриарх Никифор, ценя государственные заслуги Льва, сказал после его гибели, что «ромейское государство потеряло хотя и нечестивого, но великого своего заступника».

На престоле оказался Михаил II (820–829), в котором иконопочитатели поначалу надеялись увидеть своего покровителя. Но все оказалось несколько иначе: Михаил происходил из семьи павликиан и сохранил многое из религии своего детства. Но, помимо нелюбви к иконам, он сохранил и веротерпимость. В начале правления он провозгласил *status quo* в религиозных делах (то есть оставил официально иконоборчество), вернул из ссылок православных и запретил дальнейшие споры об иконах. Все соборы, как иконоборческие, так и Седьмой Вселенский, были вменены в небывшее. Наследовавший ему его сын Феофил (829–842) был более активен в качестве иконоборца, но ему было суждено стать последним иконоборческим императором. При нем роль главного гонителя на иконы была у его учителя Иоанна Грамматика, поставленного в патриархи в 833 г. При Феофиле и Иоанне возобновилось кровавое преследование иконопочитателей, а монастыри закрывались. Самыми известными из исповедников¹³ того времени являются, пожалуй, братья монахи Феодор и Феофан Начертанные. Они были эмигрантами из Палестины, и в Константинополе принимали участие в религиозном диспуте с императором. После диспута монахи были преданы мучениям и

отправлены в ссылку. На их лбах император приказал выжечь по несколько ямбических строк, отчего монахи и получили потом свое прозвище. Вернувшись из ссылки при императрице Феодоре, Феофан стал в последующем митрополитом Никейским.

Если в первый период иконоборчества главным богословом и защитником иконопочитания являлся Иоанн Дамаскин, то на втором этапе – Феодор Студит (759–826). Феодор был игуменом известного константинопольского монастыря Студийон, который к тому моменту оказался в запустении. За время его игуменства число братии возросло с 12 человек до двух тысяч. Монастырь жил по строгому общежитийному уставу, который затем – с названием *Студийский* устав – распространился по всему православному миру. В те годы монастырь стал одним из важнейших византийских культурных центров. Феодор устроил в монастыре скрипторий, где переписка рукописей была поставлена почти что на промышленную основу, а работа переписчика была столь тяжелой, что приравнивалась к физическому труду. Возможно, что во многом благодаря студийскому скрипторию был совершен переход от унциального (разборчивого, почти «печатного») письма к минускульному (курсивному), что позволило увеличить количество выпускаемых рукописей.

Во время императоров-иконоборцев Феодор принадлежал к радикальной, непримиримой партии. «В настоящее время, – писал Феодор в послании «К монашествующим», – когда Христос преследуется через Его икону, не только тот, кто имеет преимущество по званию и сведениям, должен подвизаться, беседуя и наставляя в православном учении, но и занимающий место ученика обязан смело говорить истину и свободно отверзать уста». В связи с тем, что в начале второго периода иконоборчества император не то чтобы начал гонения, но повелел православным молчать, Феодор писал: «То, что игумены, задержанные императором, не сделали вышесказанного, но еще дали собственноручную подписку, что они не будут ни сходитья друг с другом, ни учить, это – измена истине... Почему мы предпочитаем монастыри Богу и получаемое от того благополучие страданию за благое? Эти же игумены, как рассказывают, говорят: “Кто мы такие?” Во-первых – христиане, которые должны теперь непременно говорить. Потом – монашествующие, которым не следует ничем увлекаться, как непривязанным к миру и независимым. Далее – игумены, которые отклоняют соблазны от других». Сам Феодор подвергался истязаниям и провел немало времени в ссылке, но и оттуда продолжал защиту иконопочитания. Сохранилась его обширная переписка.

Среди прочего по ходу полемики он не раз апеллировал к авторитету Римской церкви, сохранявшей православие.

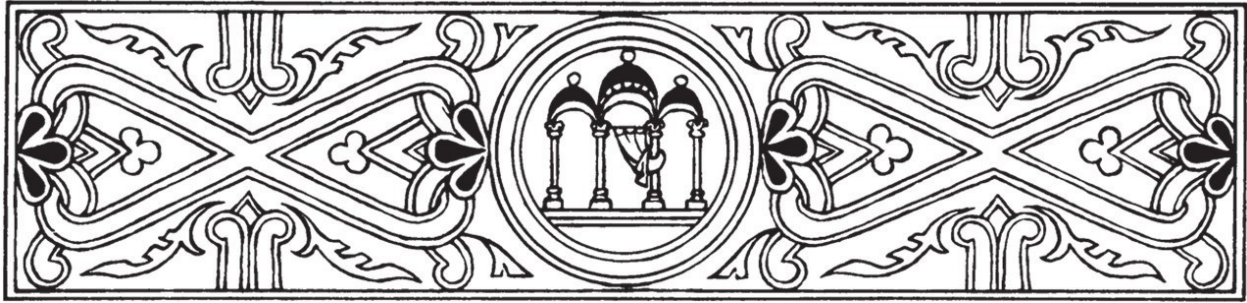
7. Торжество Православия (843 г.)

Как и после первого периода иконоборчества, так и во втором, восстановление почитания икон пришло от императриц. Жена Феофила Феодора тайно почитала иконы, что вряд ли могло укрыться от императора. Когда он был уже на смертном одре, то императрица, вероятно, прикладывала к его губам иконы. Через несколько месяцев после ее воцарения (в качестве регента их малолетнего сына Михаила III) Феодора стала готовиться к восстановлению иконопочитания, и ее главным условием было прощение со стороны церкви ее мужа Феофила. Ее аргументом было как раз то, что перед смертью он прикладывался к иконам, то есть, по сути дела, отказался от ереси и своих кровавых гонений, хотя никак иначе уже не успел явить свое раскаяние. Патриарх Иоанн Грамматик был смещен, а его место занял Мефодий, еще раньше бывший защитником икон и исповедником. Было решено не созывать собора, но объявить о восстановлении решений Седьмого Вселенского собора. Поскольку патриарх был православным и к тому же обладал большим авторитетом как исповедник, это стало теперь возможно. Данное событие пришлось на первое воскресенье Великого поста 843 г. и было названо *Неделей* (то есть воскресеньем) *Православия*. Вскоре оно стало отмечаться ежегодно в тот же день – в первое воскресенье Великого поста, за которым и закрепилось название Недели Православия, или, в славянской традиции, – *Торжества Православия*.

После 843 г. иконоборчество ни разу не дало о себе знать в истории византийской церкви. Уже на своем втором этапе оно было больше традицией Исаурийской династии и памятью об успехах первых императоров-иконоборцев. Теперь, после 787 и 843 гг., почитание икон в православной церкви было очищено от слишком «народного» благочестия и получило серьезное богословское и каноническое обоснование. Неделя Православия 843 г. стала символическим завершением эпохи Вселенских соборов и торжеством христианской веры над ересями. Монашество также во многом изменилось – если не в результате прямых попыток императоров его уничтожить, то в ходе внутренней перестройки и очищения перед лицом гонений. Одним из основных строителей монашеской жизни того времени был Феодор Студит – бесстрашный игумен Студийского монастыря в Константинополе, оставивший после себя не только хорошо устроенный многолюдный монастырь с замечательным уставом, но и

большое литературное наследие. Константинопольский патриархат также смог возродиться и укрепить свое положение и независимость в результате деятельности таких выдающихся патриархов, как святые Тарасий, Никифор и Мефодий. В результате этого византийское общество и церковь оказались готовы к важнейшим свершениям X столетия, среди которых одним из основных была христианизация большинства славянских народов и включение их в создаваемое Византийское Содружество.

Глава шестая
Эпоха Македонской династии (867–1056
гг.)
(часть первая)

Введение. Императрица Феодора и Михаил III Пьяница

Праздник Торжества Православия 843 г. стал символическим завершением периода иконоборчества и, шире, эпохи первых семи Вселенских соборов. В память этого события первая неделя Великого поста в православной церкви носит название Недели Православия, поскольку именно с этим временем это событие совпало в 843 г.

Для Византии должно было еще пройти более двадцати лет до начала эпохи, связанной с воцарением новой так называемой Македонской династии. Однако начало тому новому, чем будет знаменита Македонская династия, безусловно было положено в правление императрицы Феодоры, восстановившей православие, и в особенности ее сына Михаила III, за которым история сохранила редкий для Средиземноморья эпитет Пьяница. Но похоже, что масштабы его недуга были таковы, что все же не помешали императору сделать много полезного для государства и окружать себя по большей части хорошими советниками и сотрудниками. Из людей, сделавших ту эпоху в Византии, в первую очередь стоит отметить дядю императора Кесаря Варду, патриарха Фотия и двух братьев – просветителей славян – Кирилла (Константина) и Мефодия. По словам Г. Острогорского, «со времени Фотия, Константина и Мефодия византийский мир стал настолько широк, насколько во времена иконоборческого кризиса он был узок»¹⁴.

Ко времени смерти последнего императора-иконоборца Феофила его сыну Михаилу III было всего лишь три года. Таким образом власть оказалась в руках его матери императрицы Феодоры, которая лишилась ее только в результате заговора 856 г. Советниками императрицы в церковных делах был мудрый и умеренный патриарх Мефодий, а в государственных – Феоктист, который в качестве «премьер-министра» известен тем, что сумел сохранить нерастраченным государственный золотой запас. Будучи образованным человеком, он много способствовал образованию и культурным начинаниям.

Омрачено это правление было переселением последователей дуалистической секты павликиан из приграничных районов Малой Азии во Фракию. Тысячам из них это стоило жизни. Также военные начинания правительства, в первую очередь связанные с попытками положить конец морским нападениям арабов, были не всегда удачными. Самой эффективной

была кампания против египетской крепости Дамиетты, которая служила одной из основных баз арабского флота. Для византийцев это была с начала арабской морской экспансии первая кампания за пределы своей территории. В результате неожиданного нападения Дамиетта была полностью разрушена, а вражеский флот лишен опорной базы. Впрочем, это заставило арабов лишь умножить усилия в строительстве флота, который в X в., в халифате Фатимидов, достигнет впечатляющих масштабов.

Переворот 856 г. привел к власти Михаила III и его дядю кесаря Варду, который в свое время уступил в конкуренции Феоктисту. По ходу переворота Феоктист был убит, а Феодора через два года пострижена в монахини – после неудачной попытки лишить власти своего брата Варду.

Варда при Михаиле играл примерно ту же роль, что Феоктист при Феодоре: его власть была практически неограниченна, он являлся искусным правителем и также покровительствовал наукам и образованию. Кесарем Вардой был основан своего рода университет в Мангаврском дворце Константинополя. Во главе университета был поставлен один из наиболее образованных людей того времени – Лев Математик (являвшийся племянником Иоанну Грамматику – иконоборческому патриарху при Феофиле и одному из образованнейших людей своего времени). В университете преподавал Фотий, которому с Рождества 858 г. было суждено стать патриархом, за кратчайшее время пройдя все ступени иерархической лестницы от простого мирянина до вселенского патриарха.

Патриарх Фотий является одним из наиболее известных персонажей византийской церковной и культурной истории. Для истории культуры он важен как замечательный преподаватель и организатор образования, как интересный писатель, но в первую очередь – как автор «Библиотеки» (*Мириовивлион*), библиографического произведения, в котором он кратко описывал книги, с которыми работал. Так вот, этот список сохранил описание многих произведений античной литературы, которые не сохранились и известны нам только благодаря Фотию.

С именем Фотия связана наиболее известная и удачная из византийских миссий к славянам – миссия двух солунских (фессалоникийских) братьев Константина (в монашестве Кирилла) и Мефодия в Моравию и затем в Болгарию. Это не было официальной миссией Константинопольской церкви, но братьев связывала с патриархом личная дружба. При Фотии принял крещение вместе со своей страной болгарский царь Борис: это было первое крещение целой славянской страны за пределами Византийской империи. С христианизацией Болгарии косвенным образом связан

серьезный конфликт между двумя главными престолами христианской церкви – Римским и Константинопольским. Если раньше подобные конфликты нередко носили скорее характер культурного непонимания, то при Фотии был поставлен (и на том этапе даже решен) вопрос о догматических нововведениях, которые позже разделят христианский Восток и Запад. Собор, разрешивший эти противоречия в 879/880 г., в Византии будут считать Восьмым Вселенским собором, а на Западе его станут признавать за таковой вплоть до схизмы XI в.

1. Славянская миссия Константина (Кирилла) и Мефодия

Миссия Константина (Кирилла) (827–869) и Мефодия (815–885) к морavam (нынешняя Чехия) началась в 863 г., еще в правление Михаила III и во время патриаршества Фотия. Константин умер по ходу своего визита в Рим в 869 г., незадолго до смерти приняв в греческом монастыре в Риме постриг с именем Кирилл, а Мефодий будет трудиться в Моравии до своей смерти в Болгарии в 885 г.

Оба брата были греческого происхождения, родились и выросли в Фессалонике – втором городе империи, вся сельская местность вокруг которого была в то время населена славянскими племенами. Таким образом, славянский язык был им знаком, и, встав на путь церковного служения, они понимали всю важность проповеди славянам-язычникам на их родном языке. Поскольку славяне не имели своей письменности, то для успеха проповеди нужно было создать письменность, что являлось важной задачей почти всех миссий у бесписьменных народов. Внутри империи, вблизи греческого населения, христианизация происходила одновременно с эллинизацией, но за пределами империи и при наличии славянского большинства проповедь и устройство церковной жизни могли быть только на местных языках. Если Западная церковь в то время была уже исключительно латиноязычной, то для византийских миссий многоязычие было привычным делом в условиях жизни в многонациональной империи. Так что миссия и создание славянской азбуки и богослужения оказались делом византийских миссионеров.

Для самой империи христианизация была также способом умиротворения варваров, их окультуривания и введения в круг своей сферы влияния. В 860 г. византийцам пришлось впервые столкнуться еще с одним славянским народом: в тот год произошла первая русская военная экспедиция к Константинополю. После нее византийцы отправили посольство в Хазарам – в тыл Руси, которое, вероятно, должно было иметь не только миссионерский характер. Интересно, что главой этого посольства был будущий просветитель славян Константин Солунский.

После посольства к хазарам братья приняли приглашения моравского князя Ростислава приехать для христианизации его страны. Очевидно, для князя это была возможность избавиться от влияния куда более географически близких франкских миссионеров и стоящего за ними

государства. Византия же была далеко. Для моравской миссии Константин первым делом занялся составлением славянской азбуки, которая получила название *глаголицы* (потом ее заменит кириллическое письмо, скорее всего уже не связанное непосредственно с Константином-Кириллом). Братья перевели на славянский язык те части Библии, которые читались за богослужением, а также литургию. Это обеспечивало успех их миссии. Вскоре возникли проблемы с франкскими миссионерами, которые считали эту территорию своей и были противниками славянского богослужения. Им оказалось проще находить поддержку и ресурсы, чем Константину и Мефодию, находящимся вдали от своей церкви. Для поддержания дела славянской миссии братья отправились в Рим, хотя это было как раз время конфликта между папой Николаем и патриархом Фотием. И в Риме миссия получила полную поддержку со стороны папы. Но как раз во время этого посещения Рима Константин умер 14 февраля 869 г. Он был погребен в базилике Св. Климента, чьи мощи он в свое время привез в Рим из Крыма. Мефодий же вскоре был посвящен в епископы.

Поддержка папы и посвящение Мефодия в епископский сан положительно сказались на возможности продолжать миссию. Впрочем, Мефодию еще раз пришлось ездить в Рим для свидетельства о собственном православии. Возвратился он в Моравию через Константинополь, в очередной раз заручившись поддержкой патриарха Фотия. После смерти Мефодия в 885 г. его ученики были изгнаны из Моравии. Страна не возвратилась к язычеству, но лишь оказалась под опекой латинских миссионеров. Это на много веков вперед определило характер чешского христианства: это христианство латинской традиции, однако с особым отношением и особым почитанием *апостолов славян* Константина (Кирилла) и Мефодия, начавших здесь свою миссию.

Когда Моравия приняла христианство, болгарский царь Борис тоже стал заботиться о вхождении его страны в круг христианских народов. Он попытался было обратиться к франкским миссионерам (более от него удаленным), однако для Византии это было неприемлемо, и в 864 г. он принял крещение от рук константинопольских священнослужителей. Крещение царя повлекло серьезное восстание болгарской языческой знати, которая не хотела быть связанной с религией соседней (а значит, враждебной) страны, а также со славянским большинством своей страны, в котором христианство уже давно пустило корни. Восстание было подавлено, и Борис стал думать о развитии и укреплении болгарской церкви, которая могла бы при этом не зависеть непосредственно от Византии. И в этом деле опыт славянских просветителей Моравии –

Мефодия и его учеников – оказался незаменим. После изгнания из Моравии ученики Мефодия нашли себе надежное пристанище и огромное поле деятельности в Болгарии.

Миссия *апостолов славян* имела не только религиозное значение – обращение большого количества язычников в христианство и создание «инфраструктуры» для обращения новых и новых славянских народностей. Она определила также культурное развитие большей части славянского мира. Основой его стала принадлежность к византийскому, а к не латинскому варианту христианства, но при этом без ассимиляции со стороны Византии. Плодами этого будет культурное своеобразие и свобода новых христианских народов, создавших свой особый мир, но при этом определенная оторванность их от античной культурной традиции, которую народы, просвященные западными миссионерами, получали возможность впитывать по мере приобщения к латинскому языку и традиции.

2. Болгарская проблема. Патриарх Фотий и папа Николай

После христианизации Болгарии обострились отношения между Римом и Константинополем. Он был вызван тем, что болгарский правитель колебался в том, принять ли ему крещение от рук Рима или Константинополя. Вопрос был не в религии, а в культурно-политической ориентации. Поскольку Рим был дальше, то присоединение к Римской церкви оставляло, как казалось Борису, большую самостоятельность. Но для византийцев, граничивших с Болгарией, появление такого соседа было крайне нежелательно. Поэтому Борис, как было сказано выше, принял крещение от Восточной церкви. Однако его мечтой было создание Болгарской церкви, неподконтрольной ни одному из больших патриархатов (хотя, вероятно, подконтрольной ему самому). Борис отправил Фотию список вопросов, на которые сохранились ответы патриарха: послание патриарха было выдержано в традиции высокого богословия, не очень понятного вчерашним язычникам, а также связывало принятие христианства с вхождением в круг византийской цивилизации – наиболее продвинутой в ту эпоху.

В вопросах автономии Константинополь оказался несговорчив, и уже на следующий год Борис обратился в Рим с множеством вопросов по поводу христианской жизни и устройства церкви, а заодно с предложением о переходе в Римский патриархат с предоставлением самоуправления Болгарской церкви. Понятно, что на последний пункт был дан вежливый отказ. Более того, Рим отверг даже обоих кандидатов, представленных Борисом для епископского посвящения. При этом переход под римскую опеку всячески приветствовался (моментальное предоставление самоуправления только что родившейся церкви вообще не было свойственно христианской миссии, хотя этого нередко могли желать государи новообращенных стран). Большинство вопросов касалось элементов византийской цивилизации, которыми миссионеры хотели снабдить новообращенных вместе с принятой ими новой верой. Подобное культуртрегерство не всегда находило понимание у недавних варваров, имевших свои вековые жизненные уклады. И хотя в вопросах языка Римская церковь была куда менее плюралистична, нежели Восточная, то на принятии византийских обычаев, ей самой не свойственных, она не

настаивала. Это было достаточным для того, чтобы Борис попытался принять у себя латинское духовенство.

Но все же основная цель царя – церковная независимость – достигнута не была. Поэтому Борис вновь вступил в переписку с Фотием, который на этот раз оказался гораздо уступчивей в вопросах «церковного быта». Эта дошедшая до нас переписка Бориса с папой Николаем и патриархом Фотием по сходным вопросам – один из интереснейших примеров не только разных миссионерских практик, но и, шире, межкультурных контактов и взаимоотношений в Средние века.

Хотя в итоге Борис решил остаться в сфере влияния Византийской церкви, это не остановило претензий Рима, раз уж Борис однажды призвал к себе латинскую иерархию. К тому же со времени иконоборчества оставался вопрос о балканских епархиях Римской церкви, которые императоры-иконоборцы переподчинили в то время подконтрольной им церкви Константинопольской. Иконоборческий кризис был разрешен, общение восстановлено, однако ни православные византийские императоры, ни патриархи не спешили отдавать епархии Риму. На этом фоне возник конфликт двух кафедр во время правления папы Николая в Риме и патриарха Фотия в Константинополе.

К этому прибавился и внутренний византийский конфликт. В 858 г. Фотий был возведен на патриарший престол вместо низложенного патриарха Игнатия. Когда к власти пришел основатель Македонской династии император Василий I (речь о нем будет ниже), то он низложил Фотия и восстановил в качестве патриарха Игнатия. Для Римской церкви это была возможность избавиться от сильного конкурента, и на соборе 869–870 гг. в Константинополе в присутствии папских легатов Фотий был отлучен, а Игнатий утвержден в качестве патриарха. Однако Игнатий умер через несколько лет, и император оценил способности прежнего патриарха, которого сместил, считая чрезмерным сторонником Михаила III, свергнутого Василием I.

Однако еще до своего низложения Фотий успел поднять богословский вопрос, который перевел весь конфликт в иную плоскость. Это был вопрос о прибавлении к Символу веры, который использовался на Западе не повсеместно, но уже во многих франкских и испанских церквях. Это прибавление, как утверждал патриарх Фотий, противоречило постановлениям Вселенских соборов о недопустимости изменений в Символе веры, а также по своему смыслу нарушало христианское учение о Святой Троице. Это было началом богословских споров между христианским Западом и Востоком, который позже приведет к разделению

на православную и католическую церкви. Еще до своего низложения собором Василия I и папских легатов, Фотий в 867 г. по ходу конфликта с Римом объявил папу Николая отлученным от церкви за догматические нововведения. Это решение Фотия, на которое вряд ли у него имелось каноническое право, было разослано восточным патриархам. Впрочем, позже это не мешает ему вменить свое отлучение в небывшее и воспринимать папу как законного патриарха Запада.

Конфликт был разрешен на новом константинопольском соборе 879–880 гг., собравшемся вновь в присутствии папских легатов уже для утверждения Фотия. Здесь же было подтверждено согласие всех церквей, включая Римскую, о неизменяемости символа веры и по некоторым другим вопросам. Догматическое единомыслие в церкви было, таким образом, подтверждено и сохранялось до схизмы XI в. Вопрос о Болгарской церкви был также решен в пользу Константинополя, и здесь ссылались на предпочтения, высказанные болгарскими представителями на соборе.

В самой Болгарии царь Борис удалился в конце 80-х гг. в монастырь, оставив царство своему старшему сыну. Тот под влиянием болгарской знати совершил реставрацию язычества и начал гонения на церковь. 889–893 гг. считаются временем языческой реакции в Болгарии. В результате этого Борису пришлось покинуть монастырское уединение и вновь взять власть в свои руки. Подавив языческое сопротивление, он передал власть своему другому сыну Симеону, который для этого должен был снять с себя уже принятые монашеские обеты. В свое время Симеон много лет прожил в Константинополе и был вполне человеком греческой культуры. Впрочем, его правление принесет Византии неисчислимое количество бед и опасностей.

3. Начало Македонской династии. Василий I

Михаил III обладал важной способностью находить талантливых советников. В первую очередь ими являлись его дядя кесарь Варда и патриарх Фотий. В последние годы своего правления он приблизил к себе другого человека, которого совсем нельзя назвать плохим государственным деятелем, хотя лично для Михаила III это имело прискорбные последствия. Это был Василий Македонянин, будущий основатель Македонской династии, с которой связан расцвет средневекового византийского государства и культуры. Семья Василия происходила из фемы Македония, хотя была, вероятнее всего, армянского происхождения. Это была бедная крестьянская семья, так что Василий является одним из ярких примеров *вертикальной мобильности* в византийском обществе. В Константинополе он оказался, ища возможность «выйти в люди». Он нашел работу с лошадьми и вскоре, прославившись благодаря своей невероятной физической силе, оказался в императорских конюшнях. Между Михаилом III и Василием установилась настоящая дружба. Как говорят, не в последнюю очередь благодаря тому прозвищу, которое утвердилось за императором.

Василий, который обладал не только физической силой, но и недюжинным умом, стал участвовать в более важных государственных делах, нежели содержание лошадей. Для повышения социального статуса нового фаворита император женил его на Евдокии Ингерине, своей бывшей возлюбленной. Очень быстро влияние Василия затмило роль Варды, в котором на данном этапе он стал видеть своего главного конкурента. Убедив императора в опасности, которая может исходить от Варды, Василий 21 апреля 865 г., во время военной кампании, убил кесаря собственной рукой. В качестве «наказания» он был коронован соимператором по возвращении в Константинополь в 866 г. Получив в свои руки столь значительную власть, Василий продолжил следовать прежним методам для получения всей власти: в сентябре 867 г. после пира он убил пьяного императора в его спальне.

Так Василий пришел к власти. Его царствование продолжалось почти двадцать лет – 867–886. Продолжая устранение государственных деятелей, связанных с Михаилом III, он вскоре отправил Фотия в монастырь, восстановив таким образом отношения с Римом. Впрочем, после смерти восстановленного на патриаршестве Игнатия Фотий вновь будет призван к

управлению церковью. Большая часть миссионерской деятельности *солунских братьев* и их учеников в Моравии и в особенности в Болгарии будет происходить как раз в годы правления Василия.

Для упрочнения своей власти Василий последовательно короновал соимператорами трех своих сыновей, а младшего, четвертого, определил на роль патриарха, которую тот и занимал в правление своего брата Льва VI. В основных чертах политика Василия продолжала политику его друга и жертвы Михаила III, так же как политика Михаила являлась продолжением политики правительства его матери Феодоры. Подобно этому и сын Василия Лев VI продолжит основные направления деятельности нелюбимого им отца. Это свидетельствует о том, что в классической Византии могли происходить дворцовые перевороты и кровавая смена императоров, однако была определенная стабильность государственной политики, единство целей и методов их достижения. Таким образом, это время стало не просто временем одного или двух ярких правлений, но целой эпохой.

4. Законодательная деятельность Василия I и Льва VI

Время Василия I (867–886) и его сына Льва VI (886–912), прозванного Мудрым, стало временем интенсивной законодательной деятельности. В Византии так бывало в начале почти всех основных эпох в истории государства и было связано с идеей государственного преемства от Римской империи. Преемство и единство законодательной базы должно было это подчеркивать. Причем каждая эпоха выдвигала свои задачи, которые должны были учитываться законодательством. Таким образом, происходила кодификация старого права, с одной стороны, и «массовое» издание новых законов (новелл), с другой.

Василий, будучи человеком минимального образования, но при этом большого ума, ценил греческое и римское наследие, так что оказывал покровительство начавшемуся при его предшественниках подъему образования. После того как произошла «реабилитация» Фотия в его глазах, он доверил ему воспитание своего сына Льва, будущего императора. В итоге Лев оказался одним из образованнейших людей своего времени, и из всех византийских императоров лишь за ним закрепилось прозвище Мудрый, вне зависимости от того, насколько он его действительно заслуживал. Отчасти это сравнимо с тем, так получилось с свое время с Юстинианом и его дядей Юстином, который, как считается, не мог толком поставить свою подпись.

Василий планировал проект, который он назвал «очищением старых законов». Это должно было стать «переизданием» кодекса Юстиниана с приложением последующего законодательства. Данный проект не был реализован, однако другие начинания были выполнены. В первую очередь к ним относится *Прохирон* – буквально учебник или хрестоматия, выполненный в 870-е гг. Это было собранием наиболее часто применяемых законов, расположенных в четкой последовательности. По сути, это было основано на *Institutiones* Юстиниана, притом что материал был организован для практического использования более удобно. Другим источником Прохирона являлась Эклога иконоборческого императора Льва III. Этот император, хотя и назывался в Прохироне «разрушителем добрых законов», но в действительности его труд широко использовался. Интересно, что как Эклога, так и Прохирон были достаточно быстро переведены на

славянский язык, являясь настоящим учебником римского права для южных и восточных славян.

Другим важным памятником законотворческой деятельности Василия является *Эпанагога*, составленная в конце 70-х – начале 80-х гг. IX в. Этот законодательный сборник во многом напоминает Прохирон, но в нем более подробно описываются обязанности светской власти (императора) и духовной (патриарха). Этим сборник знаменит в первую очередь. По сути, это юстиниановская теория симфонии в редакции IX века. Государство и общество, согласно Эпанагоге, возглавляются двумя главами – императором и патриархом. Власть патриарха практически параллельна и столь же велика, как и власть императора. Если сегодня считается анахронизмом употреблять в отношении Византии понятие цезарепапизма, то все же уровня, равного императорской власти, власть патриарха достигала, за редкими исключениями, лишь в теории. Считается, что автором этой концепции, если не самих текстов Эпанагоги на данную тему, является патриарх Фотий. По крайней мере, эта теория полностью отражала его воззрения.

Сборники законов, изданные при Василии, стали основой той деятельности, которую предпринял Лев VI. Ему удалось осуществить то, что задумал его отец: с 887 (то есть с самого начала его правления) и по 893 г. было издано шесть томов так называемых *Василик*, то есть *царских законов*. Это крупнейший свод византийского права с учетом в первую очередь Юстинианова корпуса, Дигест и отчасти Институций, но также и всего последующего византийского законодательства. Существенным отличием от свода Юстиниана было более удачное расположение материала (в одном месте собраны все законы на определенную тему), а также язык: Василики были написаны по-гречески. Эти обстоятельства стали главной причиной того, что очень быстро они почти полностью вытеснили из употребления кодекс Юстиниана.

Вскоре после издания Василики стали обрастать комментариями современных юристов. Это так называемые «старые комментарии». Но работа по комментированию этого самого популярного в средневековой Византии законодательного свода продолжилась и позже, так что в XI–XIII вв. появятся уже «новые комментарии». К XII в. относится «поисковая система» по Василикам: справочник *Типуки* (от греческого – *что где находится*). Как и Юстиниан, Лев завершил свою законодательную деятельность изданием 113 собственных законов, *новелл*, около двух десятков из которых относятся к церковной сфере: они были предназначены для младшего брата императора, ставшего при нем

патриархом под именем Стефана. Новеллы Льва интересны и как памятник окончательно сформировавшегося императорского «самодержавия». Старые римские институты, как сенат, окончательно теряют свое значение, подчеркиваются функции избранного Богом императора как единственного законодателя и верховного судьи, главы исполнительной власти и защитника веры. Одновременно с этим, как при всяком абсолютизме, рос бюрократический аппарат. В период Македонской династии завершилось формирование некоторых институтов, начавшееся в VII в. при династии Ираклия. К началу X в. приняла законченный вид фемная структура: фемы уменьшились в размере, число их увеличилось, и, заняв все пространство империи, они вытеснили другие, более мелкие, административные образования. Окончательно упразднились потерявшие реальный смысл гражданские должности (как проконсул), оставшиеся еще от административных реформ Диоклетиана и Константина.

Был установлен своего рода табель о рангах с разделением должностей на реальные и почетные. Всего было 18 степеней и в общей сложности около 60 должностей. Отдельно было выделено 8 так называемых «безбородых должностей» – тех, на которые назначались евнухи. Их роль в государственном аппарате (и не только на придворных должностях) была достаточно велика. В этом заключалась особенность византийского мироустройства, находившегося все же на востоке Средиземноморья: ни в Риме, ни на средневековом западе невозможно представить евнуха во главе армии, в Византии это никого не смущало. Это было в каком-то смысле «пародией» на небесную иерархию, так хорошо описанную в V в. Псевдо-Дионисием Ареопагитом, с ее служебными *ангельскими* чинами, не имеющими пола.

Армия была разделена на *тагмы*, базировавшиеся в столице, и *фемы*, находившиеся в провинциях. Тагмы состояли из профессиональных военных, тогда как фемы набирались из крестьян и их солдаты могли совмещать военное дело и крестьянский труд (примерно как стрельцы в допетровской России или казаки). В чуть более позднее время рост крупной земельной собственности в ущерб крестьянской создаст большие проблемы как для формирования армии, так и для налоговой системы. Во главе тагм стояли *доместики*, во главе фем – *стратиги*.

В администрации Константинополя высшим чином являлся «мэр» города – *эпарх* Константинополя. Император Константин VII в своей «Книге церемоний» называл его «отцом города». Эпарх назначался императором, и в его руках была очень большая власть в отношении всего, что касалось снабжения города, городской торговли, хозяйства и строительства. Важным

источником в изучении роли эпарха и вообще функционировании столицы в эпоху Македонской династии является так называемая «Книга Эпарха» (она существует и в русском переводе¹⁵).

5. Вопрос о «тетрагамии»

В законодательстве Льва VI есть несколько новых для Византии постановлений, касающихся семейного права. Если раньше здесь все регулировалось римскими законами, то Лев узаконил некоторые обычаи, идущие из христианской практики. Так, он запретил третий брак и сделал венчание обязательным для христианских подданных. Он не мог предполагать, что эти нововведения трагическим образом отзовутся на его собственной судьбе. Именно со Львом Мудрым оказался связан серьезный конфликт по поводу *тетрагамии*, или «четверобрачия».

В молодости Лев по воле отца вступил в брак с Феофано. Она умерла примерно после десяти лет императорского правления Льва (в 897 г.), не оставив мужского потомства. Император женился на Зое, которая пережила его первую жену лишь на два года, также без мужского потомства. Когда после этого император вступил в третий брак в 900 г., то это было уже конфликтом с церковной традицией и его собственной новеллой, запрещавшей третий брак. Многобрачие Льва было вынужденным и несколько не походило на многобрачие Генриха VIII или Ивана Грозного. Не прошло и года, как скончалась третья жена императора. Не могло быть и речи о четвертом браке, однако в 905 г. «подруга» императора Зоя Карбонопсина родила ему сына. Наконец Лев имел наследника, однако его подобало узаконить. И в этом была большая проблема. Патриарх Николай Мистик согласился его крестить как сына императора (будущий Константин VII Багрянородный), однако с условием удаления Зои от двора. На Богоявление 906 г. мальчик был крещен, а через три дня после этого император обвенчался с его матерью, возведя ее, впрочем, лишь в сан августы, а не императрицы.

Это был серьезный конфликт, в котором все стороны были по-своему правы. Но патриарх в данном случае мог лишь отлучить императора. Так он и сделал, и на Рождество и Богоявление 906–907 гг. императору пришлось остаться вне врат храма Св. Софии. Впрочем, он решил этот вопрос через обращение в Рим: папа Сергий III одобрил поступок императора и благословил его брак, поскольку все браки Льва заключались после смерти предыдущей жены. Патриарх Николай Мистик (правил в 901–907) был низложен Львом и заменен на более мягкого Евфимия. Впрочем, ему еще было суждено сыграть важную роль в истории не только византийской церкви, но и государства во второй период его патриаршества

сразу после смерти Льва (912–925). А Константин был коронован 15 мая 908 г. как соимператор, и это упрочняло династию.

6. Войны с Болгарией. Царь Симеон (893–927 гг.) и Роман Лекапин (919–944 гг.)

Как уже было сказано выше, после подавления языческой реакции в Болгарии (889–893) царем стал Симеон, один из сыновей вернувшегося к монашеской жизни Бориса. Симеон много лет прожил в Константинополе и понастоящему являлся плодом приобщения болгарского народа к византийской культуре: он блестяще знал греческий язык, знал как древнегреческую, так и христианскую литературу и нисколько не сомневался в том, что Константинополь является центром цивилизованного круга земель, к которому теперь приобщилась и его, Симеона, страна. Но, прожив долго в Константинополе, Симеон уже не удовлетворялся тем, что оказался царем еще в совсем недавнем прошлом варварского народа. И у него появилась мечта – самому стать византийским императором.

Несмотря на попытки многих государей в классической Византии обеспечить трон для своего потомства и на то, что династический принцип действительно начинал утверждаться, возможность занять престол со стороны все равно оставалась. И Симеон это хорошо знал. Но знал он и то, что делало для него занятие престола практически невозможным: несмотря на свое византийское образование и посвященность во внутреннюю жизнь Константинополя, он был *государем другого государства*, входящего в византийское содружество. Таким образом, он *уже* занимал определенное место в этом содружестве, но с этого места было невозможно стать императором. С попыткой решить это неразрешимое противоречие и были связаны войны Болгарии и Византии в период правления Симеона.

Император Лев умер в мае 912 г. Власть оказалась в руках его брата и соправителя Александра, поскольку Константин VII пребывал еще в шестилетнем возрасте. Как нередко бывает, Александр отставил приближенных Льва (заточив его вдову Зою в монастырь), зато вновь призвал на патриаршество Николая Мистика. Как считают многие историки, Александр не был подготовлен к правлению и куда больше интересовался светскими развлечениями. Он сам дал повод к болгарскому наступлению, отказавшись платить Болгарии ежегодную дань, установленную договором 896 г.: осторожный Лев VI не решился в свое время на такой шаг. Вообще, византийцы не считали зазорным уплату дани, если это гарантировало мир и развязывало руки для другой деятельности.

Когда началась война, Александр неожиданно умер летом 913 г. Регентом малолетнего Константина оказался патриарх Николай, не воспринимавшийся приближенными покойного Льва VI и самой Зоей как желанный правитель. В этой ситуации Симеон оказался у стен Константинополя. Правительство во главе с Николаем Мистиком, который был хорошо знаком с Симеоном и знал его намерения, предпочло дипломатический путь: болгарский царь был принят патриархом в Константинополе в присутствии малолетнего государя. В результате договоренностей все стороны вроде бы достигли своих целей: Симеон должен был снять осаду и покинуть византийскую территорию, а патриарх должен был венчать Симеона соимператором, просватав за Константина одну из его дочерей. Договоренность о браке была достигнута, патриарх венчал Симеона, но не соправителем Константина (по указанным выше причинам), а всего лишь царем Болгарии. Все же для Симеона это было реальной возможностью достичь желаемой власти.

Вскоре все изменилось из-за очередной смены власти в империи: Зоя вышла из монастыря и вернулась во дворец, отстранив Николая Мистика. Матримониальный план Симеона был аннулирован, и империя отказалась признавать его царский титул. Симеон ответил началом новой войны. Он оккупировал Фракию, требуя у местного населения признания его императором. В сентябре 914 г. сдался Адрианополь. Несколько лет болгары господствовали в северной Греции. В 917 г. византийцы предприняли контрнаступление, но их армия потерпела сокрушительное поражение около Анхиала, а вскоре еще одно, уже в преддверии самого Константинополя. У византийцев оставалось лишь одно преимущество – флот, которого не имели болгары. *Друнгарием флота*, то есть главой флота, являлся Роман Лекапин. Несмотря на значительную аристократизацию византийской армии в этот период, Роман происходил из другой среды – он был сыном армянского крестьянина.

Роман Лекапин сумел постепенно отстранить Зою от власти и сделал так, что в мае 919 г. Константин VII женился на его дочери Елене. Сам он получил титул *василеопатора* (буквально «отец царя»), и вскоре Константин возвел его, реального правителя империи, в сан кесаря и в конце 920 г. короновал соимператором. Как писал Г. Острогорский: «Роман, сын армянского крестьянина, превзошел Симеона там, где у того ничего не вышло: он стал зятем и соправителем молодого законного императора и, таким образом, хозяином Византийской империи»¹⁶.

Для Симеона это было концом надежд на возможное получение законной власти в Византии. Патриарх Николай Мистик попытался стать

посредником, и начался оживленный обмен письмами между Николаем и Симеоном. Но Симеон требовал низложения своего конкурента. В этой ситуации он прибег к старым методам: в 923 г. вновь занял Адрианополь и вскоре расположился у стен Константинополя. В 924 г. произошла встреча Симеона с Романом Лекапином, но теперь, в ситуации сильной власти в Византии, Симеону не удалось ничего добиться. Помимо государственных и военных дарований, Роман был еще и хорошим дипломатом. Симеон вступил с ним, как и с патриархом, в переписку, которая также является интереснейшим историческим источником. В итоге за Симеоном был признан византийцами царский титул, но исключительно в применении к Болгарии. Ему вновь был предложен матримониальный проект, но не с собственно царской семьей, а с семьей Лекапинов: в этом ему была бы честь, но при этом полное исключение из возможного престолонаследия.

В византийско-болгарский конфликт оказались втянуты и другие балканские страны. То Византия, то Болгария попеременно добивались некоторого контроля над Сербией. Когда перевес оказался на стороне византийцев, Симеон вступил в войну с Сербией и нанес ей тяжелое поражение, оккупировав практически всю страну (924). Война подступила к границам Хорватии, и она под началом своего первого короля Томислава, только что получившего королевскую корону, также вступила в борьбу, нанеся серьезное поражение Симеону в 926 г. Симеон был вынужден заключить с Хорватией мир и начал готовиться к новому походу на Константинополь. За этим его застала смерть в мае 927 г.

В этих войнах стремление Симеона к императорской короне, а потом обида на то, что ее у него перехватили, была одним из основополагающих факторов. После его смерти между Византией и Болгарией наступил долгий мир. На болгарский престол надолго вступил сын Симеона Петр, отличавшийся миролюбием (927–969). По договору 927 г. за ним был признан царский титул (в пределах Болгарии), в жены ему была дана внучка Романа Лекапина, а также было позволено установить Болгарский патриархат. В эти мирные десятилетия византийское влияние на Болгарию (а также на Сербию) было более сильным, чем когда-либо.

7. Завершение правления Романа Лекапина

Роман Лекапин следовал примеру Василия I в создании и упрочнении собственной династии: так, он возвел в сан соимператоров трех своих сыновей, а четвертого оставил для церковного (патриаршего) служения. Некоторый прогресс был в том, что, в отличие от Василия, он не устранял физически представителей законной династии. Однако, обойдя своего зятя Константина VII, Роман стал первым по значению императором, а одного из своих сыновей сделал вторым. Своего сына Феофилакта он возвел на патриарший престол через некоторое время после смерти Николая Мистика в 925 г. Для его поставления специально приезжали из Рима папские легаты. Интересно, что еще в 929 г. папские легаты разрешили спор о *тетрагамии* в духе воззрений Николая, а может быть, и Романа Лекапина: четвертый брак Льва был объявлен незаконным, а третий терпимым, да и то с трудом.

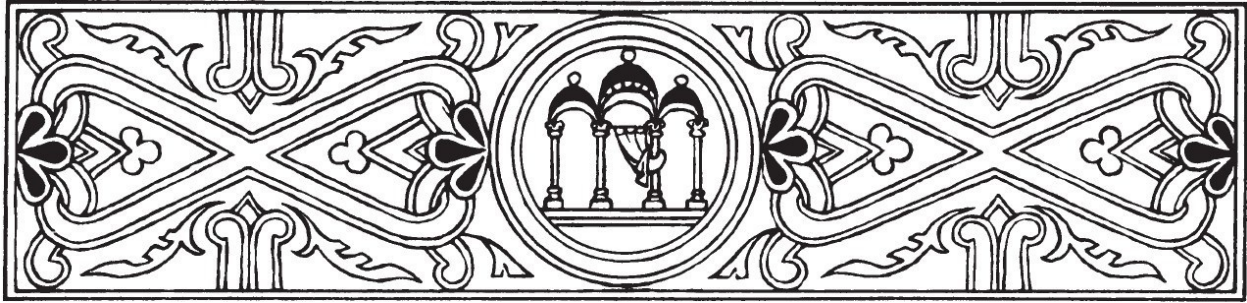
Из внутренней политики Романа в первую очередь стоит отметить его покровительство крестьянским хозяйствам. По мере аристократизации византийского общества росло крупное землевладение. Это было ощутимой тенденцией в эпоху Македонской династии и в особенности при Комнинах в XI–XII вв. Роман, который сам был из крестьян, понимал, что это создает неразрешимые проблемы не столько для самого сельского хозяйства, сколько для вербовки в армию и для налоговой системы. Начиная с двадцатых годов, он издает несколько новелл, которые должны были защитить крестьян. Первым делом было восстановлено право на предпочтительный выкуп земли родственниками и соседями. Перечислялись случаи, в которых земля могла быть выкуплена только соседями и родственниками. Таким образом, крупные землевладельцы – *динаты* (буквально «сильные») – были крайне стеснены в возможности выкупа крестьянской земли. Государство также пыталось контролировать продажу крестьянами земли во время голода и эпидемий: земли, которые были проданы меньше чем за половину реальной стоимости, возвращались прежним владельцам.

Во внешней политике стоит отметить успехи Романа (вернее, его полководцев) в Малой Азии и Месопотамии. В результате этих успехов некоторые арабские племена даже принимали христианство и селились на территории империи. Одним из ощутимых результатов был захват Эдессы, где хранился так называемый *Мандилион* – нерукотворный образ

Спасителя. Вероятнее всего, речь шла о том, что мы сегодня называем Туринской плащаницей, которая оказалась на Западе лишь в эпоху Крестовых походов. В августе 944 г. было устроено религиозное торжество по поводу перенесения мандилиона в Константинополь.

В конце того же 944 г. завершилось правление Романа Лекапина. Виной этому стали двое его собственных сыновей, опасавшихся, что после смерти их престарелого отца (их старший брат умер еще раньше) власть может перейти Константину, который многими воспринимался как законный, «настоящий» император. Роман был арестован и сослан на один из островов Мраморного моря, где умер монахом чрез четыре года. Впрочем, многоходовый заговор не удался, и сами его организаторы были после ссылки Романа арестованы и отправлены в ссылку. В 945 г. власть перешла к Константину VII Багрянородному.

Глава седьмая
Эпоха Македонской династии (867–1056
гг.)
(часть вторая)

Введение. Константин Багрянородный

После «отставки» императора Романа Лекапина его сыновьями в 944 г. и последовавшей за этим их собственной ссылки началось независимое правление Константина Багрянородного (945–959), хотя он и считался императором с 905 г. Константин был сыном императора Льва VI Мудрого от четвертого брака, именно того, который вызвал в свое время столько проблем в отношениях между императором и патриархом Николаем Мистиком. В первую очередь благодаря этому за именем Константина закрепился эпитет *Багрянородный* (то есть рожденный в царских покоях), так как это придавало законный статус если не самому четвертому браку, то, по крайней мере, рожденному от него наследнику престола.

Жена Константина Елена была дочерью Романа Лекапина, однако она оказалась на его стороне в деле отстранения от власти своих братьев. Возможно, что ее участие, а также просвещенность Константина, помогли не допустить кровопролития, обычного в таком деле. Отстранив от власти клан Лекапинов, багрянородный император решил опереться на семью Фок, которые являлись давними конкурентами отстраненного семейства. На их долю выпали основные тяготы войн Константина на восточном, арабском фронте. Варда Фока был домашником схол, а его трое сыновей (из которых будущий император Никифор был старшим) – начальниками восточных приграничных фем. Так в средневизантийский период постепенно складывались аристократические фамилии и параллельно с ними – династический принцип престолонаследия, неизвестные в первые века византийской истории.

Константину Багрянородному принадлежит единственный дошедший до нас учебник византийской дипломатии – его книга «Об управлении империей» (*“De administrando imperio”*). Здесь была не только теория, ведь сам император много занимался дипломатией, что сказалось на формировании *византийского содружества*. Список посольств, принятых в первые годы правления, сохранился в его книге «О церемониях византийского двора» (*“De cerimoniis”*). Эти книги были в первую очередь предназначены его сыну, будущему Роману II. Отчасти с именем Константина связано начало христианизации Руси: 946 г. Константинополь посетила киевская княгиня Ольга, и как раз во время этого посольства она приняла крещение, притом что сам император стал ее восприемником.

В древнерусской литературе сохранился рассказ о том, что будто бы император хотел жениться на Ольге и по этой причине склонил ее к крещению. Она со своей стороны попросила его стать крестным, что исключило возможность брака. Так русские перехитрили греков. Но можно не сомневаться, что ученейший из византийских императоров лучше разбирался в тонкостях канонического права и дипломатии, чем новокрещеная Ольга.

С Константином связана попытка вовлечения в византийскую орбиту венгров. В 948 г. два венгерских вождя были крещены в Константинополе, и сам император, как и в случае с Ольгой, стал их восприемником. Тогда же в Венгрию был отправлен византийский епископ. Но все же первый венгерский король – св. Стефан – предпочел в 1001 г. получить свою корону из Рима. Так венгерская церковь и страна оказались в сфере германского влияния, хотя на протяжении XI в. в Венгрии сохранялось несколько епархий византийского обряда.

После смерти Константина четыре года правил его сын Роман (959–963), который оставил двух несовершеннолетних детей и вдову, вскоре вышедшую замуж за полководца Никифора Фоку, который и стал реальным правителем империи (963–969). После гибели Никифора в результате дворцового переворота престол оказался в руках Иоанна Цимисхия (969–976), талантливого византийского полководца армянского происхождения. Правление этих двух императоров, выдвинувшихся по военной линии, оказалось очень успешным с точки зрения военных кампаний и расширения границ государства.

Однако основной расцвет средневизантийской империи связан с именем Василия II. Он наследовал Цимисхию, будучи внуком Константина Багрянородного и сыном Романа II. Так власть вновь вернулась к прямым представителям Македонской династии. Василий II правил около пятидесяти лет (976–1025), деля власть со своим младшим и менее энергичным братом Константином VIII (976–1028). Ощутимым результатом его царствования было восстановление византийской границы по Дунаю и исчезновение Болгарии как независимого государства. При нем же Древняя Русь вошла в число христианских народов и участников так называемого византийского содружества.

Последние десятилетия Македонской династии, после смерти Василия, были лишены былого величия. В 1042 г. в первый и последний раз в византийской истории государством одновременно правили две сестры – племянницы Василия II. 1054 г. считается скорбной датой Великой схизмы.

Из временного кризиса государство начало выходить с приходом к власти представителей новой династии Комнинов в 1057 г.

1. Ближайшие преемники Константина Багрянородного (945–976)

Императоры Никифор Фока (963–969) и Иоанн Цимисхий (969–976) не принадлежали по своему происхождению к Македонской династии. Никифор стал мужем вдовы Романа II, а при его воцарении патриарх и совет «обязали Никифора страшной клятвой никогда не отвергать власть малолетних государей и не замышлять ничего нечестивого против их правления»¹⁷. Иоанн в свое время сверг Никифора по ходу переворота. Тем не менее власть не ушла окончательно из Македонского дома: так в Византии постепенно, хотя и со сбоями, утверждался династический принцип правления.

Основными направлениями активности этих двух императоров были восточная граница и исламские соседи. Успехи второй половины X в. повторятся в этом регионе только во время крестоносцев, в XII столетии. Еще в правление Романа Никифор Фока отвоевал остров Крит, который был в то время не столько морским стратегическим пунктом, сколько базой арабских пиратов, державших в страхе все Эгейское море с его островами и судоходством. Став императором, Никифор продолжил лично участвовать в походах, завоевав Киликию в Малой Азии и остров Кипр – важнейшее место для морского контроля над восточным Средиземноморьем. Для византийцев отвоевание земель, ранее захваченных исламом, воспринималось как восстановление попорченной законности: на их стороне те, кто «желает справедливости, беспристрастного суда, сохранения собственности, семьи, жизни своей, детей, хороших дорог, справедливых законов и хорошего обращения» (из записей арабского географа XIII в. Йакута¹⁸). После такого успеха в сухопутной и морской войне византийцы могли двинуться в Сирию.

Никифор успел осадить Антиохию – древнюю столицу Сирии, – однако осада затянулась, и он возвратился в Константинополь. Все же город был взят в последний год правления Никифора (969), а после взятия Алеппо (Халеба) – второго по значению города Сирии – его эмир стал вассалом византийского императора. Этот успех послужил не только освобождению ближневосточных христиан, но и обеспечил приток в Константинополь новых богатств. Современник Никифора византийский историк Лев Диакон писал: «Если бы рок со смертью [Никифора] не обернул судьбу ромеев

вспять, то ничто не помешало бы им при его жизни расширить границы своего владычества на востоке до Индии, а на западе до самых пределов обитаемого мира»¹⁹. Восточная политика следующего императора – Иоанна Цимисхия – стала продолжением дела его предшественника. Он попытался передвинуть границу южнее, положив своей целью освобождение Иерусалима. Похоже, что Иоанн захватил Дамаск, вышел в Палестину, взяв Назарет и Кейсарию, не дойдя, впрочем, до Иерусалима. При всей кажущейся удачности его восточного похода опорным пунктом византийцев на востоке все же осталась Антиохия. Итак, результатом восточной политики Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия было утверждение морского господства империи в восточном Средиземноморье и укрепление границы с арабами в Киликии и Сирии с Антиохией как опорой византийского влияния.

В западном Средиземноморье деятельность Фоки и Цимисхия была не так энергична и совсем не так успешна. Более того, Сицилия перешла в руки арабов, сумевших захватить последние опорные пункты византийцев на острове. Византия после столкновений с германским императором Оттоном I Великим смогла поддержать свое влияние в Италии лишь с помощью брака византийской принцессы Феофано с наследником германского престола, будущим императором Оттоном II.

И все же одним из наиболее важных направлений византийской политики при ближайших преемниках Константина Багрянородного были Балканы, в первую очередь Болгария. Это направление было осложнено активным вмешательством русского князя Святослава, неоднократно предпринимавшего походы в Болгарию или даже на территорию империи и погибшего во время возвращения домой после одного из таких походов. Это направление останется основным и во время долгого правления Василия II. Мир, заключенный между Византией и Болгарией после смерти царя Симеона, длился около сорока лет, пока Болгария находилась под властью миролюбивого царя Петра или же была раздираема внутренними смутами. За время ослабления Болгарии византийцам пришлось иметь дело с новыми кочевниками – венграми и печенегами, – наводнявшими Фракию и даже доходившими до Константинополя. С 60-х гг. мощь Болгарии начала постепенно возрождаться, и это сразу заставило византийцев беспокоиться.

По сообщению историка Скилицы, разрыв между Византией и Болгарией произошел в 867 г., когда Никифор попытался просить болгарского царя Петра не пропускать через свою территорию враждебных Византии венгров. Болгары либо не могли, либо не хотели исполнить просьбу

Никифора. Тогда император, занятый на восточных границах империи, стал искать союзников против болгар и венгров. Как обычно, союзники нашлись в тылу противника, и в 968 г. киевский князь Святослав (сын княгини Ольги и отец князя Владимира, однако сам язычник) переправился через Дунай и захватил несколько прибрежных болгарских крепостей. Затем Святослав был вынужден возвратиться в Киев, но через год вновь оказался в Болгарии, уже без византийского приглашения. В 969 г. он захватил тогдашнюю столицу Болгарии Пловдив. Одновременно с этим начинается восстание в западной Болгарии с созданием отдельного западноболгарского царства со столицей в Софии (Сердикe). В начале 970 г. умер царь Петр, вскоре прославленный Болгарской церковью в лике святых.

В 970 г. Святослав, вновь оказавшись в Болгарии, совершил поход во Фракию, однако неудачный, и потерпел от византийцев поражение под Адрианополем. Этот фракийский поход стал началом неудач Святослава. На следующий год он потерпел поражение у Пловдива, а затем у Доростола. За этот поход от русской армии осталась лишь малая часть, так что византийцы после победы над Святославом у Доростола смогли заключить выгодный мир, по которому Святослав должен был покинуть Болгарию, а также не тревожить византийские владения в Крыму. Византия оставила в своих руках восточную Болгарию, а царь Борис был увезен в Константинополь. После гибели Иоанна Цимисхия и восшествия на престол Василия II в 976 г. западноболгарское царство попыталось вернуть контроль над восточными областями Болгарии, но это стало уже следующим этапом византийско-болгарского противостояния.

Есть мнение, что византийская дипломатия натравила печенегов на Святослава, когда тот возвращался на родину после заключенного мира. Но в то время Византии был выгоден союз с Русью, да и русская летопись не обвиняла византийцев в гибели киевского князя. Согласно «Повести временных лет», русские отправились домой с богатейшей добычей и пленными. Святослав отпустил пленных византийцев, но по условиям мира вовсе не требовалось возвращения всей добычи, которая досталась в войне с болгарами. По летописцу, не византийцы, а болгары оповестили печенегов о том, что войско Святослава невелико, а добыча огромна (ПВЛ. 52). Возвращаясь речным и морским путем, Святослав погиб весной 972 г. Печенежский хан Куря велел сделать чашу из черепа убитого князя.

Что касается внутренней политики Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, то здесь в первую очередь интересна их попытка ограничить церковное землевладение в сочетании с участием в развитии афонского монашества и личным благочестием, по крайней мере в отношении Никифора. До своего

вступления на престол Никифор совмещал солдатскую строгость с почти что монашеским образом жизни, поскольку монашество его действительно привлекало. Среди его друзей был св. Афанасий Афонский, основатель первого общежитийного монастыря на Афоне. При этом Никифор решился на меру, невиданную со времен императоров-иконоборцев: своей новеллой 964 г. он запретил создание новых монастырей, а также крупные пожертвования и завещания в пользу уже существовавших. Объяснял он это желанием извергнуть из церкви болезнь любостяжания и сребролюбия, но, помимо этого, развитие церковного землевладения сказывалось на обезземеливании крестьян и налоговых поступлениях в казну. Маловероятно, что этот закон соблюдался при Никифоре и Иоанне, Василий же II отменил его как «направленный к оскорблению Самого Бога».

При этом Никифор поддерживал Афанасия Афонского в создании первого монастыря на Святой Горе, хотя отдельные отшельники и небольшие общины уже давно были на Афоне. Иоанн Цимисхий, продолжая поддерживать развитие афонского монашества, подтвердил древнее многообразие уставов. При Василии II на Афоне было уже не только греческое, но также грузинское и итальянское монашество, а с XI в. известно и о русской общине.

Интересна попытка Никифора провозгласить мучениками всех воинов, погибавших в сражениях. Конечно, здесь императору пришлось отступить перед несогласием патриарха и духовенства. Само это намерение свидетельствует либо о влиянии исламского мира, либо о приближении тех времен, когда война с неверными будет рассматриваться – подобно крестоносцами на Западе – как часть религиозной жизни.

2. Император Василий II (976–1025 гг.)

С именем Василия II связана целая эпоха византийской истории и максимальное расширение византийского государства в средневизантийский период. История сохранила за Василием II прозвище *Болгаробойца*, которое он получил в связи с одним из эпизодов войн с Болгарией, в результате которых первое Болгарское царство прекратило свое существование.

С восшествием Василия на престол власть вернулась к Македонской династии. Василий был сыном Романа II и внуком Константина Багрянородного и был коронован императором задолго до своего реального восшествия на престол. Как в свое время с Юстинианом, началу правлению Василия сопутствовали сложнейшие внутригосударственные проблемы, и если бы Василий не был способен «к бегу на длинные дистанции», то вряд ли он смог бы удержаться на престоле.

Несмотря на все более утверждавшийся в Византии династический принцип правления (Василий был как раз порфирородным представителем Македонской династии), власть по-прежнему доставалась, по сути дела, сильнейшему. Одновременно с восшествием Василия на престол начался мятеж значительной части малоазийской знати под командованием Варды Склира, одного из военных командиров на восточных границах империи. На его сторону перешла большая часть армии, в первую очередь подразделения, состоявшие из армян. Для борьбы с восставшими Василий вызволили из опалы племянника покойного императора Никифора Фоки Варду. Союзниками Варды оказались грузинские князья. В результате трехлетней гражданской войны Склир и его приближенные должны были искать прибежища во дворце халифа в Багдаде. Средства, взятые при разграблении лагеря мятежников одним из грузинских князей, были направлены на создание одного из наиболее впоследствии известных монастырей на Афоне – грузинского монастыря Ивирон. А Варда во главе византийской армии на востоке направился к Алеппо, заставив, таким образом, арабов возобновить выплату империи ежегодной дани.

Тем не менее малоазийский сепаратизм основывался не просто на личных счетах. В 987 г. Василий II, опасаясь влияния Варды Фоки, попытался отставить его от командования восточной армией, но результатом этого было провозглашение Варды императором со стороны его армии. Началась новая гражданская война, и вскоре большая часть

Малой Азии оказалась под контролем Варды, хотя императору удалось сохранить в своих руках казну. Союзником Василия в этой войне оказался киевский князь Владимир, который согласился выставить в помощь императору большой русский корпус. Именно с этим союзом связана столь важная история крещения князя Владимира и затем всего его народа... Вадра Фока, а также выпущенный халифом Варда Склир продолжали сопротивление армии Василия и его русских союзников до октября 989 г. Интересно, что если приближенные Варды Фоки (сам он неожиданно умер перед решающим сражением с Василием) и вожди его грузинских союзников были казнены, то Варде Склиру была сохранена жизнь: вчерашние враги страшнее позавчерашних.

Несмотря на важное значение Малой Азии и восточной границы, все же главной ареной исторических событий во времена Василия II являлись Балканы. Начало была неудачным. Вскоре после восшествия Василия на престол и вспыхнувшего восстания Выарды Склира Западно-Болгарское царство объявило Византии войну с тем, чтобы вернуть себе утраченные ранее владения. Напомним, что все войны Византии и Болгарии можно было со всех сторон считать «справедливыми»: болгарские правители старались поставить под свой контроль все земли, населенные болгарами, а византийцы – вернуться к древней римской границе, проходившей по Дунаю. По ходу этой войны византийцы пытались играть на противоречиях между царем Самуилом и его братьями, а также сыновьями покойного царя Петра, долгое время пребывавшими в Константинополе в качестве почетных заложников. В конце концов Василий осадил в 986 г. Сердику (Софию), но осада не была успешной. Более того, на обратном пути Самуил нанес византийцам такое поражение, что сам Василий едва спасся. Эта неудача в Болгарии стала одной из причин недовольства императором, приведшего к уже описанному восстанию Варды Фоки в Малой Азии.

После завершения гражданской войны император должен был вернуться на Балканы хотя бы для того, чтобы изгладить из памяти печальные события прежней болгарской войны. Эта новая война длилась с переменным успехом с 990 до 1018 г., и не раз Самуил предпринимал дерзкие походы вглубь византийской территории, в Грецию или к Адрианополю. Но как раз по ходу затянувшейся войны стало ясно, насколько ресурсы болгарского царства и византийской империи несопоставимы. Решающим сражением стала битва у Клейдиона 29 июля 1014 г., где болгарская армия была разгромлена, а значительная ее часть оказалась в византийском плену. Вскоре умер престарелый болгарский царь Симеон, хотя война продолжилась еще несколько лет. 1018 г. стал

триумфом Василия в борьбе с болгарами: Охрид был взят, и Первое Болгарское царство перестало существовать, хотя многие представители болгарской верхушки и члены царской семьи удостоились почестей и разных чинов со стороны византийцев. Василий совершил путешествие по Балканам, отпраздновал победу в древних Афинах и лишь после того вернулся в Константинополь. В 1019 г. также перестала существовать в качестве отдельного государства Сербия, заявившая византийскому императору о своей полной покорности.

Император также старался не забывать о византийских владениях в Италии, хотя лично не мог принимать участие в итальянских событиях. Византийскую власть в Италии представляли наместники, называвшиеся *катепаны*. Угрозу византийцам являли ломбарды на севере, вместе с норманнами и Западной империей, и арабы на Сицилии. Дважды, в 1009 и 1017 г., восставал ломбардский вельможа Мел, во время второго своего восстания впервые прибегший к помощи норманнского контингента в войне против византийцев в Италии. Германский император Генрих II также пытался нанести ущерб византийским владениям, хотя не особенно в этом преуспел. В самом конце своего правления Василий планировал большую кампанию по полному отвоеванию у арабов Сицилии, и в 1025 г. туда был направлен первый из предполагавшихся больших византийских отрядов. Смерть императора в декабре 1025 г. положила конец этому начинанию.

На восток Василию также приходилось несколько раз возвращаться как для умиротворения арабов, так и для укрепления власти империи в Закавказье. В 995 и 999 гг. Василию пришлось воевать с египетскими Фатимидами, пытавшимися захватить византийскую Антиохию и Алеппо. Дело кончилось десятилетним перемирием с египетским султаном аль-Хакимом, известным впоследствии в качестве разрушителя христианских святынь на Святой Земле. Одновременно с этим Василий добился передачи ему некоторых владений в Грузии, принадлежавших союзникам Варды Фоки. В начале 20-х гг. Византия получила армянские владения в районе озера Ван, которые сами армяне были не в состоянии защитить от начавшегося тюркского проникновения в Малую Азию. Там был организован новый византийский катепанат. Также Самбат, царь Ани, завещал императору свое государство. Одновременно с этим империя вела вполне успешную и не очень продолжительную войну с грузинским царем Георгием, хранившим верность своим союзникам-Фатимидам. В итоге к концу правления Василия Византия, по сути дела, подчинила себе значительную часть территорий Армении и Грузии, хотя в результате этого

исчезли на восточном фронте достаточно удобные для империи буферные государства.

Итак, несмотря на сложности первого этапа правления Василия, к концу его царствования Византия укрепила свои позиции на востоке перед лицом Фатимидов и достигла значительных успехов в подчинении Абхазии, Армении и Грузии. Северная граница империи стала проходить по Дунаю, который всегда казался римлянам и византийцам их естественной балканской границей, но что в реальности случалось нечасто.

Ранее враждебные балканские государства – I Болгарское царство и Сербия – на время просто перестали существовать, будучи включены Василием в состав империи (1018 и 1019 гг. соответственно). С предшествующими этому событию войнами связано укрепившееся за Василием прозвище Болгаробойца: после удачной для византийской армии битвы с болгарами у Клейдиона, произошедшей в июле 1014 г., Василий приказал ослепить всех попавших в плен болгарских солдат. Ослепление – очень распространенный в Византии способ выведения политических противников из игры, не лишая их при этом жизни. Однако такое массовое ослепление в византийской истории более не повторялось. Если верить Манасиевой хронике, болгарский царь Симеон I умер, не перенеся зрелища нескольких тысяч ослепленных солдат.

Помимо успехов на Балканах и в Закавказье и Сирии, византийская армия одерживает победы на западе: в 1018 г. византийцы разбили лангобардов и норманнов при Каннах, а перед самой своей смертью Василий II готовил несостоявшийся в итоге поход в Сицилию.

С эпохой Василия II связан и такой успех византийской церкви и цивилизации, как крещение Руси. В 987 г. в Херсонесе принимает крещение князь Владимир, в 988 г. крестится Киев, а в 989 г. – Новгород. Это событие стало одним из важнейших для всего *византийского содружества*.

После смерти Василия II (1025 г.) империи пришлось испытать ряд трудностей, связанных как с частой сменой последних императоров из Македонской династии, так и с природными катастрофами и, главное, с активизацией внешних врагов империи по всем ее границам. Одновременно нарастало культурное и религиозное отчуждение западной и восточной части христианского мира, что привело к Великому расколу 1054 г. Своего рода знаком успехов византийской цивилизации и византийского христианства, связанных с эпохой Василия II, оказалось стремление значительного числа византийских евреев к принятию крещения и, таким образом, к полному вхождению в преуспевающее византийское общество.

Об этом свидетельствует и так называемая «Формула отречения», которая должна была положить конец неискренним обращениям в христианство.

3. Крещение Руси

Во время правления Василия II происходит крещение Руси – одно из важнейших событий не только в русской истории, но и в истории *византийского содружества*. Христианизация славянских народов приходится как раз на средневизантийский период и почти что совпадает с эпохой Македонской династии.

Во время императора Ираклия (VII в.) империя теряет Ближний Восток, затем, в эпоху иконоборчества, сжимается до масштабов национального греческого государства, но все же выживает, а потом начинает расти в сторону Балкан, не только расширяя имперские границы, но создавая своего рода содружество – целый круг государств, связанных с Византией множеством религиозных, культурных и политических нитей. Здесь христианизация славян играла важнейшую роль.

Одним из базовых этапов славянской миссии является миссия св. Кирилла и св. Мефодия, создателей славянской азбуки и славянского богослужения. Их трудами была создана инфраструктура для дальнейшего распространения христианства в славянском мире. В 864 г. принял крещение болгарский царь Борис, и в последующее время в течение многих веков Русь знакомилась с византийской христианской культурой через посредство Болгарии. Восточные славяне, куда меньше соприкасавшиеся с Византией, приняли крещение почти на сто лет позже, чем южные, – в конце X в.

Для русских мостом к Византии являлся в первую очередь Крым, южная часть которого была заселена греками. О Херсонесской епархии в Крыму известно с IV в., а в VIII в. там возникают еще две епархии – Сурожская и Фульская. О крещении одной из славяно-варяжских русских дружин рассказывается в житии св. Стефана Сурожского, жившего в VIII столетии. Первая христианская община вместе с епископом появилась в Киеве, судя по всему, уже во времена Аскольда и Дира, в 60-е гг. IX в. Возможно, что христианином стал сам Аскольд, о чем свидетельствует христианский характер почитания его могилы в древнем Киеве. Похоже, что эту киевскую общину имел в виду патриарх Фотий, когда писал в своем Окружном послании 866–867 г. о крещении болгар: «И не только этот народ (болгары) променяли прежнее нечестие на веру во Христа, но даже прославленные и всех оставляющие за собой в жестокости и скверноубийстве так называемые русы, которые, поработив находящихся около них и отсюда

возомнив о себе высоко, подняли руку и против ромейской державы. А в настоящее время даже и они променяли языческое и нечестивое учение, которое содержали прежде, на чистую и неподдельную веру, с любовью поставив себя в чине подданных и друзей наших, вместо ограбления нас и великой против нас дерзости, которую имели незадолго перед тем. И до такой степени разгорелось у них желание и ревность веры, что приняли епископа пастыря и лобзают верования христиан с великим усердием и ревностью». Так что возможно, что уже за сто лет до официальной даты крещения Руси в Киеве были христиане и даже епископ.

В «Повести временных лет» говорится об общине варягов-христиан, которые служили в дружине князя Игоря, а под 945 г. в летописи упоминается Ильинская церковь в Киеве, называемая «соборной». Известно о крещении княгини Ольги в Константинополе в 946 г., когда сам император стал ее восприемником.

Крещение князя Владимира было связано с поиском императором Василием II союзников против мятежа Варды Фоки в Малой Азии. В качестве вознаграждения Владимир просил у императора руку его порфирородной сестры Анны. Император дал согласие, но при условии крещения: о том, чтобы отдать порфирородную принцессу в жены язычнику речи не шло. Владимир согласился на это, понимая, какое преимущество он получит от крещения перед лицом всех других правителей степи. Помимо этого, нельзя отрицать его настоящий внутренний интерес к христианству. Сохранилась история о выборе вер. Оставшись неудовлетворенными другими религиями, а также западным христианским обрядом, послы князя Владимира так говорили о богослужении в Софии Константинопольской: «Не знаем мы, на небе были или на земле, ибо на земле нельзя видеть такого зрелища и такой красоты; не умеем вам рассказать, только знаем, что там Бог пребывает с людьми и что служба их превосходит службу всех других стран; мы не можем забыть такой красоты».

Судя по всему, Владимир и его дружина приняли крещение в Херсонесе в 987 г. Есть свидетельства, что город был взят русскими силой. Неизвестно, было ли это способом принудить императора все-таки отдать в жены Владимиру свою сестру, или, скорее всего, Херсонес контролировался в тот момент византийскими мятежниками и Владимир таким образом начал исполнять договор с императором. В XX в. в Херсонесе был раскопан баптистерий того времени, в котором, скорее всего, и принял крещение киевский князь... На следующий год, в 988 г., Владимир вместе с греческим духовенством предпринял крещение жителей

Киева. В 989 г. был крещен Новгород. Сразу после крещения (а особенно во времена князя Ярослава Мудрого) на Руси строится множество храмов, появляются переводы богослужебных книг на церковнославянский язык. В начале XI в. в Киеве возводится Софийский собор, по образу Св. Софии в Константинополе. Вскоре князь Владимир был прославлен в лике святых как *равноапостольный*: в этом чине прославлялись правители, которые способствовали христианизации своего народа, участвуя таким образом в деле апостольского благовестия.

Политически Русь после крещения вошла в круг «цивилизованных народов». Она стала частью того мира, в центре которого находился Константинополь с императором и патриархом. Киевская митрополия быстро стала самой большой и населенной митрополией Константинопольского патриархата. При этом удаленность Руси от Византии способствовала значительной как церковной, так и политической независимости нового христианского народа. Эта же удаленность позволяла свести к минимуму политические противоречия и трения между двумя странами, которых у империи было так много с ее непосредственными славянскими соседями – болгарами и сербами. В духовном и культурном плане крещение Руси стало, наверное, наиболее значимым достижением времени правления императора Василия II.

4. Наследники Василия II (1025–1057)

После смерти Василия II, который оставался холостым всю свою жизнь, власть перешла к его брагу Константину VIII, который изначально был его соправителем и пережил своего старшего брата лишь на три года.

У Константина было две дочери – Зоя и Феодора, о браке которых Василий в свое время не проявил должной заботы. Еще в начале века Зоя была определена в невесты германскому императору Оттону III, но он умер сразу по ее прибытии в Бари в 1002 г. Незадолго до своей смерти, в 1028 г., император Константин отдал Зою в жены своему дальнему родственнику Роману Аргирю, хотя этому браку было суждено остаться бездетным. В последующие три десятилетия все, нередко кровавые, споры вокруг престола будут так или иначе связаны с двумя племянницами Василия II, поскольку в легитимности их пребывания у власти ни у кого не было сомнений.

Роман III Аргир попытался испытать военную славу на восточном фронте, непосредственно присоединив к империи вассальный алеппский эмират. Эта экспедиция 1030 г. кончилась поражением императорской армии, но благодаря усилиям полководца Георгия Маниака дело было исправлено уже в следующем 1031 г., и правители Алеппо вновь платили дань империи. Маниак смог также удержать Эдессу от вражеских притязаний. В 1034 г. император умер в бане: по распространившемуся мнению, за этим стояли императрица и ее приближенные. Один из них вскоре стал ее мужем и императором. Это был Михаил IV Пафлагонец, племянник одного из сподвижников Василия II. В правление Михаила была предпринята попытка отвоевания Сицилии – во главе с тем же Георгием Маниаком, – это было продолжение того, на чем остановился в конце своей жизни Василий II. Византийская армия успешно высадилась в Сиракузах в 1040 г., и все могло бы закончиться успешно, если бы лангобардский контингент армии Маниака не присоединился к одному из мятежей и не направился в Бари. После этого сам полководец был отозван императором из страха перед возможностью его участия в восстании. В том же году на Балканах восстали болгары и сербы, и хотя император добился некоторого успеха, это было началом тяжелых отношений со славянскими соседями. В 1041 г. Михаил IV умер, оставив престол своему племяннику Михаилу V, предварительно усыновленному Зоей.

Михаил V начал с репрессий против своих же родственников. На Пасху 1042 г. он даже отправил в монастырь свою приемную мать Зою, что еще больше поколебало в народе доверие к его легитимности. В результате восстания в столице Михаил был свергнут и ослеплен, а на престол была возведена порфирородная Феодора. После этого в течение трех месяцев на престоле единственный раз в византийской истории находились две женщины – Феодора и вышедшая из монастыря ее сестра Зоя. В июле 1042 г. Зоя вновь вышла замуж – за Константина XI Мономаха, который будет находиться во главе государства до своей смерти в 1055 г.

Свергнутый Михаил V еще попытался действовать, освободив из заключения Георгия Маниака, который теперь в самом деле поднял восстание и направился с армией на Балканы. Но в 1043 г. он погиб в бою с императорской армией около Фессалоники. В том же году на Константинополь направился русский флот князя Ярослава, но был разгромлен византийцами. Было ли восстание Маниака и нападение русских простым совпадением? По крайней мере, документально ничто не подтверждает обратного.

За время достаточно продолжительного правления Константина IX Мономаха была пресечена попытка прорыва кочевников-печенегов, было присоединено к империи армянское царство Ани, что поставило Византию перед лицом турок-сельджуков, имел место ряд столкновений с норманнами в Италии, а также с папством. Зимой 1046/1047 г. множество печенегов форсировали Дунай, оказавшись таким образом на территории империи. Им дала отпор как императорская армия, так и недавно крещенные варвары, поселенные с византийской стороны Дуная. Победенных печенегов император решил поселить на общественных землях малозаселенных Балкан, а некоторых из их подразделений включить в состав византийской армии. Эта вполне традиционная политика вызвала мятеж части армии во главе со Львом Торником, которое было подавлено лишь к концу 1047 г.

В 1041 г. умер Самбат, царь армянского царства Ани, который в свое время завещал свой престол византийскому императору. В 1045 г. император Константин пригласил в Константинополь наследника Самбата, которому напомнил о завещании его предшественника. Взамен он получил содержание и поместья в Малой Азии. В результате аннексии Армении византийцам пришлось напрямую столкнуться с турками-сельджуками. В 1048 г., несмотря на отсутствие большой армии, пограничные части вместе с грузинскими союзниками отбили атаку турок. В 1054 г. сельджукский султан, предварительно завоевав Азербайджан, решил испытать крепость

византийского Манцикерта, однако и на этот раз турецкая осада была благополучно выдержана.

В Италии все пребывавшие сюда норманны неизбежно сталкивались с византийцами, и Константин надеялся на союз с папой Львом IX, так как норманны не щадили и папских территорий. Однако в 1053 г. норманны разбили как папские войска, так и армию византийского наместника Италии Аргира. Вскоре после этого папский престол смог найти общий язык с норманнами, принявшими в Италии латинское христианство, и это стало сокрушительным ударом как по византийским владениям, так и по отношениям Константинополя и Рима. На время правления Константина Мономаха прихлась так называемая *Великая схизма* – разделение Восточной и Западной церковей летом 1054 г., о чем речь пойдет ниже.

После смерти Мономаха в 1055 г. власть вновь вернулась на полтора года – уже в который раз – Феодоре, порфирородной племяннице Василия II. Перед своей смертью в 1056 г. она завещала престол столичному чиновнику Михаилу Вринге, который не проявил достаточно внимания к полководцам Константина Мономаха. Эти полководцы провозгласили императором Исаака Комнина, представителя одной из богатейших малоазийских семей. В Константинополе Исаака поддержал патриарх Михаил Кирулларий, который и короновал его императором 1 сентября 1057 г. Последующие полтора века византийской истории основные решения будут приниматься не столичной бюрократией, а военной и земельной аристократией, выдвигавшей императоров из своей среды.

5. Разделение церквей (Великая схизма) 1054 г

Лето 1054 г. – является формальной датой одного из наиболее скорбных событий христианской истории – разделения Западной и Восточной церкви, которые вскоре станут называться Католической и Православной. Разделение стало как нарушением заповеди Христа о единстве, так и началом многих распрей, ссор и даже преступлений в отношениях между двумя частями христианского мира.

У разделения было несколько важных причин: возникшие богословские различия, взаимное непонимание культур и политика. Если взаимные анафемы (то есть отлучения от Церкви) были провозглашены представителями папы и патриархом Константинопольским в 1054 г. – они были взаимно святы лишь в 1965 г., – то все же разделение можно считать длительным процессом, а не единократным актом. Он начался с формирования на Западе новых богословских представлений еще в середине первого тысячелетия христианской истории, что было болезненно обнаружено Востоком в IX в. при патриархе Фотии. Но тогда единомыслие было все же восстановлено на общем соборе в Константинополе в 879–880 гг. К этому времени у латинского Запада и греческого Востока уже были отличающиеся традиции богословской и философской мысли, церковного управления и свои, отдельно сложившиеся традиции церковной жизни. Завершением процесса разделения обычно считают 1204 г. – взятие и разграбление Константинополя крестоносцами. Это событие свидетельствовало о том, что для западных христиан православные более не воспринимались как братья-христиане, а византийцы после этого события тоже стали воспринимать католиков как окончательно отступивших от христианской любви. Это было завершением расхождения двух христианских цивилизаций.

Одним из богословских вопросов, разделивших церкви, был вопрос о западном добавлении в учение о Св. Троице. Это так называемое – *filioque*, буквально означающее – «и от Сына». Это латинское прибавление к Символу веры говорило об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына. «Венцом зол» называл его патриарх Фотий в своей *Энциклике* патриархам 866 г. Внесение *filioque* в Символ веры датируется, скорее всего, 589 г., когда на одном из Испанских соборов – на соборе в Толедо – оно было внесено в *Афанасиевский* (но не в *Никео-Константинопольский*) Символ испанскими христианами, находившимися в полемике с арианами-

вестготами. Вскоре испанцы предпочли общецерковный Символ, однако внесенная в старый Символ вставка сохранилась. По их убеждению, она всего лишь подчеркивала единосущие Сына Отцу, столь необходимое в полемике с арианами. Позже вставка нашла себе адептов в лице Каролингских государей, в особенности самого Карла Великого, который пытался превратить ее из локальной в общую для всей Западной церкви, навязывая *filioque* Римскому престолу.

В 808 г. патриарх Иерусалимский уже жаловался папе Льву III на несоответствие Символа веры франкских монахов в Иерусалиме общецерковному Символу. Это, повидимому, первая реакция Востока на вставку. Интересно, что папа поддержал патриарха в его негодовании, и в соборе Святого Петра в Риме Символ веры был начертан на серебряных табличках без добавления слов «и от Сына». Однако в IX в. *filioque* продолжило распространяться на Западе, и к концу века его провозглашали не только в Испании, но и по всей Германии, в Лотарингии и отчасти во Франции. Во времена патриарха Фотия латинские миссионеры в Болгарии использовали интерполированный Символ как орудие борьбы с византийским влиянием, и Константинопольский собор 879–880 гг. (считавшийся VIII Вселенским как для Востока, так и для Запада, по крайней мере до XI в.) в очередной раз осудил как ересь всякое добавление к Символу. Важно, что папские легаты поддержали это соборное решение.

Изменение официально негативного отношения Рима к *filioque* происходило по мере роста германского политического и богословского влияния к концу X в. Символ с добавлением был впервые использован в Риме в 1014 г., во время коронации императора Генриха II. Папа Сергий IV, наследовавший умершему в 1009 г. Иоанну XII, включил *filioque* в свое окружное послание. Вполне возможно, что именно с этим связано то, что в Константинополе его имя не было внесено в диптихи. Вставка была соборно принята Западной церковью на Лионском соборе 1274 г. и подтверждена на Флорентийском в 1439 г. Для православной церкви осталось в силе решение собора патриарха Фотия 879–880 гг.

Вопрос о *filioque* был, пожалуй, главным богословским вопросом, обсуждавшимся в XI в. Помимо этого, обсуждались многочисленные обрядовые отличия, некоторые из которых могли в самом деле выражать разные богословские подходы (как, например, в вопросе о квасном или пресном хлебе, использовавшемся за литургией).

Политическая сторона дела состояла в конкуренции римских пап и константинопольских патриархов на территориях с общим влиянием (Балканы, южная Италия), а также в стремлении византийских

императоров принимать участие в этой конкуренции. Все эти обстоятельства привели к серьезному обострению отношений к середине XI столетия.

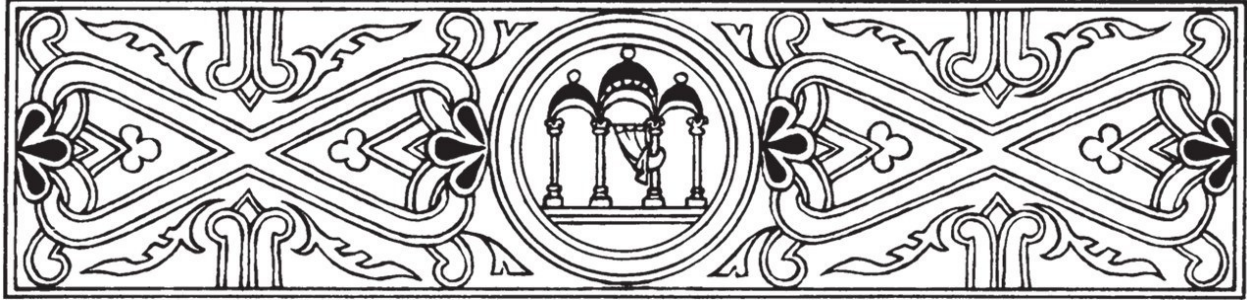
Летом 1054 г. в Константинополь прибыло посольство от римского папы Льва IX во главе с кардиналом Гумбертом. Поскольку посольство имело не только церковные, но и политические задачи (связанные с итальянскими проблемами и наступлением в Италии норманнов), то оно было направлено не только к патриарху Михаилу Кирулларию, но и к императору Константину IX Мономаху. Позже патриарх жаловался на то, что прибывшие послы не захотели даже поприветствовать его кивком головы, не говоря уже о подобающем поклоне. При этом в императорском дворце им был оказан торжественный прием. Несколько недель пребывания папских легатов в Константинополе стали примером настроенности на конфликт представителей церкви и попыток императора избежать конфликта между ними.

Сначала имело место богословское собеседование о спорных вопросах. По просьбе императора кардинал Гумберт составил «Доказательства происхождения Св. Духа от Отца и Сына». Отвечал ему с православной стороны Никита Стифат, ученик известного византийского святого и мистика Симеона Нового Богослова. Для богословского спора Гумберт, вероятно, подходил меньше всего. Он был человеком весьма ограниченной учености и искренне считал, что это греки убрали из Символа будто бы всегда имевшееся там *filioque*. При этом его ограниченность была весьма агрессивной, и он мог позволить себе обратиться к своим оппонентам как к «мятежным и неверным гречишкам». Понятно, что ученым грекам было несложно участвовать в такой полемике, и в конце концов легаты решились на крайний шаг: утром 16 июля они в присутствии константинопольского духовенства положили на алтарь храма Св. Софии грамоту об отлучении от церкви патриарха Михаила Кируллария и его сторонников. Остается открытым вопрос, насколько легаты папы имели какое-либо право предавать анафеме патриарха, в особенности с учетом того, что папа Лев к тому времени уже скончался и известия об этом уже должны были достигнуть Константинополя (папа умер 19 апреля). Тем не менее в последующей латинской традиции этот документ сомнению не подвергался. Легаты сразу же приготовились уехать из столицы, успев перед отъездом получить от императора богатые дары: Константину Мономаху было важно не только постараться воспрепятствовать церковному разделению, но и иметь папство в качестве союзника в Италии против норманнов.

Патриарх попытался вернуть легатов на собор для общего обсуждения ситуации, но те не вернулись. Как утверждал потом Гумберт – по совету императора, чтобы не подвергнуться расправе со стороны городской черни. Не дождавшись возвращения легатов, патриарх и собор подвергли их ответной анафеме. Впоследствии патриарх даже предполагал, что римское посольство могло быть инспирировано коварным византийским наместником в южной Италии Аргиром, который оказался противником союза с папством против норманнов.

Как бы то ни было, 1054 г. считается датой разделения церквей, и степень этого разделения в последующие века только нарастала, несмотря на искренние попытки в каждом поколении к умиротворению этого разделения. Взаимные анафемы, наложенные кардиналом Гумбертом и патриархом Михаилом Кирулларием в 1054 г., были сняты римским папой Павлом VI и Константинопольским патриархом Афинагором в 1965 г. Тем не менее самого по себе этого акта оказалось недостаточно для возвращения к древнему единству.

Глава восьмая
Византия и Крестовые походы (1099–1261
гг.)

Введение

Для Западной Европы Крестовые походы трудно назвать удачными. Иерусалим хоть и был захвачен западноевропейцами в 1099 г., был потерян меньше, чем через столетие. Основанные крестоносцами на Святой Земле и восточном Средиземноморье государства также были достаточно быстро отвоеваны арабами-мусульманами. Полуразрушенные крепости крестоносцев и сохранявшиеся еще в течение нескольких веков звучные титулы королей Иерусалима или князей Антиохии у ряда знатных европейских семей – вот, пожалуй, и все, что осталось от Крестовых походов.

Тем не менее для христианского Запада это было важнейшей эпохой осознания себя единым целым. Со времен Римской империи западноевропейцы не могли объединиться для какого-то общего дела. Лишь Западная церковь, по-прежнему сохранявшая свой центр в Риме и до середины XI в. находившаяся в единстве с православной Восточной церковью, напоминала о единстве западных христианских народов. Крестовые походы стали тем общим военным, политическим и религиозным предприятием, по ходу которого и короли, и их армии, и простой народ Запада осознали себя единым целым. Так что значение этой эпохи для Запада трудно переоценить.

Византийцы не участвовали в Крестовых походах. Однако армии крестоносцев часто проходили по территории империи и даже Константинополя. А монархи крестоносных государств формально были вассалами византийского императора. Так что взаимодействовать приходилось постоянно. Так продолжалось вплоть до 1204 г., когда сам Константинополь – неожиданно для всех! – был захвачен и разграблен армиями Четвертого Крестового похода. И чуть более, чем на полвека, Византийская империя превратилась в Латинскую империю, пока греки не отвоевали Константинополь в 1261 г.

После разорения 1204 г. Константинополь уже не смог возродиться в былом величии. А разделение церквей, произошедшее в 1054 г., после 1204 г. стало восприниматься всеми как осязаемая реальность.

1. Подготовка к Крестовым походам и их начало

Как ни странно, византийцы стоят у самых истоков Крестовых походов. В XI в. турки-сельджуки начинают заселять Малую Азию. Тут была как латентная колонизация (так еще в Античности варвары проникали на римскую территорию и селились на ней), так и военная экспансия. В 1071 г. в Великой Армении, при Манцикерте, турки разгромили армию византийского императора Романа IV (в которой, кстати, были и западные наемники), а сам император попал в плен.

Хотя император и был отпущен за большой выкуп (полтора миллиона золотых монет, плюс крупная дань в последующие годы), стало очевидно, что турки – это новая военная угроза, страшная не только для византийцев. Так оно и было. Не только Византийская империя пала в 1453 г. и уступила место Османской (турецкой) империи, но и для остальной Европы турецкое наступление было остановлено только в XVII в. под австрийской Веней. В ситуации новой опасности византийцы начинают думать о коалиции против турок.

В 1091 г. император Алексей Комнин отправил посольство к папе римскому Урбану, прося его участия в создании коалиции против турок – в этом общем для всех европейских христиан деле. Но тогда папа даже не ответил.

Но время шло, и настоящим поводом для Крестовых походов стала, конечно, не просьба византийского императора о помощи (хотя о его письме вспомнили в нужный момент), а те проблемы, с которыми стали сталкиваться на Святой Земле западные паломники. Действительно, по ходу XI в. мусульмане стали хуже относиться к христианским паломникам в Иерусалим. Брали с них дань или грабили. Каирский халиф Хаким в начале XI в. даже разрушил храм Воскресения Христова в Иерусалиме (он же – Храм Гроба Господня, как его позже назовут крестоносцы). Желание защитить своих паломников на Святой Земле от мусульман переросло в желание «освободить Гроб Господень от неверных».

Так это описывает византийская принцесса Анна Комнина, кстати – дочь императора Алексея Комнина, направившего папе римскому просьбу о помощи: «Один кельт по имени Петр по прозвищу Кукупетр отправился на поклонение Гробу Господню и, натерпевшись много бед от разорявших всю Азию турок и сарацин, едва вернулся в свои края. Не желая мириться с неудачей, он решил вновь отправиться в тот же путь. Но Петр понимал, что

ему нельзя больше идти к Гробу Господню одному, дабы не случилась беда, и поэтому он прибегнул к ловкой выдумке. Петр сделал следующее. Он возвестил во всех латинских странах: “Глас Божий велел мне объявить всем графам во Франции, чтобы они оставили свои дома и отправились на поклонение Гробу Господню и все сделали для освобождения Иерусалима из рук агарян”.

И выдумка удалась ему. Петр как будто покорил все души божественным гласом, и кельты начали стекаться отовсюду, кто откуда, с оружием, конями и прочим военным снаряжением. Общий порыв увлек их, и они заполнили все дороги. Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа женщин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звезд в небе, и на плечах у них были красные кресты»²⁰.

«Весь Запад, – заключает византийская принцесса, – все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столбов, все вместе стали переселяться в Азию; они двинулись в путь целыми семьями и прошли всю Европу»²¹.

Действительно, одним из вдохновителей похода был западный отшельник Петр Пустынник, так живо и не без скепсиса описанный Анной. Ну и конечно – папа римский Урбан. На соборе в Клермоне в 1096 г. они призвали западных христиан к походу на Святую Землю для освобождения Гроба Господня от неверных. То, что Анна пишет о «целых племенах варваров, вместе с семьями» было некоторым преувеличением. Но действительно, крестоносцы Первого похода состояли, с одной стороны, из армии под началом военной аристократии (короли в Первом Крестовом походе участия не принимали), а с другой – и из «народного ополчения», которое никому не подчинялось и шло толпой, состоящей далеко не только из способных к войне людей.

Первыми жертвами этого «народного» похода стали французские и немецкие евреи, которых толпа заставляла принимать крещение. Евреи нередко искали убежище в замке епископа, и многие из них предпочли смерть насильственной смене веры. Логика крестоносцев была такой: если мы идем воевать с неверными на Святой Земле, то как мы будем терпеть «неверных» у себя под боком? Впрочем, римский папа вскоре объявил эти насильственные крещения недействительными, но для европейских еврейских общин эти погромы времен Первого и Второго Крестового похода стали большой травмой, ведь ни на Западе до того, ни в Византии вообще не было еврейских погромов.

Неудивительно, что такие выплески ксенофобии (а они нередко являются обратной стороной обретения собственной идентичности и единства) не могли не повториться и на византийской территории, где отличия местного населения от крестоносцев и в языке, и в культуре были очевидны. Более того – уже прошла пара поколений со времени разделений церковей в 1054 г., так что при желании можно было считать православных христиан «не совсем своими». Конфликты были связаны с тем, что крестоносцы, проходя через Балканы, считали, что местные крестьяне должны заниматься их снабжением. А византийские крестьяне далеко не всегда хотели так участвовать в «общем деле».

В 1097 г. армия крестоносцев прошла через Константинополь. Ее предводители присягнули на верность императору, ведь все земли, которые они собирались освободить, некогда были землями Византийской империи. Впрочем, для феодальной системы Средневековья, понятной французским и немецким рыцарям, признание императора своим сюзереном еще не значило подчинения ему на деле.

В 1097 г. крестоносцы взяли Антиохию. А в 1099 г. – Иерусалим. Эти два города станут центрами крестоносных государств на Ближнем Востоке – княжество Антиохийское и Иерусалимское королевство.

Взятие Иерусалима в июле 1099 г. стало примером той удивительной энергии и воодушевления, которые были у участников первых крестовых походов: защитников хорошо укрепленного Иерусалима было чуть ли не больше, чем осаждавших. В городе оставалось около 30 тыс. человек, вскоре должна была подойти египетская армия. Христиане были из города высланы во избежание измены. У крестоносцев было около 1200 рыцарей и 12 тыс. пехотинцев. Первые, неудачные, попытки штурма города были предприняты 13 июня. Но взят Иерусалим был только через месяц – 13 июля.

Взятие города, долго сопротивлявшегося, сопровождалось чудовищной резней мусульманского и немногочисленного еврейского населения. Так об этом пишет один из современников, Раймунд Ажилский: «Произошли чудесные сцены, достойные запечатления. Некоторые из наших людей – и это были еще самые милосердные – отрезали головы врагам. Другие же сражали их стрелами, некоторые кидали их живьем в огонь или долго пытали и медленно убивали. Улицы были заполнены грудями срубленных голов, рук и ног. Так что даже ходить по улицам, не спотыкаясь об эти конечности и головы, было довольно затруднительно»²². Иногда даже говорят, что было перебито чуть ли не все мусульманское население Иерусалима. Скорее всего, это было обычное для варваров трехдневное

разорение сопротивлявшегося города. После него еще несколько дней шла продажа в рабство жителей завоеванного Иерусалима.

2. Государства крестоносцев

Крестоносцы после завоевания Иерусалима в 1097 г. и успешного завершения Первого Крестового похода приступили к устройству «мирной жизни». Конечно, никакой мирной жизни в действительности не было: мусульмане сдаваться не собирались, а лишь копили силы для контрнаступления. Тем не менее европейцы начали устраивать свои государства на Ближнем Востоке – «на Леванте», как тогда говорили. Главным из них было Иерусалимское королевство (включавшее примерно территорию современных Израиля и Иордании), также были графство Триполи (Ливан), княжество Антиохийское и графство Эдесское (Сирия). Эти государства были устроены по всем правилам западноевропейского феодализма того времени. В качестве верховного сюзерена признавался византийский император (ведь его же земли освободили крестоносцы). За ним шел король Иерусалима, реальная власть которого очень зависела от его взаимоотношений со своими вассалами. Сами крестоносцы были в первую очередь военными. Энергии и средств им хватало, но количество европейцев, переселившихся на Левант, было недостаточным. Поэтому римскому папе приходилось провозглашать новые и новые крестовые походы для того, чтобы поддержать то, что было достигнуто участниками Первого Крестового похода.

В структуру новых государств было вписано и местное население, городское и сельское. Конечно, главными союзниками крестоносцев стали местные христиане, которые поддержали их, независимо от конфессиональных различий. В связи с этим крестоносцы были вынуждены не особенно принуждать их к переходу в католичество. Так, патриарший престол Иерусалима или Антиохии был замещен католическими епископами, но православная иерархия, духовенство, монастыри все-таки оставались (параллельно новоучрежденным католическим) и не особенно притеснялись.

Интересный пример сотрудничества – храмостроительство. Крестоносцы оставили на Ближнем Востоке много крепостных сооружений, но также много храмов. Фактически все основные храмы на Святой Земле, связанные с путями паломников, были построены или перестроены крестоносцами. В том числе и Храм Гроба Господня в Иерусалиме. Очень часто эти храмы строились западноевропейскими строителями, а расписывались византийскими мастерами. Это и Храм Гроба Господня, и

монастырь в Абу-Гоше под Иерусалимом, и византийская мозаика и фрески XII в. в Храме Рождества Христова в Вифлееме, реставрацию и роспись которого византийцы смогли осуществить в годы правления крестоносцев. Стиль фресок и мозаик – совершенно византийский. Но часто надписи на них делались на латинском языке: верный знак того, что заказчиками являлись крестоносцы. На колоннах вифлеемского Храма Рождества изображены в византийском стиле святые, которые никогда не были в византийских святцах, однако их имена носили крестоносцы. Такое творческое и художественное сотрудничество продолжалось вплоть до Четвертого Крестового похода, положившего конец взаимному доверию.

Несколько особняком в отношениях Византии и крестоносцев – французов, англичан, немцев – стоят отношения Византии и итальянских городов-государств, в первую очередь Венеции. Контакты между Византией и Венецией начались задолго до Крестовых походов.

Венеция была основана римлянами в 421 г. на северо-востоке Италии на «глубоком канале» – Rivus Altus (Rialto). Заболоченная местность вокруг и множество островов в дельте реки давало римлянам возможность спастись здесь от варварских нашествий. Так это описывает Кассиодор – римский историк VI в.: «Эти достойные похвалы венеты, многие из которых были некогда людьми знатными, расселились на юге до самой Равенны и берегов По, а на востоке дошли до красивейшего ионического побережья, где прилив то заключает в свои объятия прибрежные земли, то, отступая, вновь возвращает их людям... Здесь бедняк на равных говорит с богачом, все едят одну и ту же пищу, живут в хижинах и никто никому не завидует, ибо жилища всех похожи одно на другое, а посему жизнь их размеренна и беспорочна, в то время как весь прочий мир разъедает порок зависти... Все силы этих людей уходят на добычу соли». Это была та часть Италии, которая дольше всего оставалась под властью Восточной Римской империи в качестве Равеннского экзархата. Но и после падения Равеннского экзархата в 751 г. Венеция осталась под византийским покровительством. В 828 г. венецианцы перевозят к себе из Александрии мощи ап. Марка, и это обстоятельство – помимо монополии на соль и успешной торговли – способствует повышению международного статуса Венеции. В X–XI вв. венецианцы добиваются выгодных торговых договоров с византийцами, снижения пошлин и открытия для них основных портов империи. На это они получают императорские *хрисовулы* – грамоты с золотыми печатями императора. Для византийской армии венецианцы становятся главным перевозчиком на Адриатике.

Для армий крестоносцев венецианцы также стали основными перевозчиками, то есть получили важный инструмент контроля над ними. Морская торговля крестоносных государств оказалась в их руках. По ходу первых крестовых походов венецианцы не претендовали на земельные владения, однако брали под свое управление морские порты и прилегающие к ним кварталы. Так, основной доход от торговли пряностями, специями и другими восточными товарами, которые стали проникать в Европу благодаря Крестовым походам, оказывался в руках Венеции, которая постепенно становится – после Константинополя – богатейшим городом Европы.

Успех Первого Крестового похода сделал идею крестоносного движения еще более популярной. Второй Крестовый поход – 1147–1149 гг. – возглавили уже не просто западноевропейские аристократы, а монархи – французский король Людовик Святой и германский император Конрад. Тем не менее в конце XII в. крестоносцы потерпели сокрушительное поражение от мусульманского полководца Салах Аддина (Саладин в европейской традиции) и в 1187 г. потеряли Иерусалим. Во главе Третьего Крестового похода – 1189–1192 гг. – стояли уже три монарха: Фридрих Барбаросса Германский, Ричард Львиное Сердце Английский и Филипп II Французский. Но даже такой масштаб экспедиции не смог спасти положение: в XIII в. в руках у крестоносцев осталась узкая полоска Святой Земли вдоль Средиземного моря (без Иерусалима) со столицей в приморском Акко. Это называется обычно Вторым Иерусалимским Королевством, в составе которого Иерусалима уже не было.

3. Четвертый Крестовый поход. Захват Зары (1202 г.)

Четвертый Крестовый поход, объявленный папой Иннокентием III, стал единственным большим крестовым походом, участники которого так и не дошли до Иерусалима. Их основным «достижением» стал захват Константинополя и разрушение Византийской империи, которая почти на 40 лет – до 1261 г. – прекратила свое существование.

Конечно, такое развитие событий было неожиданно для всех. И для самих крестоносцев в первую очередь. Они планировали попасть на Святую Землю через Египет, минуя сухопутный путь по византийской территории. Везти их на своих кораблях должны были, конечно же, венецианцы. Армия была велика, но во главе ее не было коронованных особ. Так что и средств тоже было меньше. К лету 1202 г. флот был готов, но в Венецию прибыло гораздо меньше крестоносцев, чем предполагалось: около 12 тыс. вместо 35. Поэтому назначенная венецианцами сумма на перевоз – 85 тыс. марок, а это более 20 тонн серебром, – была для них неподъемна. Быть может, венецианский дож Энрико Дандоло это знал заранее, когда просил именно такую сумму? А пока 12 тыс. крестоносцев сидели на острове Лидо и уже начинали испытывать нужду. Дож понимал, что им придется свою перевозку «отработать».

И здесь впервые оружие крестоносцев было повернуто не против «неверных», а против христиан. Одним из конкурентов Венеции в Адриатическом море давно был город Зара (современный Задар в Хорватии), в то время находившийся под контролем венгерского короля. Так вот, дож Энрико Дандоло решил направить против Зары крестоносцев. Удивительным было то, что венгерский король сам был среди участников крестового похода. И даже являлся единственным монархом, к этому походу присоединившимся. И вот основные силы крестоносцев занялись разорением его города.

Папа Иннокентий заранее осудил эту экспедицию и пригрозил отлучением всем, кто примет участие в разрушении христианского – к тому же католического – города. Впрочем, некоторые крестоносцы изначально отказались участвовать в этом деле и покинули Венецию. Среди них был, например, граф Симон де Монфор, участник прежних крестовых походов, возглавивший через несколько лет крестовый поход против альбигойцев,

еретиков южной Франции (его сын станет создателем Английского парламента).

В ноябре 1202 г. город после недельной осады был взят и разграблен. Городские укрепления срыты. Поскольку приближалась зима, то и крестоносцы, и армия венецианцев остались зимовать в Заре, конфликтуя друг с другом. Зимой их настигло обещанное отлучение папы. Вскоре оно было снято с крестоносцев, однако еще оставлено на венецианцах как организаторах этого предприятия. Впрочем, венецианцам было не привыкать: их конфликты с папским престолом были почти постоянными. К сожалению, разорение Зары оказалось только прелюдией: в следующем 1203 г. крестоносцы и венецианцы отправились отсюда к Константинополю.

4. Первая осада Константинополя (1203 г.)

Раньше все крестоносцы шли через Константинополь. Участники Четвертого Крестового похода планировали высадиться в Египте, так как именно от Фатимидского Египта исходила основная опасность для Иерусалимского королевства. После смерти Салах Аддина в 1193 г. (вскоре после того, как он отвоевал Иерусалим у крестоносцев) Египет был ослаблен, и крестоносцы надеялись на его быстрое завоевание. Некоторые историки считали, что венецианцы, имевшие торговые интересы в Египте, специально отвлекли крестоносцев от этого направления. Другие говорят, что предводители крестоносцев просто вернулись к более привычному маршруту – через Константинополь. Но здесь, надо сказать, печальную роль сыграли сами византийцы в силу никогда не прекращавшейся у них борьбы за императорский трон.

Еще в 1195 г. Алексей III Ангел отстранил от власти и ослепил своего старшего брата Исаака. Дочь Исаака была женой германского императора Филиппа Швабского (соответственно, были хорошие контакты с Западом), а его сын Алексей считал себя несправедливо отстраненным от власти и искал удобного момента, чтобы эту власть вернуть. Так, в 1203 г. он оказался в лагере крестоносцев в Заре, обещая и им, и венецианцам большие выгоды в случае возвращения на трон его и его отца. Так, с наступлением весны крестоносцы на венецианских кораблях вместе с Алексеем отплыли из Зары в направлении Константинополя, чтобы – по дороге на Святую Землю – принять участие в восстановлении на Константинопольском престоле бывшего императора Исаака Ангела.

Алексей, сын Исаака и потенциальный будущий император, знал, кому что посулить. Папе Иннокентию он обещал восстановление единства православной церкви с римской, крестоносцам – большие денежные выплаты и личное участие во главе византийской армии в Крестовом походе. Венецианцы собирались получить компенсации за отнятое у них после итальянских погромов в Константинополе имущество, а также вернуть себе монополию на торговлю в Византии, которой ее лишали генуэзцы и другие итальянские конкуренты. Поддержать Алексея и его отца Исаака представлялось им хорошей и вполне законной возможностью достичь своих целей.

В июле 1203 г. крестоносцы начали осаду Константинополя. Участник тех событий француз Жоффруа де Виллардуэн так описывает первые

впечатления крестоносцев от Константинополя: «Те, кто его никогда не видел, не могли и представить себе, что на свете может существовать такой богатый город. Когда они увидели эти высокие стены, эти могучие башни, которыми он весь был огражден кругом, эти богатые дворцы, эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог поверить, если бы не видел собственными глазами. Также и длину, и ширину города, который превосходил все другие города. И знайте, что не было такого храбреца, который не содрогнулся бы, да это и вовсе не было удивительно; ибо с тех пор, как сотворен мир, никогда столь великое дело не предпринималось таким числом людей»²³.

Благодаря венецианскому флоту крестоносцы доминировали не только на суше, но и на море. Пригороды столицы были захвачены, а также была захвачена Галата – район Константинополя по ту сторону Золотого Рога. Это дало возможность расположить часть венецианского флота в заливе и вести осаду и штурм с кораблей.

Возможно, исход событий был бы другим, если бы император Алексей III не решился бежать, фактически оставив город своему сверженному старшему брату Исааку, который томился в тюрьме, и его племяннику Алексею. Может быть, он решил, что так сохранит город от взятия и разорения крестоносцами. Впрочем, сам Алексей III, пережил и своих родственников-конкурентов, и многих крестоносцев, умерев в изгнании в 1211 г.

Так, летом 1203 г. крестоносцы восстановили на престоле Исаака Ангела и его сына Алексея: они настояли на том, чтобы он был венчан как император. При этом город не очень пострадал во время осады и военных действий. Он еще не был разорен: его захват и разорение произойдет через год – в 1204 г., – когда новые правители окажутся не в состоянии выполнить свои обещания перед союзниками.

К осени Алексей и Исаак смогли собрать около 100 тыс. марок – это было половиной суммы, которую они обещали крестоносцам. На таких условиях крестоносцы не согласились покинуть город, и они договорились остаться еще на год. Конечно, это вызывало новые расход и недовольство горожан. В декабре по городу прокатились антилатинские погромы, и в начале 1204 г. недовольные горожане попытались подвигнуть императоров на борьбу с крестоносцами. Те не решились, и 25 января 1204 г. оба соправителя были официально низложены в Софии Константинопольской. Во главе движения оказался аристократ и придворный деятель Алексей Дука Мурзуфл. Алексей IV был им убит в тюрьме, а Исаак умер, узнав о гибели сына. Это было началом открытой конфронтации с крестоносцами,

которые еще надеялись что-то получить от Алексея IV, но не могли ничего ждать от нового императора.

5. Вторая осада и разорение Константинополя крестоносцами (1204 г.)

Сомневаться в намерениях крестоносцев теперь уже не приходилось. В марте 1204 г., еще до осады, их предводители договорились с венецианцами о предстоящем разделе Константинополя и всей Византийской империи. Они договорились о том, что, помимо дележа добычи, теперь и император, и патриарх будут из латинян: императора после победы изберет совет из шести венецианцев и шести французов. Если император окажется французом, тогда патриарх будет венецианцем. Лидеры крестоносцев получают свои надель в империи и дадут привычную им феодальную присягу новому императору. Лишь венецианский дож будет от нее освобожден, а Венеция в первую очередь будет контролировать места, важные для торговли. Так, устройство будущей Латинской империи было оговорено еще до захвата Константинополя.

Штурм города, который был крестоносцами отрететирован еще в прошлом, 1203 г., продолжался несколько дней, и 13 апреля 1204 г. крестоносцы вошли в город. Император Алексей V Мурзуфл бежал. По обыкновению того времени, сопротивлявшийся город был предан трехдневному разорению. И этот грабеж, больше чем сама осада, привел к тем катастрофическим последствиям, которыми известен для Константинополя 1204 г.

Так об этом пишет Жоффруа де Виллардуэн в своей «Завоевание Константинополя»: «Огонь начал распространяться по городу, который вскоре ярко запылал и горел всю ночь и весь следующий день до самого вечера. В Константинополе это был уже третий пожар с тех пор, как франки и венецианцы пришли на эту землю, и в городе сгорело больше домов, чем можно насчитать в любом из трех самых больших городов Французского королевства.

Затем последовали резня и грабежи; греков убивали направо и налево, забирали как добычу и их ездовых лошадей, и боевых коней, и мулов, и жеребят, и прочее добро. Убитых и раненых было столько, что не сосчитать. Но в то время уже миновало шесть часов, и наши люди устали сражаться и убивать. Войска стали собираться на большой площади Константинополя.

Все было сделано в соответствии с планом...

Остальная часть армии, которая разбрелась по городу, тоже захватила изрядную добычу, которая была столь велика, что никто не мог бы ни подсчитать, ни оценить ее. Она включала в себя золото, и серебро, и утварь, и драгоценные камни, и шелковые материи, и одеяния из атласа, и мантии беличьего меха и подбитые мехом горносталя, и всяческие драгоценные вещи, какие только могут быть на земле».

И Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, со всей правдивостью свидетельствует, что «со времени Сотворения мира никогда не было захвачено столько добычи в одном городе».

Действительно, город обезлюдел и выгорел. Вместе со зданиями сгорали памятники искусства и книги. Все, что было можно, крестоносцы старались увезти в свои страны. Сохранившиеся от пожаров драгоценности, иконы, книги, святыни – все это делилось или просто присваивалось отдельными крестоносцами и затем оказывалось на Западе. Так, большая часть византийских икон и сокровищ, и сегодня находящихся в кафедральном венецианском соборе Сан-Марко, оказалось там в результате Четвертого Крестового похода. Веками стоящая на Сан-Марко квадрига является античной четверкой лошадей, украшавшей константинопольский ипподром. Король Людовик построил в Париже «Святую часовню» – Sainte Chapelle, – специально для святынь, вывезенных из Константинополя. Туринская плащаница также оказалась во Франции, – а затем и в Италии, – будучи вывезенной крестоносцами. Нет, наверное, ни одного большого храма во Франции или северной Италии, где не было бы вывезенных из Константинополя святынь и сокровищ. Но не меньше их, наверное, погибло в огне пожаров. Даже после освобождения Константинополя греками в 1261 г. город уже никогда не вернулся к тем масштабам благоустроенности, которые были у него до завоевания и разорения крестоносцами.

Как и в случае с Зарой, участники разорения Константинополя были осуждены и на время отлучены папой Иннокентием. Для Восточной и Западной церквей 1204 г. стал тем временем, когда разделение, совершившееся «официально» в 1054 г., стало всеми ощутимо: отделенность православных от Рима помогало крестоносцам убедить себя в том, что не такой уж Константинополь и христианский город, тогда как зверства и варварства крестоносцев убеждали византийцев в том, что так поступать с собратьями могут только еретики.

6. Латинская империя и греческие государства

Итак, в 1204 г. Византийская империя примерно на полвека прекращает свое существование как единое государство, а на ее месте устанавливаются Латинская империя и ряд греческих государств, борющихся с крестоносцами и иногда друг с другом за восстановление Византии. Константинополь будет освобожден греками в 1261 г., и империя просуществует еще почти два столетия, до 1453 г.

Казалось, правители православных стран смирились с политическим доминированием Запада, олицетворением единства которого был римский папа. Так, уже в 1204 г. Болгарский царь Калоян был коронован рукой римского кардинала. Стефан Сербский Первовенчаный получил в 1217 г. королевскую корону от римского папы, так же как и русский князь Галицкий Даниил в 1253 г.

Латинским императором в Константинополе был избран и коронован в Святой Софии граф Балдуин Фландрский. Патриархом стал венецианец Тома Морозини. Латинская империя была устроена как феодальное государство – по типу Фландрии или северной Франции. Контролируемая крестоносцами часть Византии была поделена на множество феодалов, держатели которых приносили присягу императору. Так, из крупных владений, в Греции возникает Фессалоникийское королевство и Афинско-Фиванское герцогство, на Пелопоннесе – княжество Ахайское. Сам Константинополь был поделен между императором, которому по договору досталось 5/8 города, и венецианцами, которые получили остальные 3/8 вместе с храмом Святой Софии. Весь этот конгломерат владений на византийской территории европейцы называли Романией, а ученые часто называют Латинской Романией.

Основную выгоду получили венецианцы. Они не только контролировали часть Константинополя и некоторое количество плодородных земель в разных областях, но и множество небольших опорных пунктов, крайне важных для ведения торговли: это некоторые города Адриатического побережья, Ионийские острова, некоторые острова в Эгейском море, несколько портов в южном Пелопоннесе, остров Крит, города во Фракии. Дож Венеции Энрико Дандоло был освобожден от присяги императору (все-таки он являлся главой республики), получил византийский титул деспота и назывался «правителем четверти с половиной всей империи Романии» (как раз тех самых трех восьмых). Если сами государства

крестоносцев окажутся не слишком долговечными, то венецианское правление – основанное на контроле за торговлей по всему восточному Средиземноморью – переживет и Латинскую империю, и Византию. Еще в XVIII в. Венеция будет вести войны с Османской империей за сохранение своих островных владений. А греческий остров Корфу (Керкира) так и не был никогда завоеван турками, оставаясь под контролем Венеции.

На Пелопоннесе также долго сохранялись следы присутствия франкских баронов. Центром их правления стал город Мистра недалеко от древней Спарты, который в XIV–XV вв. останется центром полунезависимых от Константинополя греческих княжеств. Стены, башни, замки крестоносцев и сегодня видны в Мистре и многих других городках Пелопоннеса, или Мореи, как эта область называлась на латинском языке. Хроника Мореи, написанная по-латыни, – одно из интереснейших средневековых произведений, описывающих жизнь крестоносцев в Романии.

В изобразительном искусстве так называемая Критская школа тоже стала результатом соединения византийского и итальянского. Внутри этой школы был воспитан и такой выдающийся художник, как Эль Греко: критский грек – Доменик Теотокопулос, – талант которого достиг своего расцвета уже в Испании.

Греческих государств, образовавшихся из осколков Византии, было три: Никейская империя в Малой Азии (недалеко от Константинополя), Эпирский деспотат на северо-западе Греции и Трапезундская империя на северо-востоке Малой Азии, на берегах Черного моря. Еще была Болгария, сыгравшая свою роль в сокращении дней Латинской империи.

Трапезундская империя находилась слишком далеко от центра событий, так что она стала региональным государством и центром притяжения для понтийских греков, пережив в XV в. саму Византию. Эпирский деспотат был относительно небольшим государством, так что основным оказалась именно Никея.

Никея, находящаяся всего лишь в сотне километров от Константинополя, была большим укрепленным городом, куда после 1204 г. смогли переехать многие представители константинопольской элиты. В том числе и Феодор Ласкарь, полководец и государственный деятель, которого многие были готовы видеть императором накануне 1204 г. Балдуин Фландрский сразу после завоевания Константинополя был готов идти походом на Никею, и лишь неудачи крестоносцев в войне с Болгарией положили конец их надеждам на скорое завоевание Никеи. Первый латинский император Константинополя даже умер в болгарском плену.

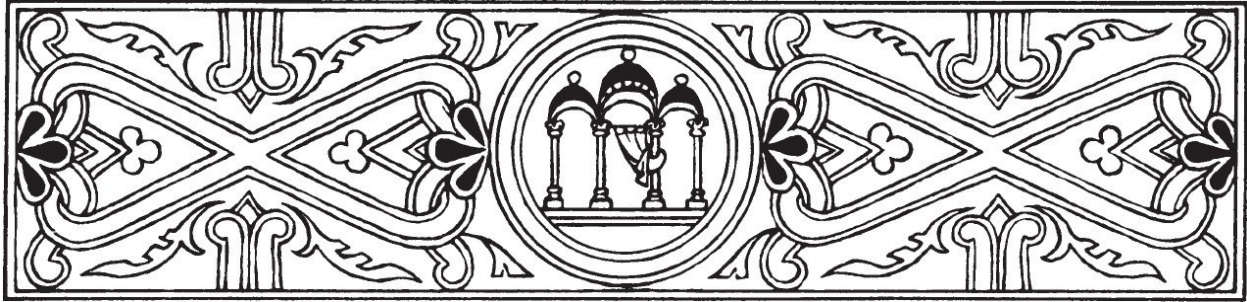
В 1204 г. православный Константинопольский патриарх уехал в Болгарию. Вскоре патриарший престол все-таки оказался в Никее. Это стало важным фактором консолидации византийцев вокруг Никейской империи.

В 1240-е гг. в Малой Азии оказались монголы (незадолго до этого разорившие Русь). Здесь их удар пришелся в первую очередь по туркам-сельджукам Иконийского султаната. И хотя Никейская империя заключила союз с турками против нового врага, вступить в войну она не успела. То, что монголы ослабили Иконийский султанат – повернув после этого опять в другом направлении, – тоже помогло потом обезопасить восточную границу Никейской империи. Трапезундская империя, как раз принявшая на себя часть удара, на время даже стала данником монголов.

Так, турки стали скорее союзниками Никейской империи. Позже среди союзников оказалась Генуя, чьи торговые интересы постоянно пересекались на востоке с венецианскими. И все это происходило на фоне достаточно неудачного развития Латинской империи, которая была здесь лишена какой бы то ни было поддержки местного населения. Эта ситуация была неудобна и для крестоносного движения в целом: вместо того чтобы направлять все силы и ресурсы на Святую Землю, приходилось поддерживать латинские государства на территории Византии. В самом Константинополе – кроме его ограбления в 1204 г. – латинское правление оставило след разве что в возведении контрфорсов у храма Святой Софии, действительно способствовавших дальнейшему сохранению храма.

Когда в июле 1261 г. отряды Михаила Палеолога, последнего никейского императора, вошли в Константинополь, латиняне даже не оказали сопротивления. Все произошло настолько неожиданно, что даже сам Михаил был в это время в Малой Азии. Конечно, его вход в город в начале августа был триумфальным, и вскоре он был повторно коронован в Св. Софии, став основателем последней византийской династии – Палеологов.

Глава девятая
Палеологи: последняя византийская
династия (1261–1453 гг.)

Введение

Эпохой Палеологов – по имени последней императорской династии – называют последние два столетия жизни Византийской империи. От возвращения Константинополя от крестоносцев в руки византийцев в 1261 г. и до завоевания города турками-османами в 1453 г., когда империя прекратила свое существование. Это не очень много в сравнении с более чем тысячелетней византийской историей. При этом династия Палеологов – последняя! – стала самой продолжительной в византийской и римской истории. Двести лет – это, например, время жизни Российской империи и Петербурга в качестве ее столицы. Действительно, целая эпоха.

К концу XIII в. от Византийской империи мало что оставалось: Македония и Фракия, часть Пелопоннеса, некоторые острова, проливы, небольшая часть Малой Азии с Никеей. И конечно же, Константинополь. Но даже это маленькое государство только сокращалось, пока в 1453 г. не пал Константинополь. Римское государство началось с одного города и закончилось завоеванием его преемника – Нового Рима. Основателем Константинополя и первым его императором был Константин Великий, последним – Константин XI, погибший при обороне города 29 мая 1453 г.

Но при такой все убывающей роли Византийского государства в XIV–XV вв. особенности и значение византийской культуры и церкви стали еще более заметны: многие сохранившиеся в Константинополе и на Пелопоннесе памятники византийской архитектуры и искусства – именно палеологовского времени (например, монастырь Хора с ее фресками или развалины города Мистра на Пелопоннесе, вблизи древней Спарты). Не говоря уже о византийском искусстве вне пределов Византии: вплоть до Сербии, а также Руси до самого Новгорода (творчество Феофана Грека). Большая часть византийских писателей, имена и тексты которых нам известны, также жили, как ни странно, в XIV–XV вв. Византийские учителя учили итальянских гуманистов XIV–XV столетий греческому языку и литературе.

Этот расцвет византийской культуры перед ее закатом коснулся и православной церкви в Византии: исихастское движение XIV в., богословие которого было сформулировано св. Григорием Паламой, стало одним из наиболее заметных явлений в духовной жизни того времени. Значение таких монашеских центров, как Афон и Синай, или же роль Константинопольского патриарха, имя которого понимали за

богослужением даже в далеком Киеве и Москве, была несравнимо важнее для всего православного мира, чем значение самой угасающей империи, размеры которой фактически свелись к одному городу.

1. Восстановление империи

Михаил Палеолог (1224/1225–1282) был последним императором Никейской империи, возникшей после завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г., и первым императором восстановленной Византийской, после отвоевания Константинополя его армией в 1261 г. Иногда даже говорят, что империя Палеологов была Никейской империей, но только с отвоеванным Константинополем.

В 1260 г. Михаил пытался осадить Константинополь, но крестоносцы, хотя и голодали, защищали его упорно. А на следующий год город был взят почти случайно одним из полководцев Михаила: цезарь Алексей Стратигопул с небольшим конным отрядом в 800 человек отправился в небольшую карательную экспедицию против Эпирского деспота, нарушившего свою присягу Никее. По пути он узнал от торговцев, что основная армия крестоносцев покинула город и император Балдуин II де Куртене остался там с немногочисленным гарнизоном. У Алексея даже не было времени отправить гонцов в Никею. Небольшая армия византийцев вошла в Константинополь через потаенный подземный ход, и город был взят почти без сопротивления. Последний император Латинской империи бежал. Вскоре Михаил Палеолог вошел в Константинополь через Золотые ворота и был повторно коронован в Софии Константинопольской уже как император возрожденной Византии.

Константинополь после 1261 г. кардинально отличался от того, чем он был до 1204 г. Он значительно обезлюдел, хотя все равно оставался одним из самых больших городов Европы. Главное, он не смог возродиться после пожаров и разорения 1204 г. Целые кварталы города были сожжены и более не застраивались. Многие императорские дворцы и дома знати не могли быть восстановлены в прежнем великолепии, так как экономическое состояние Латинской, а потом и Палеологовской империи было далеко не тем, что раньше. Конечно, византийские авторы говорили и о том, что образ жизни тогдашних европейцев – с их открытым дымом и отсутствием гигиены – тоже поспособствовали тому, что после крестоносцев дворцы остались закопченными и загаженными. Храмы были разорены, так как все ценное, что можно было увезти, было увезено в Венецию, Париж и Рим. Монастыри обезлюдели, ведь православным монахам было проще спастись на Афоне или в отдаленных монастырях, а не в захваченном Константинополе. Так что Никея, не переживавшая разорений, конечно,

была куда более обустроенным городом. Однако историческое очарование и значение Константинополя оказывались так велики, что не было и вопроса о том, надо ли столицу вернуть обратно. Так и в XX в. Константинопольский патриарх будет оставаться в Стамбуле, хотя греков в городе уже почти не было.

В первые годы восстановленной Византии главная опасность грозила по-прежнему с Запада. Уже не от крестоносцев, а от так называемого Королевства обеих Сицилий и его короля Карла Анжуйского (1227–1285). Карл был младшим братом французского короля Людовика Святого. С помощью папы римского он смог сместить в южной Италии сына германского императора и объединить под своей властью юг Италии со столицей в Неаполе и Сицилию. Его влияние было велико и в Риме, и в северной Италии. Однако планы Карла простирались гораздо дальше, его идеалом было королевство, обнимавшее если не пределы Римской империи (это мечта была скорее его конкурента – германского императора), то Средиземноморье. Для французского аристократа эпохи Крестовых походов эта мечта была вполне понятной. Французы тысячами переезжали в его владения, впрочем отвлекаясь таким образом от участия непосредственно в Крестовых походах, столь важных для Людовика Святого. Поэтому Людовик как раз и препятствовал – насколько позволяли феодальные правила – многим военным начинаниям своего младшего брата.

У Карла оказался и последний император Латинской империи, передавший ему права на часть своих владений. Это лишь усилило интерес Карла к восточному Средиземноморью. Он начал создавать коалицию против Византии. Среди его союзников был даже Эпирский деспот. В 1271 г. Карл стал королем Албанским. В 1278 г. – князем Ахейским. С 1277 г. он был еще и королем Иерусалимского королевства. Титулярным, но все же имевшим определенные рычаги влияния (например, его поддерживали тамплиеры). Так, к началу 1280-х годов Карл становится одним из влиятельнейших монархов Европы и сильнейшим королем Средиземноморья. В этой ситуации поход против Константинополя становился лишь делом времени.

Михаил Палеолог хорошо понимал грозившую Византии опасность. И он прилагал большие усилия, чтобы сдерживать Карла. Это была давняя византийская традиция: использовать дипломатию там, где не хватило силы. Так, он ведет с папой римским переговоры об унии, лично приезжая для этого в Лион, во владения Людовика Святого. Взятое им обязательство объединить Византийскую церковь с Римской на несколько лет сделало и

папу, и короля Франции противниками идей Карла по завоеванию Константинополя. Когда Людовик Святой умер, а в Риме поняли всю несбыточность планов унии, Михаилу пришлось искать поддержку в тылу Карла Анжуйского. Так, он материально поддерживал Арагонского короля Педро в его приготовлениях против Карла. Но главным оказалась организационная и материальная поддержка восстания, которое было поднято против Карла и французов на Сицилии, когда приготовления к походу на Константинополь были уже завершены. 29 марта 1282 г. в Палермо началось восстание, и в первый же день сицилийцами было вырезано около 2000 французов. Этот день получил название «Сицилийской вечерни». Затем оно распространилось и на другие города острова. Флот Карла, приготовленный для отправки против Византии, был сожжен, а восставшие предложили сицилийскую корону арагонскому королю, давно готовому к вторжению. Сицилия была для Карла потеряна, и думать об экспедиции в Константинополь становилось бессмысленно. Все эти события были, несомненно, выдающимися достижениями Михаила и византийской дипломатии.

2. Лионская уния

Собор католической церкви, состоявшийся во французском Лионе в 1274 г., у католиков считается четырнадцатым вселенским. Для православных он памятен тем, что византийский император отправил туда посольство, чтобы подписать унию с католической церковью. Считалось даже, что Михаил лично принимал участие в соборе. Со временем это мнение было опровергнуто, хотя Михаил действительно много сил посвятил поискам союза с папой и с французским королем Людовиком Святым. Посольство в Лион возглавлял Георгий Акрополит, соратник Михаила и автор «Истории» – важнейшего источника по истории Никейской империи. То, что во главе делегации был светский человек, государственный чиновник, лишь подчеркивает политический характер унии. Михаилу было важно заручиться поддержкой потенциальных западных союзников против Карла Анжуйского, готовившего поход на Константинополь. И добиться этого можно было через папу и французского короля. Но тем было важно подтвердить единство церкви под главенством Рима, по крайней мере подготовка этого объединения позволила бы им удерживать Карла от его завоевательных планов.

Конечно, сначала Михаил искал поддержку своих объединительных планов у своего епископата. И не нашел. Затем среди его сторонников оказался патриарх Иоанн Векк, которого Михаил уже успел подержать в тюрьме за противодействие своей униатской политике. Наверное, Иоанн Векк действительно имел возможность в тюрьме многое почитать и счел за лучшее решить, что различия в вероучении православной и католической церкви не так уж велики. Впрочем, в этом он был потом последователен.

Византийская делегация в Лионе, состоявшая из мирян, не должна была вести богословские дискуссии. Ее целью было подписание соглашения об объединении с католиками на основании первенства папы римского и признания латинского Символа Веры. Это соглашение подписывалось Георгием Акрополитом от имени императора. Собор был еще интересен тем, что среди его участников должен был быть Фома Аквинский – выдающийся западный богослов и философ. Но он умер по пути. Также в его работе принимал участие Бонавентура и умер во время собора. Из важного для Запада: на соборе были официально признаны францисканский и доминиканский ордены.

Итак, в 1274 г. соглашения об объединении православной и католической церкви были подписаны. Он имени достаточно представительного западного собора и личного представителя византийского императора. Вероятно, Михаил VIII Палеолог понимал, что заставить православное духовенство принять унию у него не получится. Это безуспешно пытался сделать патриарх Иоанн Векк и его немногочисленные сторонники. Но несколько лет союза с папой и французским королем было им выиграно: Карлу Анжуйскому поход на Византию, готовившуюся к принятию унии под личным надзором императора, был строго запрещен. Кончилось это в 1281 г., когда папа понял, что никакой унии не будет, и официально одобрил планы Карла. Впрочем, через год последовала «Сицилийская вечерня». Видимо, для Михаила и уния, и «вечерня» были явлениями одного порядка: дипломатическими успехами по сохранению Византии от военной опасности.

Впрочем, Михаил лично оставался верен унии, подписанной его представителем. Это стоило ему – императору, восстановившему византийскую империю из ее никейского полубытия, – лишения православного погребения после его кончины в 1285 г. Впрочем, католического погребения его лишили тоже: католики не простили ему того, что его «личная уния» не стала делом всей православной церкви.

Лионский собор стал и для Запада, и для Востока примером того, как не надо готовить объединение церквей. Стало очевидно, что отсутствие дискуссий – при наличии лишь декларативного согласия одной стороны на признание вероучения другой – единству не поможет. А одобрение таких решений императором еще не означает принятия их его церковью – хороший пример того, что «цезарепапизма» как такового в Византии не существовало даже при сильных императорах: функции духовной и светской власти были разделены.

Уроки Лионского собора будут во многом учтены при подготовке следующего объединительного собора – Флорентийского, который состоится почти через два столетия. На нем будут и дискуссии, и представительные церковные делегации. Его неуспех – накануне падения Византии – будет связан уже с другими факторами.

3. Византийский исихазм XIV в

Если говорить о важнейших явлениях византийской духовной культуры палеологовского времени – XIV–XV вв., – то одним из основных будет то, что часто называют *исихазмом*. Этот термин происходит от греческого слова «исихия» – молчание, безмолвие. В техническом смысле это понятие связано с одним из элементов православной монашеской традиции – молитвы, которая рождается в созерцательном безмолвии пустыни. Шире – с определенным видением Бога, человека и мира, которое было сформулировано византийским богословом и святым XIV столетия Григорием Паламой. Так что существующая веками философия и практика может быть сформулирована не в начале своего бытования, а на каком-то определенном этапе своего развития, когда возникает дискуссия. Иногда византийский исихазм называют паламизмом, по имени Григория Паламы – богослова, который его не «придумал», но сформулировал.

«Исихастские споры» в Византии середины XIV в. не ограничивались рамками одного лишь ученого богословия, но повлияли и на развитие монашества, и на искусство, иконопись, литературу. Исихазм повлиял даже на весьма далекие от Византии страны, хотя и входившие в круг ее религиозного и культурного влияния. Так, например, расцвет монашества на севере Руси во время преподобного Сергия Радонежского и его учеников тоже был частью исихастского движения XIV в. Так же и русское изобразительное искусство той эпохи с шедеврами Феофана Грека, Андрея Рублева, Дионисия.

«Исихастские споры» XIV в. были связаны в первую очередь с именами двух людей – Григория Паламы (1296– 1359) и Варлаама Калабрийца (1290–1348).

Варлаам был образованным греком из южной Италии. Уже во взрослом возрасте, будучи монахом и священником, он переехал в Константинополь, где получил место преподавателя философии в императорском университете. Как уроженцу Италии, ему была знакома проблематика диалога с католиками. Знал он и языки. В 1333–1334 гг. ему были поручены важные переговоры с католиками, а в 1339 г. он ездил во французский Авиньон для встречи и переговоров с самим римским папой. Переговоры не были удачными, однако в Авиньоне Варлаам познакомился с Петраркой. Это знакомство будет для него очень важным, и после отъезда из Византии в Италию в начале 1340-х гг. Варлаам даже стал его учителем

древнегреческого языка... По ходу переговоров с католиками Варлаам написал несколько антилатинских сочинений, которые заметил – и совсем не одобрил! – Григорий Палама.

Палама происходил из аристократической константинопольской семьи. Отец его был сенатором. Учился будущий святой в константинопольском университете и был хорошо знаком с императором Андроником II. Его главным наставником являлся Федор Метохит – выдающийся византийский ученый, писатель и философ того времени. Однако Палама не пошел на государственную службу – как было естественно человеку его происхождения и образования, – а в 20 лет удалился монахом на Афон. Сочетание большой учености, близости к верхам византийского общества с большим опытом монашеской и аскетической жизни стало характерно для всего его мироощущения и творчества. Всю свою жизнь Палама много писал, но его произведения были не отвлеченного характера, а касались либо его пастырского служения, либо богословских проблем того времени, либо каких-то конкретных жизненных обстоятельств: проповеди, богословские сочинения, касающиеся «исихастской полемики», диалоги, письма из турецкого плена... В конце 1340-х гг. Григорий был избран архиепископом Фессалоники, второго по значению города империи. Прославлен в лике святых он был менее чем через десять лет после своей кончины. И сегодня его мощи пребывают в Фессалонике в новом кафедральном соборе, носящем его имя.

Итак, в антилатинских сочинениях Варлаама Паламу задел следующий момент: Варлаам призывал католиков отказаться от своих новых богословских учений и вернуться к догматам неразделенной церкви на основании того, что Бог непознаваем. Поэтому лучше не искать нового, а следовать доброму старому. Интересно, что такого рода религиозного консерватизма придерживались многие византийские агностики и даже неоязычники (как, например, философ Плифон в XV в.): в своих философских построениях они выходили далеко за пределы христианства, но в формальной религиозности оставались консерваторами именно на основании своего агностицизма.

Григорий Палама, как и другие византийские богословы, внесшие свой вклад в жизнь церкви, считали Бога до известной степени познаваемым и ведомым, ведь иначе общение с ним не имело бы смысла. Конечно, это общение было не просто интеллектуальным размышлением, но и молитвенным общением с ним. Неудивительно, что дискуссия Паламы и Варлаама скоро перешла в спор о молитве и молитвенных практиках, распространенных в тогдашнем византийском монашестве. Ведь они оба

были монахами, а монахи обычно посвящают больше времени и внимания молитве, чем миряне.

Судя по всему, Варлаам как-то заехал на Афон и познакомился с практическими приемами молитвы, которыми пользовались монахи. Приемы эти были связаны с необходимостью концентрации внимания, а значит, с определенными дыхательными практиками и положением тела во время молитвы. Для Варлаама, приехавшего с Запада, это казалось «христианской йогой». Он даже называл монахов «пупо-душниками» за то, что некоторые из них на молитве долго сидели, согнувшись и концентрируя взгляд в районе пупа.

Вернувшись с Афона, Варлаам издал брошюру, в которой критиковал эту «христианскую йогу» и вообще монашескую непросвещенность. Критиковал он и новое для него учение о свете, который иногда видели монахи, считая этот свет божественным и нетварным. На это Палама тоже ответил, и очень подробно. Он не отрицал того, что монахи бывают просты и далеки от учености. И тем не менее их богопознание может быть совершенно подлинным, а богословие, основанное на собственном духовном опыте, соответствующим опыту церкви – глубоким и настоящим. В своем большом произведении «Триады в защиту священнобезмолвствующих» Григорий Палама сформулировал и описал на современном ему философском и богословском языке тот опыт, который переживали современные ему монахи, по крайней мере лучшие из них. Здесь важно, что Палама сам был монахом, находясь при этом на высоте светской и гуманитарной учености того времени. Все это ставит «Триады» в ряд выдающихся богословских произведений Византии.

Спор Паламы и Варлаама – и его последователей – обсуждался в Константинополе на нескольких соборах в 1341, 1347 и 1351 гг. Хотя эти соборы не являлись вселенскими, а были поместными соборами Константинопольской церкви, их значение сопоставимо со Вселенскими соборами древности. На этих соборах в первую очередь речь шла о Божественных энергиях и Фаворском свете. Говорилось о различии в Боге непознаваемой Сущности и его Энергий, через которые человек соединяется с Богом. Энергии тоже являются частью Божества, поэтому они были названы нетварными, то есть не относящимися к порядку материального мира. При этом их можно – учили отцы «паламитских» соборов – даже увидеть в виде Света. Апостолы видели его на Фаворской горе в момент Преображения, и его же подвижники могут видеть в своем созерцании.

Интересно, что расцвет византийского искусства в XIV в. тоже часто связывают с победой исихастских взглядов на человека, на возможность для каждого человека реального богообщения, не только книжного или интеллектуального. Совершенно особое изображение света на византийских иконах той эпохи – вплоть до фресок Феофана Грека в Новгороде и Дионисия в Ферапонтовом монастыре на севере Руси – также было частью этого «византийского гуманизма», в центре которого стояла проблема общения человека с Богом, достаточно отличного при этом от гуманизма западноевропейского. Так, победа исихазма отразилась не только на Константинополе, византийском монашестве или даже византийском искусстве, но и на культуре тех стран, которые входили в сферу влияния Византии и константинопольской церкви.

Исихазм – как и само византийское монашество – был движением интернациональным. Он далеко превосходил рамки все уменьшающейся Византийской империи. Так, Григория Паламу поддерживал византийский император Иоанн Кантакузин. Но исихазм касался и греков, давно живших за пределами империи в мусульманском мире (одним из его важных деятелей был св. Григорий Синаит – из Синайского монастыря в Египте), и славянских стран (митрополит Киприан Цамблак – болгарин, ставший Киевским митрополитом). Ученик Паламы, ставший Константинопольским патриархом и прославивший своего учителя в лике святых, – Филофей Коккин, – был наполовину еврейского происхождения. Так, исихазм стал, пожалуй, одним из последних важных явлений в духовной жизни Византии, превосходившим ее границы и надолго пережившим саму империю.

4. Византия и турки

Если варварские нашествия разрушили в V в. Западную Римскую империю, то и Византия, можно сказать, погибла от того же. Только на тысячу лет позже – в XV в. Она смогла пережить все волны переселения народов, которые докатывались до нее в IV и V вв. Пережила войны с персами, хотя они доходили до самого Константинополя. Арабо-мусульманское завоевание VII в., хоть и отторгло у империи Северную Африку и Ближний Восток, все же остановилось у стен Константинополя и не смогло продвинуться дальше. Славянские народы основали свои государства на Балканском полуострове, но приняли христианство и, таким образом, вошли в «византийское содружество». А вот турок дряхлеющая империя уже не смогла остановить, и они заняли ее место. Османская империя в течение нескольких веков жила фактически в тех же размерах, что и Византийская в эпоху своего расцвета. Только на месте греков, с их греческим языком и культурой, оказались турки. А вместо христианства – турецкий ислам. И христианство, и греческая культура (как и культуры славянские) в Османской империи сохранялись, но уже на вторых ролях.

Родиной тюркских народов, к которым относятся турки, является Алтай и степи Центральной Азии. Возможно, к ним относились и древние гунны. В таком случае проникновение тюрков на Балканы и в Малую Азию можно датировать концом IV в. Тюркского происхождения были и болгары, давшие названия в последующем славянской стране. Впрочем, эти племена достаточно быстро ассимилировались в более многочисленном иноязычном окружении. Тюрками нередко были кочевники, беспокоившие рубежи Византийской империи. Например, печенеги, с которыми византийцы (а также славяне) общались в IX–XI вв. Переломным моментом стал XI в., когда турки-сельджуки начали массово проникать в Малую Азию и оседать на земле. Важнейшим военно-политическим событием стала битва при Манцикерте в 1071 г., когда сельджукский султан нанес сокрушительное поражение византийской армии, взяв в плен императора Романа IV Диогена. Тюркские союзники Византии стали переходить на сторону сельджуков, и это явилось началом их этнической и государственной консолидации. Из кочевников они стали превращаться в земледельцев, постепенно проникая все в новые районы Малой Азии. В 1299 г. один из тюркских правителей по имени Осман провозгласил свое княжество

самостоятельным, положив начало династии, которая будет править в Османской империи до ее конца в 1922 г.

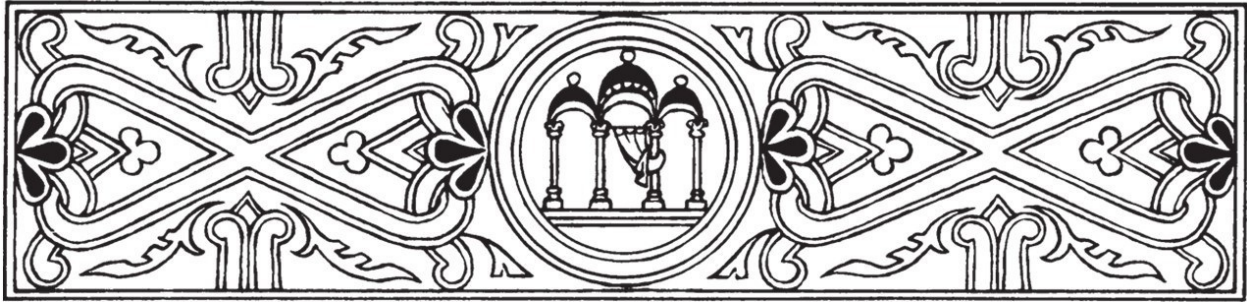
Так, в XIII–XIV вв. постепенно складываются тюркские государства, которые были постоянными конкурентами (аиногдасоюзниками) крестоносцев, а затем возрожденной в 1261 г. Византийской империи. Император Иоанн Кантакузин впервые использовал турок как союзников в гражданских войнах. А в 1356 г. турецкая армия впервые высадилась на европейском берегу проливов и овладела полуостровом Галлиполи. Турецкое государство стало утверждаться на Балканах, то есть в Европе. Меньше чем через 10 лет, в 1365 г., столицей турок стал фракийский Адрианополь. В 1389 г. произошла битва между сербами и турками на Косовом поле. Сербский князь Лазарь погиб вместе с цветом сербского войска и народа. Погиб и турецкий султан Мурад, но это сражение положило начало подчинению Сербии Османам.

В 1393 г. турки взяли болгарскую столицу Тырново, после чего начали завоевание Греции. В 1396 г. под Никополем турками было разбито войско крестоносцев, которым командовал венгерский король Сигизмунд. Путь на Константинополь был открыт, и в течение нескольких лет султан Баязит держал Константинополь в осаде. Намерения турок покончить с остатками империи были самые решительные. Но пока что перевес в морских силах оставался на стороне византийцев и их союзников-генуэзцев.

Но главным фактором в спасении города оказалось нашествие Тамерлана (Тимура) на Малую Азию. Султан Баязит встретился с его войском около Анкары в 1402 г. Турки были разбиты, а сам султан попал в плен, где через год умер. Благодаря этому неожиданному удару среднеазиатских кочевников в тыл Османам Константинополь получил еще полвека жизни.

После короткого периода междоусобиц Османское государство вновь почувствовало себя уверенно. Оно уже давно располагалось и с азиатской стороны Босфора, и с европейской – на Балканах. Сколько в таком окружении еще мог бы простоять Константинополь? В 1430-х гг. византийские власти обратились к последнему, как им казалось, способу найти союзников – к новым переговорам с католической церковью и с римским папой. Результатом этих переговоров стало такое яркое – но при этом неудачное – событие, как Флорентийская уния 1439 г.

Глава десятая
Византия и Флорентийский собор 1439 г

Введение

После того как в 1054 г. Западная и Восточная церковь разделились, в каждом поколении были люди, старавшиеся восстановить утраченное единство. Они были как в Константинополе, который остался центром Восточной церкви, которая стала называть себя православной (правоверной), так и в Риме, который был центром Западной церкви, за которой закрепилось название католической (вселенской). Каждая из церквей видела в себе продолжение древней неразделенной церкви, а в своем «сопернике» того, кто это единство нарушил. Но и в Византии, и в Риме помнили о том, что в течение многих веков Западная и Восточная церкви были едины, а краткие периоды конфликтов и даже прекращения совместного служения литургии и причащения (так называемое евхаристическое общение между церквями) достаточно быстро заканчивались.

Флорентийский собор стал самой масштабной попыткой вернуть это единство: на нем собрались представители всех православных патриархатов (включая главу Русской церкви с целой делегацией), а также папа римский и авторитетнейшие представители католической церкви. Собор оказался неудачным: его решения не восстановили единства между христианским Западом и Востоком, но только усилили их отчуждение. Он состоялся всего за полтора десятилетия до падения Византийской империи – до захвата турками-османами Константинополя в 1453 г. Это было последнее византийское поколение.

1. Политическое состояние Византийской империи

По своему государственному и культурному преемству Византийская империя была продолжением Римской. В конце четвертого столетия Римская империя разделилась на Западную с центром в Риме и Восточную со столицей в Новом Риме – Константинополе – построенном императором Константином Великим в начале IV в. В 476 г. Западная Римская империя пала под натиском варваров, а Восточная сохранилась и пережила свою западную «сестру» почти на тысячелетие. Концом Восточной Римской империи принято считать 1453 г. – захват Константинополя турками. Более того, византийцы не знали, что ученые эпохи Возрождения назовут их государство Византией, а их самих – византийцами. Для них государство оставалось римским, а сами они – римлянами: по-гречески – ромеями. То, что их языком был греческий, а не латынь, никого не смущало: на Востоке Римской империи всегда говорили по-гречески.

Конечно, к XV в. империя уже не раз переродилась. Увеличивалась, уменьшалась, выходила из кризисов. Да и какое государство может оставаться неизменным на протяжении тысячелетия? В XV в. от империи оставалась только столица – Константинополь, стратегическое положение которого на стыке двух континентов позволяло городу сохраниться даже в той ситуации, когда враги уже захватили все вокруг. В конце XI столетия тюркские племена начали заселение Малой Азии, постепенно создавая там свои государства. В середине XIV в. они впервые перебравшись на европейскую сторону империи, начав ее планомерное завоевание. Константинополь мог быть завоеван турками на 50 лет раньше, и лишь наступление Тамерлана и его победа под Анкарой в 1402 г. дало Византии еще полстолетия. Новый союз с Западом (в том числе через церковную унию) для многих византийцев представлялся единственным шансом на спасение столицы и постепенное отвоевание у турок своей страны.

Последней императорской династией в Византии были Палеологи. Они правили, начиная с изгнания крестоносцев из Константинополя в 1261 г. и вплоть до его завоевания турками в 1453 г. Император, будучи главой аристократического клана, являлся не просто «сильнейшим», как в первые века Византии, но именно представителем земельной аристократии. Что касается ремесла и торговли, то они уже давно были в руках итальянских республик, и говорить о какой-либо конкуренции с ними уже не приходилось.

При такой предсмертной слабости государства византийское культурное и религиозное влияние распространялось далеко за пределы символической империи. Большинство греческого народа уже жило на территории Османской империи. Все славянские православные народы находились под культурным и религиозным влиянием Византии. Даже Русская церковь, со всей своей огромной территорией, являлась частью Константинопольского патриархата, так что русские митрополиты утверждались в византийской столице и нередко были по происхождению греками. Вместе с ними приезжали на Русь иконописцы, архитекторы, образованные люди со своими рукописями.

Византийская культура в последние два века своей жизни стала в своем роде «серебряным веком»: многие памятники, сохранившиеся сегодня в Стамбуле, были воздвигнуты и расписаны как раз в палеологовское время. Большинство (!) известных нам византийских писателей жили в XIII–XIV вв. Немало образованных греков уезжало в Италию, где они становились преподавателями древнегреческого языка, литературы, философии, ведь про Античность в Византии никогда не забывали. И это стало очень важным фактором для итальянского Возрождения.

2. Церковь в Византии и ее отличия от Римско-Католической

Между церквами Рима и Константинополя давно существовали культурные и политические различия. Можно сказать, что конфликт между греками и римлянами – куда более древний, чем само христианство. Затем это противостояние было усилено политическим соперничеством между двумя столицами империи – Старым и Новым Римом, один из которых олицетворял латинскую часть римского мира, а другой – греческую. Церкви обеих столиц постепенно оказались во главе этих величайших культурных центров, унаследовав в некоторой мере их культурное и политическое соперничество. Однако в первом тысячелетии христианской истории это противостояние не повреждало вероучительного единства церкви, но лишь прибавляло ей человеческого и культурного разнообразия.

Продолжительные разделения в церкви происходят не из-за политики или культурных различий, но в связи с вероучением: та или иная община вводила новые элементы в христианское учение (догматы), которые другими не признавались или даже осуждались как ложные (так называемые ереси).

В конце первого тысячелетия в Западной церкви начали появляться новые элементы вероучения, которые смущали Восточную церковь. Одно из этих богословских нововведений касалось учения о Святой Троице: на Западе стали учить о том, что Святой Дух – одно из трех лиц Святой Троицы – исходит не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына: *Filioque* – «и от Сына». Эти слова были даже добавлены в латинский текст Символа Веры. Начиная с VII в. это учение распространялось по перифериям западного мира, а папский престол долго отказывался его признавать и тем более вносить в Символ Веры.

Другим новшеством стало переосмысление роли римского епископа (папы). Связано это было с тем, что римская кафедра на Западе (в отличие от Византии) была единственным патриархатом, а также единственной кафедрой, основанной апостолами: апостол Петр считался первым епископом Рима. К этому прибавлялось значение Рима как имперской столицы. Конечно, все это делало роль римского папы для Западного мира уникальной. На Востоке папа воспринимался как один из пяти патриархов: наравне с ним были патриархи Александрии, Антохии, Иерусалима и, наконец, Нового Рима – Константинополя. Когда учение об

исключительности Рима в вопросах церковного управления начало оформляться в официальную доктрину, церкви на Востоке просто не понимали, как такое может быть.

Помимо этих двух моментов – *Filioque* и учения о папской власти, – были еще споры о том, на каком хлебе нужно служить литургию: на квасном или пресном. Со временем на католическом Западе появится учение о чистилище – третьем пространстве загробного мира, отличного от рая или ада.

Собор, собравшийся в Константинополе в 879–880 гг. по инициативе патриарха Фотия и в присутствии посланников от римского папы (его легатов) постановил, что к Символу Веры не может быть прибавлений (речь шла о *Filioque*), а если кто их введет, то подлежит анафеме. Это было последним общим решением церкви до раскола XI в.

3. Подготовка к собору

Каждое поколение византийцев стремилось разрешить проблему церковного разделения с Римом: они помнили и о прежнем единстве, и о заповеди Христовой – «да будут все едино». Единство могло быть восстановлено путем переговоров, а могло – путем одностороннего возвращения отступивших. Но в древности оно обычно восстанавливалось на соборах. В XIII в. император Михаил VIII Палеолог вступил с католической церковью в личную унию: он перешел в католичество на Лионском соборе 1274 г. Это не только не было признано православной церковью как пример для подражания, но и сам император оказался лишен христианского погребения: его отказались отпевать как православные, так и католики.

В 1430-х гг. появилась надежда на то, что единство Востока и Запада можно попытаться восстановить на общем соборе, а не путем личных переходов или закулисных переговоров. Связано это было с возрождением соборного движения на Западе, так называемым «консилиаризмом». Это движение за увеличение роли соборов в управлении церковью было реакцией на усиление власти папы, которое как для правителей, так и для епископов Германии и северных стран Европы было и неудобно, и непонятно исторически. Вылилось это в собор, который собрался в швейцарском Базеле без благословения папы Евгения IV, правившего в то время в Риме. Собор длился с 1431 по 1449 г. Все это время католическая церковь была фактически разделена на сторонников папы и сторонников собора. И для каждой стороны оказалась важна поддержка православной церкви. Сторонники собора – епископы из Германии, Швейцарии, Англии, Скандинавии – знали, что в православной церкви сохраняется соборная структура, а папские претензии на власть были одной из причин раскола. Так что у отцов Базельского собора были основания считать, что именно они могут найти общий язык с православными. И они позвали представителей православной церкви приехать на их собор для восстановления единства. Быть может, этот вариант был утерянным шансом для восстановления единства Востока и Запада, а также для того, чтобы избежать Реформации, ведь злоупотребления папства были одной из ее причин?

Узнав о переговорах «консилиаристов» с православными, папская сторона тоже стала предлагать православным общий собор. Созыв папой

собора, а уж тем более вместе с православными, лишил бы церковную оппозицию на Западе ее главных аргументов.

К кому стоило ехать византийцам? Вроде бы сходные представления о соборности сближали их с Базелем. Но исторически с католиками северных стран у византийцев было меньше контактов, чем с Римом. Италия воспринималась как очень близкая страна. Да и разделение произошло в свое время именно с Римской кафедрой! Был и политический вопрос: Византия видела в объединении с западными христианами возможность спасения Константинополя от турок. Это казалось возможным в случае объявления очередного крестового похода. А за это отвечал папа. Да и контактов было больше с итальянцами, которые имели свои торговые представительства (а заодно и монастыри) прямо в Галате – пригороде Константинополя.

Для византийцев был еще вариант устройства собора в Константинополе. Это могло бы стать видимым продолжением древних вселенских соборов, которые как раз и собирались на территории империи. Однако материальных ресурсов на это не имелось, а западным было дешевле привезти к себе православную делегацию, нежели ехать самим. Проведение собора на своей территории им было куда удобнее.

В итоге император Иоанн VIII Палеолог и патриарх Иосиф II решили вместе с большой православной делегацией отправиться в Италию на папских кораблях.

4. Путешествие в Италию и начало заседаний

Собор, который в католической церкви считается XVII Вселенским, длился с перерывами почти семь лет – 1438– 1445 гг. Он заседал сначала в Ферраре, потом во Флоренции и, наконец, в Риме. Православные принимали в нем участие в 1438–1439 гг., в Ферраре и во Флоренции. Византийская делегация состояла примерно из 30 человек, и в ней были представлены все поместные церкви, включая Русскую митрополию Константинопольского патриархата: она была представлена митрополитом Киевским Исидором и епископом Суздальским Авраамией вместе с их свитой.

Византийцы отплыли из Константинополя в конце ноября 1437 г. и прибыли в Венецию 8 февраля 1438 г. Переезд был совершен на папских кораблях и на папские средства. Дошло немало свидетельств греческих авторов об осторожном отношении многих членов делегации к перспективам собора еще до начала его работы. «Прибыв туда, мы немедленно на опыте узнали отношение к нам латинян, – писал св. Марк Эфесский, – иное, нежели надеялись. И немедленно нам пришлось отчаяться в благополучном конце».

Однако есть свидетельства и о том, что православные (а среди них и св. Марк Эфесский – единственный участник собора, не подписавший его решения) вначале воспринимали Флорентийский собор как возможность настоящего объединения, нового Торжества Православия. Вот что говорил Марк Эфесский в речи к папе Евгению IV на открытии собора в Ферраре: «Сегодня – предначаток всемирной радости. Сегодня члены Тела Христова, ранее разделенные и рассеченные в течение многих веков, спешат к взаимному единению. То, что некогда было объявлено как подлежащее рассмотрению Вселенского собора, то сегодня мы исполнили... О, ради самой Троицы, ради общей надежды, на которую и мы, и вы полагаетесь, не допустите, чтобы мы ушли без плода и без успеха!»

Он же говорил: «Я верил, что все у нас будет хорошо и мы совершим нечто великое и достойное нашего труда и надежд». При этом ряд обстоятельств окрашивали реальные ожидания православных участников в мрачные тона: полная финансовая зависимость православной стороны, связанное с этим проведение собора в Италии, а не в Константинополе, чрезмерная роль политической составляющей в позиции императора и исходящая из этого возможность насилия в принятии решений. По

свидетельству Марка Эфесского, чаемый собор перестал быть для них таковым чуть ли не до начала заседаний.

5. Проблематика дискуссий

В Ферраре успели обсудить проблему чистилища. Как казалось, наименее сложную. Учение о некоем «третьем пространстве» – не рае и не аде, – в котором души усопших очищаются очистительным огнем от несущественных прегрешений, возникло на Западе вскоре после разделения, а было принято как догмат – как раз на Флорентийском соборе. Марк Эфесский подробно говорил о православном представлении о посмертной участи человека, в котором не оказывалось места новому учению о чистилище. По учению св. Марка, пока еще никто из почивших не пришел в какое-либо окончательное состояние. Участь человека не решена прежде второго пришествия Христова и окончательного всеобщего суда. Почему? Потому что человеческий род един, как и все члены Церкви, независимо от времени их жизни, поэтому праведники, усопшие раньше, ожидают тех, кто последует за ними позже. Для первых нет окончательного блаженства без последних. До Воскресения плоти даже праведники не имеют полноты жизни.

Необходимость удовлетворить Божественное правосудие даже за прощенные грехи – в особенности за мелкие, «не смертные» – является одним из оснований представления о чистилище. «Но это-то весьма странно, – писал Марк, – если любовь, стирающая смертный грех, не может этого же сделать с малыми грехами... Положить начало покаянию – это во власти человека, а жить или умереть – это во власти Бога».

Дискуссия о чистилище была прекращена, поскольку стороны не смогли убедить друг друга и прийти к согласию. А византийскому императору было в данный момент важнее не прийти к церковному согласию, но заручиться одобрением и поддержкой папы в деле освобождения империи.

Ферраро-Флорентийский собор явился также определенным этапом в истории доктрины *Filioque*. Это касалось не столько самого богословия проблемы, сколько официального отношения к этому аспекту христианской пневматологии и триадологии как католической церкви, догматизировавшей свое учение, так и православной, выразившей свое отношение устами богословов, не присоединившихся к униатам. В первую очередь это, конечно же, св. Марк Эфесский и позже следовавшие за ним другие богословы.

На соборе дискуссия о *Filioque* разделилась на два этапа, четко различавшихся как тематически, так и по месту проведения: 1) дискуссия в

Ферраре о законности самого прибавления к Символу; 2) догматическая сторона доктрины, обсуждавшаяся уже во Флоренции.

Если дискуссии о прибавлении к Символу были начаты по инициативе православной стороны, то именно потому, что в этом вопросе тактическое преимущество было на их стороне: уже Третий Вселенский собор (431 г.) однозначно запрещает вносить какие-либо прибавления в Символ веры, утвержденный на Втором Вселенском соборе в Константинополе (381 г.). С точки зрения канонического права здесь не было темы для обсуждения. По этой причине дискуссия свелась к проблемам терминологии: действительно ли *Filioque* является прибавлением (*additio*) или же это пояснение (*explicatio*) того, что изначально содержалось в Символе.

Формально переезд из Феррары во Флоренцию был связан с эпидемией, а также желанием богатого города поучаствовать в расходах по приему собора. Греки восприняли удаление от берега как способ еще большего контроля над ними. Дорога по зимней погоде заняла около десяти дней. «На следующий день, вновь проехав расстояние около пяти часов пути, мы достигли Фаэнцы, – пишет в своих воспоминаниях о соборе византиец Сильвестр Сиропул. – Там мы тоже пробыли несколько дней, ожидая других лошадей из Флоренции». Интересно, что и сегодня, если ехать из Феррары во Флоренцию на пригородных поездах, пересадка – иной раз весьма длительная – делается в Фаэнце...

В середине февраля 1439 г. заседания собора были возобновлены во Флоренции, и на первом же из них император объявил о готовности греков перейти к обсуждению догмата *Filioque*. Здесь инициатива была уже на латинской стороне: если прежде восточные защищали свой Символ веры, то теперь западные – свой. Обсуждения происходили публично, им было посвящено девять заседаний. Единственным ответчиком с православной стороны во Флоренции остался св. Марк, митрополит Эфесский, представитель Антиохийского и Иерусалимского патриархатов. Его друзья и соратники по феррарскому этапу дискуссий – митрополиты Виссарион Никейский и Исидор Киевский – уже склонились к латинской трактовке, впечатлившись мощью и единством, как тогда казалось, западных богословов.

Главным в системе латинской аргументации было утверждение того, что исхождение Святого Духа «от Отца и Сына» не означает его исхождения «от двух начал». Но Отец и Сын вместе являются единым началом и причиной происхождения Духа Святого. Аргументация православной стороны была направлена на доказательство невозможности исхождения Духа Святого от Отца и Сына «как от одного начала и одним действием»

с точки зрения триадологии – учения о Святой Троице. С точки зрения триадологии древней неразделенной церкви, которой придерживались православные, новый западный догмат оказывался внутренне противоречивым.

Сессии, посвященные догмату *Filioque*, были решающими в истории собора: на них началось жесткое давление латинской стороны в пользу полного принятия ее условий и согласия на это (искреннего или вынужденного) верхушки восточной делегации. В этом вопросе восточные поддались. И уже после этого все остальные решения во Флоренции принимались по данному «пораженческому» сценарию.

В конце «ороса» (то есть определения), принятого Флорентийским собором, говорится о роли папы римского: «Святой апостольский престол и римский архиерей имеет первенство во всей вселенной. Римский архиерей является преемником блаженного Петра, главы апостолов, и истинным местоблюстителем Христа и главою всей церкви, отцом и учителем всех христиан. И ему, в лице блаженного Петра, была передана Господом нашим Иисусом Христом вся власть пасти, наставлять и управлять Вселенской Церковью»²⁴. Постановление Флорентийского собора о папской власти создавалось в контексте не столько греко-латинской полемики, сколько западных прений между Римом и консилиаристами. «Определение это, – пишет православный богослов и историк о. Иоанн Мейендорф, – было направлено в сторону западных участников собора более, нежели в сторону греков, и в этом отношении оно достигло желанного результата – по сути дела, единственного важного результата, достигнутого Флорентийским собором»²⁵.

Флорентийское определение – орос – было подписано 6 июля 1439 г. в недавно построенном новом соборе Флоренции – Санта-Мария Маджоре. Константинопольский патриарх Иосиф II к тому времени уже преставился, так что его имя не значится среди подписавших. Он был погребен во флорентийском храме Санта-Мария Нуова. На документе, изданном сразу на латинском и греческом языках, стоят подписи папы римского Евгения IV, затем византийского императора Иоанна VIII и членов их делегаций. Так это описывает Сильвестр Сиропул: «Греки знали, что орос подписан императором, подписали и они. Знали и латиняне, что он подписан греками и папой, подписали и они. При этом большинство не знало, что в нем написано».

Св. Марк Эфесский своей подписи под определением собора не поставил. Как передает тот же Сиропул, папа Евгений, узнав об этом,

сказал: «Значит, мы ничего не достигли». Марк Эфесский был не только одним из участников собора, но главным участником богословских дискуссий с православной стороны. К тому же он представлял два восточных патриархата и лично был человеком святой жизни. Его твердая позиция стала началом процесса, приведшего к отвержению Флорентийской унии всей полнотой православной церкви: сегодня нет ни одной униатской общины, которая возводила бы свое существование к Ферраро-Флорентийскому собору.

6. Полемика вокруг унии в Византии и ее отвержение

Отношение к Флорентийскому собору стало основным вопросом церковной жизни Византии 40-х – начала 50-х гг. XV столетия. Даже неизбежность османского завоевания Константинополя по степени значимости для церкви не могла сравниться с проблемой унии. У многих греческих авторов первой половины XV в. турецкая опасность не упоминалась вовсе, тогда как вопрос унии не удавалось обойти никому.

Сразу по возвращении в Константинополь большая часть участников собора денонсировала свои подписи под его решениями, оставив таким образом убежденных сторонников унии в меньшинстве. В мае 1440 г. был избран новый патриарх – Митрофан (патриарх Иосиф умер во Флоренции еще до окончания собора). Интересно, что во время выборов патриарха среди трех кандидатов не было ни одного активного сторонника унии, а Марк Эфесский сам отказался от внесения своего имени в число кандидатов. Св. Марк пробыл некоторое время в заключении и, выйдя из него в 1443 г., негласно возглавил сопротивление унии. Оно проявлялось в основном в отказе от совместного служения и посещения служб униатского патриарха. Император, поскольку не получил от Запада существенной помощи, поддерживал унию не особенно активно. В 1443 г. в Иерусалиме состоялся собор с участием трех восточных православных патриархов, который отверг флорентийские решения.

Митрополит Киевский Исидор сразу из Италии поехал в Москву, центр Русской митрополии, уже в качестве папского посланника – легата. В Успенском соборе московского Кремля он отслужил торжественную литургию, с поминовением папы и провозглашением флорентийского определения. Однако в Москве уния не нашла поддержку ни у церковных властей, ни у светских. После суда и непродолжительного заключения Исидор покинул Москву с тем, чтобы никогда в нее не возвращаться. Посетив Польшу и Венгрию, Исидор вернулся в Италию летом 1442 г.

В 1444–1445 гг. в Константинополе состоялось 15 богословских диспутов между униатами и православными. Целью обеих сторон было не столько переубедить друг друга, сколько убедить в своей правоте светскую власть: все 15 диспутов проходили в присутствии императора. Основными полемистами был епископ Бартоломео Лапаччи с католической стороны и Георгий Схоларий – с православной. Вскоре Георгий Схоларий принял

монашеский постриг с именем Геннадий и после смерти св. Марка летом 1445 г. фактически возглавил сопротивление унии в Константинополе.

С воцарением нового султана Мехмета II в 1451 г. стало ясно, что Константинополь ожидает осада. Новый византийский император Константин XI (брат умершего в 1448 г. Иоанна VIII) помнил о главном условии обещанной западной помощи – о рецепции Флорентийской унии. Похоже, что перед лицом надвигающейся опасности он имел в этом определенную народную поддержку: в 1452–1453 гг. униатские богослужения в Константинополе были многолюдны.

Пользуясь благоволением императора, папа отправил в Константинополь в качестве своего легата Исидора Киевского, который прибыл туда в октябре 1452 г. Формально дело кончилось обновлением унии 12 декабря 1452 г. в Софии Константинопольской во время торжественной литургии, в присутствии императора, легата и при большом стечении народа. После нового провозглашения (обновления) унии православная партия не сдала своих позиций. Геннадий Схоларий ушел в затвор в Константинополе, однако и оттуда продолжал писать и общаться со своими единомышленниками. По мере увеличения турецкой опасности и угасания надежды на западную помощь, все большее число людей теряло веру в оправданность унии. Так, время работало против ее сторонников, по крайней мере в Константинополе и греческих землях, захваченных турками.

После падения Константинополя 29 мая 1453 г. речи об унии уже не шло. В начале 1454 г. Геннадий Схоларий – ученик и последователь св. Марка Эфесского – был избран патриархом Константинопольским.

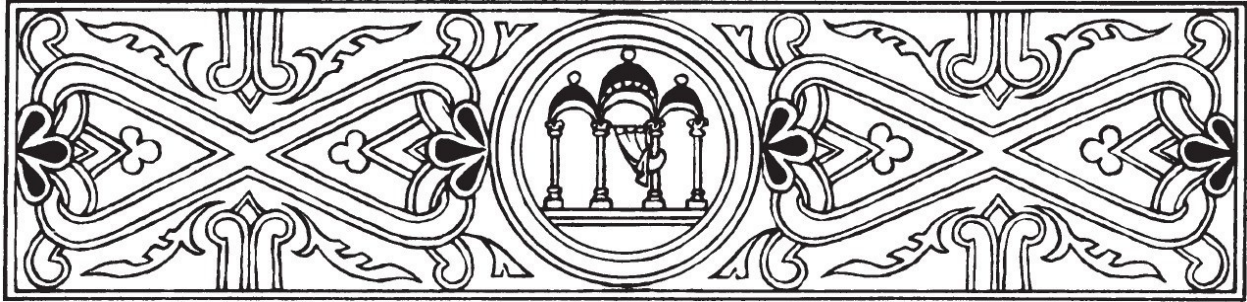
7. Последствия Флорентийского собора

Решения Ферраро-Флорентийского собора ни в чем не отступали от католического учения. Более того, собор утвердил в качестве догмата то новое учение о папской власти, которое до этого еще не было догматически принято на христианском Западе.

Но каким был долгосрочный результат флорентийской встречи? Византия не была спасена в результате унии. Несмотря на стойкость св. Марка Эфесского, подавляющее большинство участников собора подписало орос. И это было пусть кратковременной, но ощутимой победой латинского христианства. Ей сопутствовало обращение в католичество некоторой части византийской элиты и последующее еще большее отдаление друг от друга христианского Запада и Востока. Что касается переходов в католичество, та самыми известными именами были митрополиты Виссарион Никейский и Исидор Киевский. Они были призваны защищать православное учение, но были сломлены монолитной, как казалось, мощью западного христианского мира. Переехав в Италию вскоре после неудачи Флорентийского собора, они оба получили высокие места в западном обществе, много сделал для распространения греческой культуры и учености, а также не переставали призывать к крестовому походу ради освобождения своей родины от турок. Шок, произошедший в результате неудачного для православных собора, привел к тому, что отношение греческой церкви к западному христианству надолго станет более жестким, чем было раньше, а также и сказалось на последующем недоверии русских к православию греков. Для последующей греческой традиции истинным победителем на соборе стал Марк Эфесский, не убедивший в тот момент остальных, но проявивший невероятную личную твердость.

Для католической церкви собор оказался очень важным. Он стал серьезным шагом для победы папы над его конкурентами, собравшимися на Базельском соборе. Присоединил, пусть формально, Восточную церковь к католичеству: после унии с православными были еще заключены унии с рядом восточных церквей (армянами, яковитами, сирийцами Месопотамии, халдеями и маронитами). Но главное, была «легализована» папская власть и существовавшие к тому времени догматические новшества католичества. После этого путь к Реформации был неизбежен.

Глава одиннадцатая
Падение Константинополя, 1453 г

Введение

Константинополь – Новый Рим, – основанный императором Константином Великим 30 мая 330 г., пал 29 апреля 1453 г. Он был захвачен армией османского султана Мехмета II Фатиха (Завоевателя). До этого город, многократно подвергавшийся осадам, был взят врагами лишь однажды – в 1204 г. крестоносцами Четвертого Крестового похода. Все другие штурмы и осады, иногда длившиеся по несколько лет, не приводили ни к чему, кроме появления новых религиозных праздников (Покров) и новых литературных жанров (акафист и исламская апокалиптическая литература). Город, который почти что за 12 веков своей истории был захвачен лишь дважды, – уникален. Интересно, что и после османского завоевания он сохранил свое старое название – Константинополь. Он был официально переименован в Стамбул лишь в XX в.: при строительстве Ататюрком новой турецкой республики было решено, что вместо двух названий – Константинополь и Стамбул, – как раньше, теперь употребляться будет только одно, турецкое. Которое, кстати, тоже происходит от греческого «полис» – город (stim boli – в Город). Имелся в виду Город – с большой буквы.

1. Подготовка

Когда 29 мая 1453 г., во вторник, пал Константинополь, византийский (или скорее поствизантийский) историк середины XV в. Дука говорил об этом дне как о «мрачном дне, в который произошла конечная гибель нашего рода»²⁶. В действительности, сколько-нибудь могущественной империи не существовало уже давно, а большая часть греческого народа уже десятилетиями – а где-то даже веками – жила под владычеством турок. Однако малолюдный и платящий султану дань Константинополь все-таки оставался свободным и, несмотря ни на что, являлся олицетворением империи.

Насколько падение Константинополя стало для кого-то неожиданностью? Конечно, когда город за последнюю тысячу лет захватывался лишь однажды, могло быть ощущение того, что взять его практически невозможно. С другой стороны, со всех сторон уже была Османская империя, а экономическая и демографическая ситуация Константинополя была печальна. Историки говорят, что к 1453 г. в городе оставалось около 50 тыс. жителей обоего пола. Это при том, что во время расцвета (V–VII вв.) в Константинополе жило около миллиона человек, как некогда в Риме. За 50 лет до захвата Константинополь был спасен неожиданным поражением, которое турки потерпели в 1402 г. под Анкарой от Тамерлана. В 30-е гг. император Мануил II был вынужден стать данником султана, а с воцарением в 1451 г. молодого султана Мехмета планы по скорейшему захвату Константинополя и перенесению туда османской столицы из Адрианополя даже не скрывались.

Подготовка к взятию города началась со строительства крепости Румели Хисар, которая и сегодня стоит на европейском берегу Босфора к северу от Стамбула, в самой узкой части пролива. Напротив нее, с восточной стороны, уже возвышалась турецкая крепость Анатоли Хисар. Эти крепости должны были перерезать возможность военной помощи и подвоза продовольствия с севера. Румели Хисар была возведена очень быстро, за четыре с половиной месяца. Когда византийский император Константин XI пытался протестовать, Мехмет прислал ему следующий ответ: «От твоего города я не отнимаю ничего. За пределами своего рва твой город не имеет ничего... Если же еще кто-то явится ко мне по этом делу, с него будет содрана кожа». Это было вполне в стиле султана: про него рассказывали, что он любил ходить переодетым по своей столице, по Адрианополью, и сам

убивал каждого, кто не сумел скрыть, что не вовремя узнал своего повелителя. Характер восточного деспота сочетался у него со знакомством с греческим языком и византийской культурой, а его мать – наложница Мурада II – была греческого происхождения. Взятие Константинополя сделало Мехмета II одним из наиболее выдающихся османских правителей, а его империю – той Османской империей, заместившей собой Византию, с которой вплоть до начала XX в. будут иметь дело и русские, и европейцы.

2. Осада и завоевание

Завоевание Константинополя стало одной из самых масштабных военных операций того времени. Историки XV в. говорили, что в армии султана было задействовано до четверти миллиона человек (при общем населении Константинополя в 50 тыс.). Помимо массовости турецкой армии, при осаде использовалось множество инженерных приспособлений. «Проводя все те ночи без сна и беспокоясь, – писал о султанине византийский историк Дука, – он не оставлял дум о городе, часто беря в руки бумагу и чернила и чертя план города, показывая сведущим в укреплениях, где и как поставить боевые машины и укрепления, где провести подкопы и вход в ров и лестницы к какой стене поставить, – а попросту сказать, всякое приготовление обдумывал он ночью, а рано утром по его приказу все делалось, потому что руководил он находчиво и очень хитро».

Одной из характерных особенностей этой осады было использование артиллерии. Здесь турки смогли достичь максимума для своего времени. Мехмет взял к себе на службу выдающегося пушечного инженера того времени – венгра Урбана (он раньше работал в Константинополе). Помимо других орудий, Урбан отлил самую крупную для того времени пушку. Похоже, что ее длина превышала 8 метров, весила она более 30 тонн, а вес ядра был почти 600 кг. И хотя на пушке уже на второй день ее использования стали появляться трещины, а к концу осады она развалилась, ущерб от нее для стен города был значительным. Пролом в стене, через который турки вошли в Константинополь 29 мая 1453 г., был создан в том числе и этой гигантской пушкой. В 1464 г. турки отлили чуть уменьшенный вариант этой пушки, который использовался еще в XIX в., и он сохранился до сих пор.

По словам Дуки, «участвовавшие в сражении турки были в числе двадцати против одного ромея, который к тому же был не так искусен в военном деле, как встречавшийся турок»²⁷. Тем не менее операция по взятию города продолжалась около двух месяцев. Основная часть турецкой армии сосредоточилась вдоль сухопутных западных стен. Там же, около ворот св. Романа, 2 апреля была установлена ставка султана. 7 апреля полетели первые ядра, а 8 апреля начался штурм. К северу турки окружили Галату, – «итальянский» пригород Константинополя, – дабы генуэзцы соблюдали обещанный нейтралитет. С моря Константинополь тоже был

блокирован небольшими, но очень многочисленными турецкими кораблями.

20 апреля произошло первое морское сражение за эту осаду. Четыре генуэзских корабля и один византийский прорывались со стороны островов в Константинополь. Их встретили сотни турецких кораблей. Они смогли прорваться к гавани, уничтожив греческим огнем несколько десятков кораблей противника.

В начале осажденные делали вылазки, достаточно удачные, но при небольшом количестве защитников города это было все-таки рискованно. Использовали византийцы и инженерные хитрости. Так, они разрушали турецкие подкопы с помощью встречных подкопов, подрывая их вместе с находившимися там турками. Руководил этим «германец Иоанн, весьма искусный в военных подкопах и в изготовлении пороха». В течение многих дней первых штурмов защитники города залатывали стены, очищали ночью ров, который турки днем старались засыпать, уничтожали осадные орудия.

Северная стена города была защищена заливом Золотой Рог. Вход в залив перегородивала огромная цепь, не дававшая входить вражеским кораблям. Турки не смогли преодолеть такое препятствие и решили перетащить свои корабли посуху. Для этого они сделали деревянную дорогу вокруг Галаты, длиной около 8 км. Хорошо смазав этот помост, они перетащили около 80 кораблей в Золотой Рог. Это сделало северную стену более уязвимой, и оттягивало туда большее число защитников.

И все же город был взят не с помощью одних пушек или перетянутых кораблей. Тем более не с помощью каких-либо предателей, указавших врагам слабые места. Силы были совершенно не равны. И после полуторамесячной «подготовки», когда стены уже были значительно разрушены, рвы наполовину засыпаны, а количество защитников уже было достаточно сокращено, Мехмет повел свою армию на решительный штурм фактически по всему периметру сухопутных стен города, с запада и с севера. Греки и помогавшие им итальянцы знали об этом, так что подготовка шла с обеих сторон.

Утром 29 мая все турецкие пушки дали одновременный залп, и армия Мехмета, включая янычарский корпус, пошла на штурм. Император Константин и начальник генуэзского отряда Джустиниани лично участвовали в сражении. Последний византийский император погиб на стенах города в последний день жизни византийского Константинополя. Через несколько дней его труп был найден по приказанию Мехмета: его смогли опознать по золотым орлам на пурпурных сапогах. Мстительный

султан приказал отрубить голову императора и поставить ее на колонне на обозрение жителей города.

По мусульманскому обычаю, сопротивлявшийся город был отдан на трехдневное разграбление солдатам. Кто-то смог спастись в Галату. Многие искали убежища в храмах и, главное, в Софии Константинопольской. «Кто расскажет о плаче и криках детей, – писал Дука, – о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов, – кто расскажет? Тогда рабыню вязали с госпожой, господина – с невольником, архимандрита – с привратником, юношей – с девушками». Оставшихся в живых продавали в рабство: это было по-прежнему важной статьей дохода османской экономики. «Народ же, – писал Нестор Искандер, – по улицам и по дворам не покоряхуся туркам, но бьюхуся с ними... вне града сущими и внутри града, и в день одолеваемы бежаху и скрывахуся в пропастях, а к ночи вылязаху и побиваху турков. А инии людии, и жены и дети метаху с верху палат керамиды и плиты и паки зажигаху кровли палатные деревянные и метаху на них с огни, и пакость деяху туркам велию». Наверное, оставшиеся в городе жители знали, что через три дня разграбления жизнь начнет возвращаться в свое русло.

Мехмет вошел в Константинополь и направился для молитвы в храм Софии, Премудрости Божией. После молитвы султана, по исламским правилам, храм должен был быть превращен в мечеть. И он оставался ею до начала XX в., когда стал музеем. Город, и так бывший в запустении, был разорен, сожжен и разграблен. Тысячи константинопольцев (если не десятки тысяч) были уведены в плен и проданы в рабство. Среди них, например, был и Геннадий Схоларий, через год ставший патриархом Константинопольским. Мехмет после взятия города удалился в Адрианополь, свою столицу, и торжественно вернулся в Константинополь уже ближе к концу года. Столица Византийской империи стала столицей империи Османской.

Через несколько лет пали последние независимые греческие государства. В 1460 г. пал Морейский деспотат на Пелопоннесе. В 1461 г. – Трапезундская империя Великих Комнинов. Немало образованных греков успело уехать в Италию, кто-то уехал на Русь. Но большинство греческого народа теперь вновь оказалось в рамках одного государства. Теперь это была империя, где главным этносом стали турки, а религией – ислам. Греки – а вместе с ними армяне – оказались в новой империи на втором месте, являясь – в отличие от завоевателей – носителями древней цивилизации и множества навыков, необходимых для функционирования любого государства.

3. После 1453 г

В начале 1454 г. Константинопольской церковью был избран новый патриарх. Им стал Геннадий Схоларий – один из образованнейших людей «последнего поколения» византийцев, автор множества произведений, переводчик Фомы Аквинского на греческий язык. При этом Схоларий был учеником и последователем св. Марка Эфесского, разделявшим его отрицательное отношение к Флорентийской унии, хотя он и сам был участником Флорентийского собора еще в качестве императорского чиновника. После смерти Марка Эфесского Схоларий возглавил сопротивление против признания Флорентийской унии в Константинополе. И хотя к 1453 г. он был простым монахом, многие воспринимали его именно как главу православных. Патриарх-униат Григорий Мамма бежал в Рим еще в 1450 г. Митрополит Исидор Киевский, игравший важную роль в продвижении унии в Константинополе в 1452 г., участвовал в защите города от турок и уехал в Рим только после падения Константинополя.

Для султана Мехмета разрешение избрать патриарха в самом начале 1454 г. было частью работы по упорядочиванию жизни греческого населения. Интересно, что сам Схоларий был предварительно выкуплен из плена в Адрианополе (как и многие люди, которых он потом рукоположил в епископы). То, что во главе Константинопольской церкви стал главный противник унии, соответствовало как мнению большинства верующих, так и политике султана: лишние контакты его новых подданных с католическим Западом были для турок совершенно нежелательны. Так, в 1454 г. Константинопольская церковь окончательно порывает с какой бы то ни было поддержкой флорентийских решений, а патриарх Геннадий Схоларий, с его авторитетом ученого человека и борца за православие, начинает работу по адаптации церковной жизни к новым условиям. Церковь получает полную свободу богослужения и церковного образования своей паствы, духовенство освобождается от налогов, однако патриарх становится лично ответственным перед султаном за все православное население империи. В Османской империи все подданные делились на «уммы» – этнорелигиозные общины. Константинопольский патриарх становится главой православной «уммы» в империи, независимо оттого, относились эти православные к Константинопольскому патриархату, или же к другим поместным православным церквам на Балканах, а потом и на Ближнем Востоке. Так, ответственности и влияния у патриарха стало,

может быть, даже больше, чем было в византийское время, но и отвечал он перед мусульманским правителем своей головой в самом прямом смысле слова. Так, в начале греческого восстания 1821 г. патриарх Григорий V был в день Пасхи повешен турками на воротах своей патриархии... Такая система отношений была установлена в основных чертах фактически сразу, еще при Мехмете и Схоларии.

За краткое время управления Константинопольской церковью (от Богоявления 1454 г. до Богоявления 1456 г.) патриарх Геннадий старался собрать то, что осталось: выкупать из плена духовенство, искать храмы, уцелевшие от разрушения и пригодные для богослужения. В отношении таких вопросов, как путаница в браках, сложившаяся в условиях войны и переселений, и в отношении духовенства, придерживавшегося униатских симпатий, патриарх старался следовать политике «икономии», то есть снисхождения и мягкости. В своем послании монахам Синайского монастыря он писал в 1455 г.: «Удостоверяем вас вселенским уверением как от просвещающего человеческие сердца Бога, – знайте, что точной упорядоченности в таинствах Церкви, архиерейском достоинстве, жертвах, псалмопениях, праздниках, монашеской жизни и во всем другом не было в начале христианства, но появилось позже. Началось это со времени великого императора Константина, когда начались и Вселенские соборы. Мудрость и забота правителей церкви, свобода и независимость христианства со временем исполнили эту упорядоченность». Но к середине XV в., по мнению святителя Геннадия, это время кончилось. Поэтому он достаточно подробно пишет монахам о христианстве первых веков, в первую очередь о его простоте и обилии мучеников. Тогда «христианство во всем имело простоту, а не такое разнообразие. Но и в такой простоте имел наш Иисус больше плода, потому что за Его Имя ежедневно умирали по всей вселенной сотни, тысячи, бесчисленное множество людей сверх числа, и ежедневно возрастало христианство, а небо наполнялось небесными ангелами... И ныне христианство подобно тому, что было до Константина, ибо сейчас, как и тогда, мы не имеем ни царства, ни свободы церкви, ни независимости».

Так, после падения Константинополя кончился «имперский» период истории греческого народа и византийской церкви. И настали времена, по мнению патриарха Геннадия, похожие на первые века христианства.

Для греческого народа действительно кончился один – византийский и имперский – этап его истории и начался другой. Теперь фактически весь греческий народ оказался вновь в составе одного государства. Вне османского владычества до XVI в. останется большая община греков в

Египте, хотя и там греки уже очень давно жили под властью мусульман. Ряд греческих островов еще останется под властью итальянских республик. А остров Корфу, например, так никогда и не был завоеван турками.

То, что раньше для греков было «государственным», теперь стало «национальным». Даже на уровне символики: двуглавый орел был в Византии государственным символом, после падения империи он становится для греков символом церковным и национальным. Греческая церковь перестала быть «имперской», но она ощутила себя национальной (особенно с учетом того, что о миссионерстве речи в мусульманском государстве идти не могло, а греки отличались от своих завоевателей в первую очередь именно верой).

После падения Византии сохранилось то, что раньше было так называемым «византийским содружеством» – ряд православных народов и государств, которые не входили в состав империи, но были связаны с Константинополем религиозными и культурными связями. И это не только греческие православные патриархаты Ближнего Востока, давно живущие под властью арабов-мусульман, – Александрия, Иерусалим, Антиохия. Это были и славянские народы Балкан. Также и Русь – Киевская, а затем и Московская. И после 1453 г. сохранялись церковные связи, которые шли как через Константинополь (иерархические связи), так и через Афон (монашество). Художники, церковное искусство, книжность – это тоже существовало поверх барьеров.

Роль Византии в передаче учености Западу эпохи Возрождения тоже была велика. Упомянутый даже в нашем небольшом тексте Варлаам был учителем греческого языка у великого Петрарки. Пока византийский философ Плифон участвовал во Флорентийском соборе (он был противником унии), Медичи в его честь открывают во Флоренции так называемую Платоновскую академию. Митрополит Виссарион Никейский, уезжая в Италию, захватил с собой большую рукописную коллекцию, которую потом пополнял другими текстами, переводами, рукописями. В конце жизни это книжное собрание было передано Венеции. С условием ее открытости для всех оно и стало основой великой венецианской «библиотеки св. Марка». Если для Восточной Европы Византия передавала в первую очередь православие, то для Запады она была хранительницей и источником знаний о греческой Античности, ведь именно византийские ученые и переписчики в течение столетий сохраняли книжное наследие Древней Греции.

Византия, завершившись как государство, сохранилась как цивилизация.

1

Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 173–174.

[Вернуться](#)

2

Ostrogorsky G. History of the Byzantine State. Oxford, 1980. P. 95.

[Вернуться](#)

3

Цит. по: *Себеос.* История императора Иракла / Пер. К. Патканова. СПб., 1862.

[Вернуться](#)

4

Себеос. История императора Иракла / Пер. К. Патканова. СПб., 1862. С. 111.

[Вернуться](#)

5

Gibbon E. The history of the Decline and Fall of the Roman Empire. Ed. J. B. Bury. Ch. 46.

[Вернуться](#)

6

Theophanes. Chronographia. Ed. C. de Boor. P. 333.

[Вернуться](#)

7

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Русское издание. М., 1998. С. 52.

[Вернуться](#)

8

Прокопий Кесарийский. Война с персами, война с вандалами. Тайная история / Пер. А. А. Чекаловой. М., 1993. С. 344, 382.

[Вернуться](#)

9

The Third Part of the Ecclesiastical History of John, Bishop of Ephesus. Transl. R. Payne Smith. Ox., 1860. P. 432–433.

[Вернуться](#)

10

Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. М., 1994. Т. 4. С. 512.

[Вернуться](#)

11

Цит. по: *Дворкин А.* Очерки по истории Вселенской Православной церкви. М., 2003. С. 480–481.

[Вернуться](#)

12

«Три слова против порицающих иконы». Цит. по: *Дворкин А.* Указ соч. С. 482.

[Вернуться](#)

13

Исповедниками называются люди, претерпевшие страдания во время гонений, но все же не погибшие мученической смертью.

[Вернуться](#)

14

Ostrogorsky G. History of the Byzantine State. 1969. P. 218.

[Вернуться](#)

15

Сюзюмов М. Ю. Книга Эпарха. Первые издания. Свердловск, 1949 (М., 1962).

[Вернуться](#)

16

Ostrogorsky G. History of the Byzantine State. 1969. P. 264.

[Вернуться](#)

17

Диакон Л. История. II, 12.

[Вернуться](#)

18

Yaqut. Geographisches Worterbuch, ed. H. F. Wustenfeld, Bd. III. S. 527.

[Вернуться](#)

19

Historiae, V, 4.
[Вернуться](#)

20

Комнина Анна. Алексиада. Кн. X, гл. 5.
[Вернуться](#)

21

Там же.
[Вернуться](#)

22

Цит. по: Монтефиоре С. С. Иерусалим, биография. М., 2017. С. 287.
[Вернуться](#)

23

Вилардуэн Ж. де. Завоевание Константинополя / Пер., ст. и коммент. М.А. Заборова. М., 1993. С. 33–34.
[Вернуться](#)

24

Русский перевод ороса Флорентийского собора см.: Занемонец А. В. Иоанн Евгеник и православное сопротивление Флорентийской унии. М., 2008. С. 83–86.
[Вернуться](#)

25

Мейендорф И. Византийское богословие. Исторические направления и вероучение. М., 2001. С. 199.

[Вернуться](#)

26

Ducas M. Historia Byzantina. Bonnae, 1834. Cap. XL. P. 302.

[Вернуться](#)

27

Ducas M. Op. cit. P. 286.

[Вернуться](#)